

801-16
1913

Р 1-80
9518

ИСТОРИЯ

МОГИЛЕВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО

БРАТСТВА.

Р. Жудро.

МОГИЛЕВЪ НА ДНѢПРѢ.
Скоропечатня и Литографія Ш. Фридланда.

1890.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать позво-
ляется. 2 октября 1890 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Григорій.*

71133-0

2007336624

ИСТОРИЯ

Могилевскаго Богоявленскаго Братства.

Слѣдь западно-русскихъ братствъ въ полуистребленныхъ письменныхъ памятникахъ обозначается съ начала XV ст. Приблизительно до 80-хъ гг. XVI в. они являются какъ учрежденія сословныя, состоящія исключительно изъ мѣщанъ, и преслѣдующія частью религиозныя, частью житейскія цѣли. Религиозное значеніе ихъ состояло въ томъ, что они заботились о матеріальныхъ нуждахъ церкви и дѣлахъ благотворительности. Въ своемъ устройствѣ братства имѣли много общаго съ цехами. И цехи и братства были свободными общинами въ городскомъ населеніи. Магдебургское право, давшее городамъ возможность самоуправленія, сообщило братствамъ прочную организацію. Подъ его вліяніемъ, они завели у себя свой судъ и выработали особые уставы. Съ 80-хъ гг. XVI ст. братства вступаютъ въ новый фазисъ своего развитія. Въ виду опасности, грозившей западно-русской церкви, въ виду и внутренняго ея устройства (главнымъ образомъ упадка іерархіи) и усиленія иновѣрной пропаганды (главнымъ образомъ католицизма), братства расширяютъ сферу своей дѣятельности и видоизмѣняютъ свое устройство. Львовское братство выработало сообразный съ новыми запросами времени уставъ, который, получивъ санкцію отъ восточныхъ патріарховъ, сдѣлался образцомъ для другихъ братствъ. По этому уставу, братства должны направлять свою дѣятельность къ удовлетворенію не только матеріальныхъ нуждъ церкви, но и духовныхъ. Для этого они должны стать союзомъ всесословнымъ, заво-

дять училища, типографіи, богадѣльни. Всѣ братства организуются въ общій союзъ во главѣ съ Львовскимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ отъ патріарха цареградскаго право ставропигіи, т. е. независимости отъ юрисдикціи мѣстнаго епископа и даже право контроля надъ послѣднимъ. Получивъ такую организацію, братства сдѣлались центромъ того религіозно-нравственнаго и умственнаго движенія, которое съ особенною силою проявилось въ Западной Россіи съ конца XVI в. въ интересахъ самосохраненія отъ натиска католической пропаганды и полонизма.

Въ этой дѣятельности братствъ нѣкоторая роль выпала и на долю Могилева. На исторической сценѣ Могилевское братство обозначается съ 1588—89 гг. Оно примыкаетъ къ союзу передовыхъ братствъ — Львовскаго, Виленскаго и др., принимаетъ новый уставъ и преслѣдуетъ цѣли, намѣченныя послѣднимъ. Съ этого времени дѣятельность его на глазахъ исторіи; но прежде чѣмъ приступить къ очерку и характеристикѣ этой дѣятельности, посмотримъ, были ли какіе-нибудь прецеденты для появленія въ Могилевѣ *такого* братства и какія мѣстныя условія благоприятствовали выступленію его на путь *церковно-оборонительной дѣятельности*. Рѣшеніе этихъ вопросовъ покажетъ, вытекало ли появленіе братства изъ строя и духа мѣстной церковной жизни и изъ состоянія ея въ то время, было ли это учрежденіе для Могилева живымъ, самобытнымъ, или же заимствованнымъ, пересаженнымъ.

Какъ въ другихъ западно-русскихъ городахъ, въ Могилевѣ, вѣроятно, съ давнихъ поръ существовали древне-русскій обычай медоваренія. Мѣщане въ опредѣленные праздники („урочистые свята“) устраивали такъ называемые „склады“, т. е. въ складчину покупали прѣсный медъ, варили его, получавшійся напитокъ распивали, а воскъ отдавали въ церкви на свѣчи. О древности этого обычая въ Могилевскомъ краѣ свидѣтельствуетъ и письменный памятникъ и устный.

Вотъ что поетъ пѣсня этого края:

„Потомъ того, славны пане,   Божало свѣчу насукать будутъ,
Славны пане, Лексѣй Иларичъ,   Солодки кануны сѣдять будутъ,
Солодкаго меду кануны будутъ,   Славнаго пана величать будутъ,
Жоутаго воску свѣчи будутъ,   Славнаго пана, Лексѣя Иларича“.

Вотъ еще описаніе самаго процесса медоваренія:

„Ой тымъ жа ёнь (пань) ушла-   А висять котлы усѣ мѣдяныя,
вився,   А варять пиво усѣ пшаничноя,
Што у яго на дворѣ огни горять,   А гонять горѣлку акавиточку,
Огни горять усѣ тихонькія,   А къ тому, къ сяму, къ свя-
А дымять дымы усѣ синянькія,   тому Вяличку“¹⁾.

Древнѣйшее писанное свидѣтельство объ этихъ празднествахъ въ отношеніи къ Могилеву восходитъ къ 1561 г. Въ грамотѣ этого года, даровавшей городу разныя льготы, между прочимъ говорится: „С корчомъ мескихъ... дають до скарбу нашего в кажды годъ копъ тисечу и чотыриста... окромъ *складу* замкового, который уряду волно на пожитокъ свой мети одинъ кротъ до году, ку святу святаго Іоанна Крестителя, а сытити ему пятьдесятъ пудовъ меду, ваги тамошнее Могилевское, або што похочеть. И особливе тежь кромъ складовъ поповскихъ²⁾ и мещанскихъ, которыхъ сытити волно попомъ на годъ, то есть, ку святу святого Спаса, а на день Вознесенія Христова и ку святой Троицы, къ Матцѣ Божой, а на день святого Микола, и на день святыхъ Апостоль Петра и Павла, а на день святого Іліи; одножь за кождымъ разомъ не болшь, толко за два рубли грошей широкыхъ меду купивши, разсытити малоть. Ктому мещаномъ места Могилевскаго волно есть у каждый годъ дванадцать складовъ на пожитокъ ихъ мети ку святомъ урочистымъ, коли они сами похочуть; одножь за каждымъ разомъ не болшь, толко за два рубли грошей широкыхъ купивши, сытити они малоть“³⁾. Эти складчинные союзы, или, какъ ихъ называютъ, медовыя братства, какъ видно, были первоначально временными, возникавшими только къ извѣстнымъ праздникамъ. Но важно отмѣтить двѣ характерныя черты этихъ складчинъ: во-первыхъ, онѣ устраиваются къ „урочистымъ святамъ“, въ честь того или другаго святаго, который почитается покровителемъ принимающихъ участіе въ празд-

¹⁾ Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 3 и 1.

²⁾ „Поповскіе склады“ и склады городского уряда нужно понимать не такъ что священники и чиновники уряда изъ себя образовывали союзы для праздника, а такъ, что священники и чиновники распоряжались и пользовались тѣми доходами, которые получались отъ праздничныхъ угощеній *мѣщанъ*, жившихъ на земляхъ церкви и уряда и поданныхъ имъ. См. напр. Витебская Старина т. I. № 153.

³⁾ Бѣлорус. Архивъ № 11.

нествѣ; во-вторыхъ, воскъ отъ медоваренія шелъ въ пользу церкви. Этотъ религіозный характеръ складчинъ и связь ихъ съ церковью даютъ основаніе видѣть въ нихъ если не зародышъ, то по крайней мѣрѣ явленіе одного порядка съ тѣми братствами западно-русскихъ городовъ, которыя характеризуются частью какъ церковныя, частью какъ житейскія. А слѣды существованія и этихъ послѣднихъ въ Могилевѣ обозначаются въ историческихъ памятникахъ. Была указана связь въ устройствѣ и развитіи этихъ братствъ съ цехами и Магдебургскимъ правомъ: она наблюдается и въ отношеніи Могилева. Въ послѣднемъ Магдебургское право введено въ 1561 г.—малое и въ 1577 г.—большое; съ этимъ правомъ стало развиваться цеховое устройство, а за ними находимъ и братства. Въ 1589 г. одно изъ нихъ—кушнерское получило привилегію отъ короля, изъ которой видно, что въ Могилевѣ, кромѣ кушнерскаго, существовали и т. „ишнія“ братства. Вотъ въ какомъ видѣ представляется устройство этого кушнерскаго братства. Оно имѣетъ свой домъ, въ который можетъ входить „каждый посполитый человекъ мѣщане мѣста Могилевскаго закону греческаго, того ремесла кушнерскаго“ для того, чтобы „о потребахъ церковныхъ и шпитальныхъ намовы свои мѣвати“, а также „медъ сытити“ „водлѣ (по) звычайсвѣ своихъ“. Оно выбираетъ на одинъ годъ „старшихъ“ или „старостъ“, которые завѣдуютъ братской кружкой и всѣми вообще „справами“ (дѣлами) братскими; староста наблюдаетъ за порядкомъ и благочиніемъ во время празднества; ему же принадлежитъ сильный голосъ въ братскомъ судѣ. Помощниками старосты въ устройствѣ празднествъ назначаются ключники. Въ празднествѣ участвуютъ братчики, приглашенные гости и лица, „вкупившіяся“ на время празднества. Въ кругъ гостей могли входить и инословные: духовные—православные и *католики*, шляхта. Участникамъ празднествъ внушалось не напиваться, не разливать меду, не заводить ссоръ, не говорить непотребныхъ рѣчей, не входить въ домъ съ оружіемъ, не спорить изъ-за мѣста, а сидѣть тамъ, гдѣ придется; впрочемъ староста долженъ давать мѣста „по стану“ (достоинству). Всѣ возникшія во время празднества ссоры рѣшались братьями и старостой и не подлежали никакому другому суду—ни духовному, ни свѣтскому. Воскъ отъ медоваренія, свободнаго отъ пошлины, шелъ на церковныя свѣчи, а выручка отъ продажи „сыты“ „на potrzeby и оправы и на слуги церковные, такъ тежъ и на милосерд-

ные учинки до шпиталя и на ялмужну (милостыню) убогихъ людей“. — Членъ братства не имѣлъ права переходить въ другое братство, не выписавшись изъ своего. Магистратъ не долженъ былъ чинить братству никакой кривды и брать членовъ его „на послуги“ „до ишого“ братства. — Домъ братскій освобождался отъ всякаго постоя¹⁾.

Какъ видно изъ сказаннаго сейчасъ, кушнерское братство, хотя оно устроилось только въ 1889 г., подходитъ подъ тотъ типъ братствъ, который существовалъ до 80-хъ гг. XVI в. Дѣйствительно, оно сословно, связано съ цехомъ кушнеровъ, печется только о матеріальныхъ нуждахъ церкви, а не о духовныхъ; напр. о борьбѣ съ иновѣріемъ въ уставѣ нѣтъ и помина; мало того: на братскія празднества могло являться католическое духовенство.

Какія „ишнія“ братства существовали еще въ Могилевѣ, изъ сохранившихся памятниковъ не видно, но съ нѣкоторою вѣроятностію можно приурочивать одно изъ нихъ къ Спасской церкви, къ той церкви, вокругъ которой съ 1589 г. группировалось церковно-оборонительное братство.

Спасская церковь была не только древнѣйшей въ городѣ, но, что особенно важно, Спасъ считался патрономъ Могилева: его называютъ „великимъ Спасомъ“, „всемиловитѣйшимъ Спасомъ“; его именемъ скрѣпляютъ договоры цѣлаго города; иконы Спаса подносятся въ даръ важнымъ лицамъ отъ всего города. Такіе патрональные храмы въ древней Руси существовали почти въ каждой области, въ каждомъ городѣ и служили центромъ религіозной и гражданской жизни²⁾. Такое положеніе „Спаса“ приводитъ къ мысли, что при немъ существовало братство, подобное кушнерскому, тѣмъ болѣе, что „ку святу светого Спаса“ устраивались и складчинныя празднества.

¹⁾ Ак. Ю. и З. Р. т. I, № 188.

²⁾ Вотъ важное свидѣтельство одного житія о почитаніи патроновъ цѣлыми областями и городами: „Псковъ и великій Новгородъ блажить Варлаама и Миханла, юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажить вл. Θεодора, московское же царство блажить Петра, Алексѣя и Юуу и Максима и нивѣхъ множество. Ростовъ блажить Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда бо блажить преп. Дмитрія и ниня тамо сущія многія: *каждо страна своихъ блажитъ*. И мы же (Устюжане) тебе, Проконіе; сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней же градъ Секурія, и она блажить Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажить Савватія и Зосиму. Мы жъ тебя, яко стража и хранителя, имѣемъ отчины нашея града Устюга“. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863 г. № 1).

Итакъ, духъ братской организаціи присущъ былъ мѣстичамъ Могилевскимъ; сказывался онъ еще въ складчинныхъ пирахъ и съ большею силою проявился, съ дарованіемъ городу Магдебургскаго права и появленіемъ цеховъ, въ устройствѣ нѣсколькихъ братствъ полуцерковнаго, полубытоваго характера.

Какія же обстоятельства благоприятствовали дальнѣйшему развитію этихъ братствъ и что вызвало ихъ на новый путь дѣятельности, путь борьбы и защиты духовныхъ интересовъ церкви? Самыми характерными явленіями западно-русской церкви во второй половинѣ XVI ст., имѣвшими вліяніе на направление дѣятельности братствъ, были: а) крайній упадокъ духовенства и ожесточенная борьба его съ мірянами изъ-за права участія въ дѣлахъ церковныхъ, права, выражавшагося въ патронатѣ (*jus patronatus*) и б) напоръ католической пропаганды и подготовка и введеніе уніи, какъ переходной ступени къ латинству. Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ этихъ обстоятельствъ и выдвинулись братства на путь церковно-оборонительной дѣятельности. Прослѣдимъ же, какъ эти явленія отражались въ Могилевѣ, обуславливая собою новое направленіе въ жизни здѣшнихъ братствъ.

а) Могилевъ былъ городомъ королевскимъ, и *jus patronatus*, вошедшее въ Литвѣ въ область *вотчинныхъ* правъ, принадлежало королю, т. е. король считался единственнымъ опекуномъ, „подавателемъ“ и ктиторомъ всѣхъ Могилевскихъ церквей, монастырей, поповъ, чернецовъ и всѣхъ слугъ церковныхъ¹⁾. Но такъ какъ Могилевскія церкви не представляли для короля въ экономическомъ отношеніи особеннаго интереса, то право патронатства надъ ними обычно продавалось на вѣчность или на очень продолжительный срокъ мѣстному духовенству. Такъ, Спасскую церковь и монастырь при ней предъ 1576 г. „держалъ“ „за листами Жикгимонта Августа“ Иванъ, протопопъ Могилевскій. Въ 1590 г. Павелъ Григорьевичъ, попъ Заднѣпровской Троицкой церкви, по дѣлу, возникшему у него съ прихожанами заявилъ въ магистратѣ, что „держанье“ этой церкви со временъ дѣда его—старога попа Самуила Ивановича принадлежало его роду (это право рода на церковь называлось „правомъ дѣдизнымъ“, а полученіе его „одѣдиченьемъ“)²⁾. Тогдаш-

¹⁾ Созоновъ, Историко-Юрид. мат., вып. 2, стр. 354.

²⁾ А. З. Р. т. 3, № 94; Созоновъ, Ист.-Юрид. матер., вып. 7, стр. 496.

нее деморализованное духовенство, получая въ свое распоряженіе церкви, смотрѣло на нихъ, какъ на доходную статью, и старалось извлечь изъ нихъ какъ можно больше выгодъ. Такъ Полоцкій архіепископъ Теофанъ Богданъ, получивъ въ „держанье“ Спасскій монастырь (1578 г.), просто сдалъ его въ аренду. „Арендарь“ же, какъ жаловались мѣщане, „только пожытковъ своихъ стерегъ, а не хвалы Божой, отчего церковь вельми опала“¹⁾. Такое положеніе церковныхъ дѣлъ не нравилось горожанамъ. Уже по своему феодальному характеру *jus patronatus* шло въ разрѣзъ съ народнымъ воззрѣніемъ. По этому воззрѣнію, прихожане принадлежать церкви и ею управляютъ, а права собственника въ церкви не должны имѣть никакого значенія. Къ этому присоединилось еще безобразное хозяйничанье духовенства въ церквахъ, имъ патронируемыхъ. Не имѣя возможности отстоять народный строй церкви, мѣщане въ свою очередь сами стали добиваться права патроната надъ городскими церквами, и подъ его покровомъ устроить церковныя дѣла на своихъ началахъ. Отсюда между мѣщанами и духовенствомъ возгорѣлась сильная борьба, которая все болѣе и болѣе ожесточалась по мѣрѣ развитія городской общины съ дарованіемъ ей права самоуправленія. Вотъ эта-то борьба и была однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ развитію братствъ. Отмѣтимъ сначала наиболѣе характерные факты этой борьбы.

1590 г. 22 іюля Павелъ Григорьевичъ, попъ церкви св. Троицы, что за Днѣпромъ, занесъ въ магистратскія книги такую жалобу. 21 іюля, когда зазвонили къ вечернѣ, онъ, Павелъ Григорьевичъ, отправился въ церковь; на пути на него напали мѣщане Ермола Алексѣевичъ, двое Пигоренковъ, Сидоръ Бобровникъ и другіе ихъ „попличники“, отняли у него церковный ключъ, забрали ризы, книги и всякіе церковные сосуды и передали церковь другому священнику Овдею Типковичу; между тѣмъ дѣлать этого они не имѣли никакого права, такъ какъ еще со временъ дѣда его—старога попа Самуила Ивановича „держанье“ Троицкой церкви принадлежало его роду, и онъ, Павелъ Григорьевичъ, владѣеть церковью „правомъ дѣдизнымъ“ (потомственнымъ). Посланное магистратомъ для слѣдствія лицо донесло, что, по словамъ обвиняемыхъ, церковь отнята ими отъ попа за то, что ихъ, мѣщанъ, не чтитъ и ни въ

¹⁾ Ак. З. Р. т. 3, № 152.

чемъ послушнымъ быть не хотѣлъ, обходился съ ними гордо и похвалялся: „я-де не обращаю на васъ, мѣщанъ, вниманія, не отъ васъ я имѣю церковь, а отъ господаря короля его милости и содержаніе отъ господаря получаю“. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бы въ отнятіи церкви прихожане дѣйствовали по общему согласію; между тѣмъ оказалось, что отнять церковь распорядилась одна часть ихъ, другая же заявила въ магистратѣ, что „братья ихъ“ чинили то безъ общей вѣдомости и позволенія, чего она терпѣть не желаетъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что священнику возвратили церковь, но въ назиданіе прибавили: „не будь же такъ пышнымъ и гордымъ“¹⁾.

Особенно упорная борьба велась между мѣщанами и духовенствомъ изъ-за Спасскаго монастыря. Эта борьба для насъ представляетъ особенный интересъ, такъ какъ предметомъ ея былъ тотъ монастырь, при которомъ первоначально устроилось разсматриваемое нами братство; кромѣ того, въ ней принималъ участіе весь городъ, съ магистратомъ во главѣ; слѣдовательно, она неизбежно касалась и всѣхъ братствъ, существовавшихъ въ Могилевѣ.

Около 1576—77 гг. умеръ протопопъ Иванъ, державшій Спасскій монастырь „за листами“ Сигизмунда Августа. Янъ Ходкевичъ, земскій маршалокъ великаго княжества Литовскаго, съ согласія другихъ сенаторовъ, передалъ монастырь со всѣми его доходами епископу Полоцкому Теофану Богдану, „абы хвала Божая въ той церкви не зничила“²⁾. Но мѣщане остались крайне недовольны этой передачей. 8-го апрѣля 1577 г. нѣкоторые изъ нихъ, сговорившись между собою въ корчмѣ, прибыли въ монастырь Св. Спаса и „почали на квалтъ звонить у большой звонъ“. Намѣстникъ епископа Сасянъ Захариничъ, думая, что „на огонь звонять“, выслалъ своего зятя, шляхетнаго Яна Солецкаго; но мѣщане бросились на него „съ кійми, съ коллемъ и зъ ишою бронєю, съ коня его сбили“, такъ что Солецкій едва успѣлъ закрыть за собою монастырскія ворота; мѣщане не успокоились: „не маючи бачности на место светое монастырское, мощно, квалтомъ ворота монастырскіе выбили и выломали“; видя опасность, Солецкій скрылся въ домъ владыки, но и тутъ не нашелъ убѣжища: мѣщане „выломали двери

до сеней и до светлицы, и оныя пощепади“, Солецкаго вытащили „за горло“, били палками „хотечи забить его до смерти“ и засадили „на ландугъ“ (цѣпь) въ городскую тюрьму; была прибита также и беременная жена Солецкаго, желавшая защитить мужа. Чего желали мѣщане отъ намѣстника епископскаго, въ жалобѣ¹⁾ его магистрату, на основаніи которой нами изложено это дѣло, не выяснено. Но что они были недовольны именно передачей права патроната надъ Спасскимъ монастыремъ епископу, видно изъ того, что послѣдній векорѣ послѣ этого дѣла постарался получить отъ короля подтвердительную привилегію на монастырь²⁾. Дѣло тѣмъ не кончилось.

Укрѣпивъ за собою монастырь, епископъ сдалъ его въ аренду. „Арендаръ“ же, жаловались мѣщане, какъ уже сказано, „только пожитковъ своихъ, а не хвалы Божой стерегъ, отчего церковь вельми опала“; а между прихожанами стали появляться „частые и неслучные разводы (расторженія браковъ), што есть противно Богу и приказанью Его святому“. Въ жалобѣ мѣщане прибавляли, что церковь Спаса построена ими и „въ ихъ моцы (власти) и подаванью предъ тымъ дей завжды (всегда) бывала“. Жалоба эта признана была основательной, и король далъ привилегію на церковь мѣщанамъ³⁾. Хотя эта привилегія и еще разъ была подтверждена королемъ (1588 г. 14 іюня), однако и послѣ этого дѣло не окончилось. Не болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ послѣдней привилегіи мѣщанамъ назначенъ былъ въ Полоцкую епархію новый владыка Афанасій Терлецкій; 22-го сентября 1588 г. онъ получилъ жалованную грамоту на епископство, по которой ему назначался и Спасскій монастырь. Епископъ, явившись въ епархію, потребовалъ отъ мѣщанъ передачи ему монастыря, но послѣдніе не хотѣли уступать ему и, по всей вѣроятности, подкрѣпили свои претензіи какою-нибудь угрозою, потому что епископъ вынужденъ былъ отречься отъ своихъ правъ на монастырь и даже самъ положить штрафъ въ тысячу копъ грошей за неисполненіе своего отказа. Послѣ того однако онъ явился къ королю и снова заявилъ свои права на монастырь, указывая на то, что имъ владѣли прежніе Полоцкіе архіереи, предста-

¹⁾ Созоновъ, Истор.-юр. матер. в. VII, стр. 288.

²⁾ А. З. Р. т. 3, № 94.

³⁾ А. З. Р. т. 3, № 152.

вивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и грамоту отъ 22-го сентября 1588 г. Явились къ королю и мѣщане и вопреки епископу утверждали, что они всегда владѣли монастыремъ, и положили свою привилегію отъ 14-го іюня того же года. Король, „взглянувши въ обо-два привеллен“ свои и, видя болѣе раннюю дату у мѣщанъ, рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу.

Какой же результатъ этой борьбы для городской церковно-религіозной жизни? Конечно, ассоціація мѣщанъ, дѣйствуя единодушно, побѣдила болѣе или менѣе разрозненныхъ представителей противной стороны. Большинство городскихъ церквей оказалось подъ патронатствомъ мѣщанъ. Достигнувъ этого коллективнаго (цѣлымъ приходомъ) патроната надъ церквами путемъ упорной борьбы съ духовенствомъ, мѣщане старались какъ можно крѣпче удержать добытое право въ своихъ рукахъ и не хотѣли поступаться ни однимъ изъ атрибутовъ его. Такъ, прежде всего мѣщане взяли въ свое вѣдѣніе церковное имущество: „Епископъ, сказано о Спасской церкви, въ доходы церковные уступоватисе не маеть“. Для завѣдыванія имуществомъ избирался одинъ или два эконома („шафары“) изъ „людей добрыхъ, вѣры годныхъ“, которые обязаны были давать ежегодный отчетъ предъ всѣмъ собраніемъ прихожанъ въ расходованіи вѣреныхъ имъ суммъ. Затѣмъ, мѣщане по своему желанію избирали для себя священниковъ, и епископъ не долженъ былъ отказывать въ посвященіи выбранныхъ мѣщанами, наблюдая только за тѣмъ, чтобы эти избранники были людьми „годными и въ писемѣ Божомъ учеными“¹⁾. Это были юридическія права патроновъ, но практика расширяла ихъ еще далѣе, такъ что автономія прихожанъ въ дѣлахъ церковныхъ достигла слишкомъ громаднхъ размѣровъ.

Это расширение и усиленіе коллективнаго приходскаго патроната отразились самымъ благопріятнымъ образомъ и на развитіи братствъ. Братства стояли близко къ церкви; они любили „о речахъ церковныхъ намовы свои мѣвати“; нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои алтари въ церквахъ, свое даже духовенство; они такимъ образомъ составляли какъ-бы приходъ въ приходѣ. Отсюда процессъ развитія приходскаго патроната былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и процессомъ развитія братствъ и особенно ихъ патронатскихъ правъ. Последнія, какъ находившія для себя въ борьбѣ съ духовенствомъ импульсъ для раз-

¹⁾ А. З. Р. т. 4, № 6 и 23.

витія, выступали въ братской организаціи на первый планъ и отбѣсняли собой житейскія дѣла. Черезъ это двѣ формы церковно-религіозныхъ отношеній — патронатъ и братства сливались; братства, и прежде заботившіяся о дѣлахъ церкви, теперь становятся во главѣ прихода и занимаютъ роль органа приходскаго патроната.

Такъ какъ въ борьбѣ съ духовенствомъ наибольшей силы достигъ патронатъ Спасской церкви, то должно было получить особенное значеніе и предполагаемое нами братство при этой церкви.

б) Въ то время, когда во внутренней церковной жизни Могилева происходилъ описанный процессъ развитія патроната и братствъ, совнѣ благополучію ея стала угрожать великая опасность. Въ западной Руси усилилась пропаганда католицизма и протестантизма, и началась подготовка ко введенію уніи. Эти обстоятельства не прошли мимо и Бѣлоруссіи и въ частности Могилева.

Въ 1582 г. произошло первое и вмѣстѣ съ тѣмъ грубое нарушеніе правъ бѣлорусскихъ православныхъ. Стефанъ Баторій, по завоеваніи у Москвы Полоцка, отдалъ іезуитамъ для основанія и содержанія коллегіума всѣ Полоцкія церкви съ ихъ имѣніями, оставивъ православнымъ только каѳедру архіепископа. Интересна жалованная грамота, данная королемъ по этому поводу: она ясно показываетъ усиленное стремленіе Баторія окатоличить Бѣлоруссію. Это и понятно. Грандіознымъ планамъ Баторія — побѣдить Москву и двинуть соединенныя силы ея и Польши на турокъ — не малой помѣхой служило тяготѣніе литовско-бѣлорусскихъ областей къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ, тяготѣніе до того сильное, что, по свидѣтельству іезуита Поссевина, въ нихъ даже публично молились о дарованіи побѣды Москвѣ надъ поляками¹⁾. Поэтому-то Бѣлоруссія, какъ страна непосредственно прилегающая къ Московскому государству, и стала предметомъ особаго вниманія короля. Онъ находилъ, что здѣсь католичество „извращено и подавлено насиліемъ схизмъ и ересей“, и потому онъ поставилъ главною своею заботою „распространять и насаждать истинное католическое исповѣданіе святаго имени его въ этихъ преимущественно странахъ“. „Ибо мы думаемъ, писалъ король въ жалованной грамотѣ, что долгъ истиннаго государя — не только печисъ о правосудіи, мирѣ и тишинѣ подвластныхъ народовъ, но, еще болѣе, устроить вѣчное

¹⁾ Supplementum ad historica Russiae monumenta, № 11.

ихъ спасеніе, чтобы, съ разсѣяніемъ мрака невѣжества, заблужденій и грубаго варварства, съ распространеніемъ же свѣта истиннаго богопознанія и богопочтанія и просвѣщенія умовъ, водворился въ нихъ страхъ Божій, полагалось начало и приносились плоды мудрости, процвѣтало благочестіе христіанской жизни, и чтобы все они (подданные), будучи собраны не только въ одномъ государствѣ, но и въ одно стадо Христово и вѣчное его царство, обрѣли и пажити жизни небесной. Мы убѣждены также, что святая римско-католическая вѣра и спасительное исповѣданіе ея служить опорой и сильнѣйшею защитой противъ всякихъ опасностей для всякаго государства и что провозвѣстники ея, священники, предавшие себя всецѣло единому только Богу, а здѣшнее земное вмѣняющіе въ тщету, будучи служителями олтара Господня... образуютъ стѣну нерушимую... Все это (передача церкви іезуитамъ) дѣлается для того, чтобы здѣшній народъ, погруженный въ заблужденія, расколы, крайнее варварство и не знаніе божескихъ вещей, и все заблудшіе съ пути истины, тѣмъ скорѣе сопричтены были къ единому стаду Христову, обратились къ единому видимому намѣстнику Христову на землѣ и просвѣтились познаніемъ истинной и святой вѣры, и чтобы непросвѣщенные ихъ умы тѣмъ успѣшнѣе были развиты науками и изящными искусствами во славу Божию и во спасеніе душъ¹⁾.—Передача іезуитамъ церкви въ Полоцкѣ, какъ она была ни несправедлива, все же касалась одного города. Но въ томъ же 1582 г. вышло королевское повелѣніе, которое касалось уже всей западно-русской церкви и произвело всеобщее смущеніе православныхъ. Разумѣемъ распоряженіе о перемѣнѣ юліанскаго календаря на введенный тогда въ Европѣ григоріанскій. Вотъ свидѣтельство современника о томъ, какъ отразилась календарная реформа въ Бѣлоруссіи: „за короля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку Полоцкаго Терлецкаго ляха: бо передъ тымъ былъ ритмистромъ и векъ свой зжилъ,—на тотъ же часъ было великое замѣшаніе промежь панамы и промежь людми духовными, такъ же и людми прѣстыми, было плачу великого, нареканья сильного, похвазки, посварки, забуйство, грабежи, заклинанія, видячи яко новыя свята установляли, празники отменяли, купцомъ торги альбо ярмарки поотменяли; правое было начало приствія (пришествія)

1) Витебская Старина т. I, ч. 5, № 49.

Антихристова у такомъ великомъ замешанью¹⁾. Итакъ, благочестивый человекъ видѣлъ въ реформѣ календаря чуть не признакъ пришествія антихриста. Даже кратковременность царствованія Баторія объяснялась такимъ его нечестивымъ дѣломъ, какъ реформа календаря. Назвавъ Баторія человекомъ „побожнымъ, рыцѣрскимъ, военнымъ, щасливымъ, правдивымъ, правымъ“, тотъ же авторъ Баркулабовской хроники замѣчаетъ: „напочатокъ отъ него новый календаръ украдоватися почалъ; прето немного летъ и на свете мешкалъ“²⁾.

Подъ конецъ своего царствованія Баторій разочаровался въ іезуитахъ, и пропаганда ихъ ослабѣла. Съ новой и упорной силой она обнаружилась со вступленіемъ на престолъ короля Сигизмунда III (1588 г.), воспитанника іезуитовъ. „Тогда-то, по словамъ Баркулабовскаго хроникера, показалось отщепенство и великое гоненіе у святой вере на церкви Христовы, и наболѣе на веру католическую, на веру христіанскую“³⁾. Въ это время въ Могилевѣ⁴⁾, Оршѣ, Мстиславлѣ были устроены королевемъ костелы. Вскорѣ же началась дѣятельная подготовка уніи. Обыкновенно думаютъ, что Полоцкіе архіепископы—Аѳанасій и Наѳанай не принимали участія въ этой подготовкѣ, и первымъ, измѣнившимъ православію, былъ Германъ Загорскій, но это не вполне справедливо: по крайней мѣрѣ Наѳанай сочувствовалъ затѣвѣ другихъ епископовъ-отступниковъ, хотя дѣйствовалъ осторожно и скрытно. Вотъ какъ отзывается о немъ авторъ Баркулабовской хроники: „того жъ року (1592) по Теофанѣ (Аѳанасіѣ?) Владыцѣ совершено на владычество полоцкое Наѳанайла Терлецкаго (Селицкаго?), начальника новому календару безаконому, сгоданому и безыменному; какъ того зовут, кто подалъ ни Моисей, ни Христоръ. И то было вельми скрыто, по тайнѣ

1) Баркулабовская хроника, стр. 53. (напечатано въ Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси, Кулиша).

2) Тамъ же, стр. 49.

3) Тамъ же, стр. 55.

4) Закладку перваго костела въ Могилевѣ Чистовичъ относитъ къ 1604 г. Но авторъ Баркулабовской хроники отодвигаетъ ее къ 1594 г., прибавляя, что до этого времени въ Могилевѣ костеловъ не было (тамъ же, стр. 63); на основаніи же словъ игумена Ореста (Археогр. сборн., т. 2, прилож., стр. IV), что король въ 1588 г. велѣлъ одну часть воску отъ братскихъ Могилевскихъ „складовъ“ давать на костелъ, нужно думать, что уже въ 1588 г. былъ въ Могилевѣ костелъ. Вспомнимъ, что въ грамотѣ 1588 г. кушнерскому братству упоминаются уже кевндзы.

межи собою ховано ажъ до року 96^а (стр. 62). Еще: „того жъ року (94), по святе велебномъ, Наѳанаилъ Терлецкій (Селицкій?), владыка полоцкий съ того света преставился. Жилъ на свете своего живота летъ шесть (60?). Тотъ помаленьку увѣдилъ новый календарь: бо былъ родомъ полякъ и мовилъ по польску“ (стр. 64).

Итакъ, попытки къ окатоличенію Бѣлоруссін съ 80-хъ гг. были довольно часты и сильны. При Сигизмундѣ III опасность стала прямо угрожать и Могилеву и вызывала на борьбу съ собою православныхъ. Орудіе борьбы было уже извѣстно. Львовское братство выработало новый уставъ для церковно-оборонительной дѣятельности и сильно пропагандировало необходимость дѣйствовать всѣмъ вмѣстѣ и одинаково. Оно разсылало свои посланія съ увѣщаніемъ защищать церковь, разсылало по городамъ своихъ учителей. Эти Львовскіе дидакалы, расходясь „ови во градъ Виленскій, ови же во великій Берести, ини же инде“, знакомили города съ новымъ устройствомъ братствъ и, гдѣ была готова почва, утверждали таковое¹⁾. Читались тогда и въ Могилевѣ эти братскія посланія; не обходили нашего города и братскіе дидакалы изъ Львова²⁾. Что движеніе передовыхъ братствъ сильно отражалось и въ Бѣлоруссін, съ очевидностію показываетъ авторъ Баркулабовской хроники: каждое выдающееся событіе въ дѣятельности ихъ онъ заноситъ въ свою хронику, о нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаетъ свои замѣчанія. Такъ, сказавъ о реформѣ календаря, онъ пишетъ: „того жъ часу почали у Львоу, у месте Виленскомъ, у Берестью школы науку выдавати, братѣрство якоесь установляти и тымъ законъ и веру утвержати. За патриархи не кажутъ Бога просити, ани его упоминати,

¹⁾ Напр., Львовскіе братчики въ 1592 г. писали Перемышльскимъ гражданамъ: „якоже прежде вашего честнаго Епископа писаніе, такоже и ваше любезное воспріемше, извѣстихомся увѣдѣвши истинное желаніе ваше, дабы преподалися отъ насъ граду вашему чинъ братства, якоже подобаетъ во вѣчныя роды и чинъ школьнаго ученія. Общаго спасенія ради, вся дѣйствующе во славу Божию и въ похвалу православныя святныя каѳолическыя церкви, увѣдѣвши же ваше желаніе зѣло честно и боголюбивно, посылаемъ любви вашей, якоже и прочимъ градовамъ, благочестивымъ христіаномъ и чадамъ вашимъ Александра дидакала правовѣрна и честна и благопотребна, и вся надлежащая съ нимъ, да устроится во всемъ вся по ряду братства и школьнаго ученія чинъ совершеннѣ и богоугоднѣ“ (Голубевъ, Петръ Могिला, прилож. стр. 30 и 34).

²⁾ Такъ Лаврентій Зизаній и Мелетій Смотрицкій были (1597 г.) учителями у бѣлорускаго цана Соломирцаго, жившаго около Могилева.

только за папежа. Теперь же почали сеймы, соборы чинити и до нихъ изъезжачися“³⁾.

Это движеніе передовыхъ братствъ вызвало и Могилевскія братства на присоединеніе къ общему дѣлу. Мы знаемъ, что изъ нихъ наиболѣе крѣпкимъ должно было оказаться то, которое существовало при Спасской церкви. Оно-то теперь стало во главѣ церковной и религіозно-нравственной жизни города, примкнувъ къ союзу передовыхъ братствъ.

Первыя извѣстія о Могилевскомъ братствѣ восходятъ къ 1588—89 гг. Въ это время въ г. Оршѣ былъ патриархъ Константинопольскій Іеремія проѣздомъ въ Москву и обратно. Здѣсь онъ былъ принятъ гражданами бѣлорусскихъ городовъ „съ честію и благодарію и съ великою радостію“. Вотъ тогда и жители Могилева испросили у патриарха благословенія своему братству. Благодаря ходатайству Могилевскаго мѣщанина и братчика Сергѣя Максимовича, вѣролатно, уполномоченнаго всѣми братчиками, патриархъ санкціонировалъ своимъ авторитетомъ намѣренія мѣщанъ и далъ имъ грамоту. Къ сожалѣнію, эта грамота до насъ не дошла и извѣстна лишь по указаніямъ на нее въ другихъ памятникахъ, относящихся къ исторіи нашего братства²⁾. Съ этого времени братство, то возвышаясь, то ослабѣвая въ своей дѣятельности, существуетъ въ продолженіе всего XVII и XVIII вѣковъ и теряетъ свой конецъ въ началѣ нашего столѣтія. Въ продолжительной жизни братства отмѣчается нѣсколько фазисовъ его развитія. Первый—съ 1588 по 1633 г. Въ это время братство состояло почти изъ однихъ мѣщанъ. Юридическими правами оно не вполне было обезпечено. Въ силу этого оно много страдало отъ униатовъ, особенно съ 20-хъ годовъ XVII в., когда оно лишилось своего центра—Спасскаго монастыря. Недостигающее ему братство старалось восполнить, чего оно и достигаетъ съ 1633 года. Отсюда начинается второй періодъ, простирающийся до 60-хъ г. XVII в. Братство увеличивается числомъ членовъ изъ шляхты. Съ ихъ помощію крѣпко ограждается привилегіями отъ духовной и свѣтской властей, дѣлается даже ставропи-

¹⁾ Барк. хр. стр. 53.

²⁾ Археогр. Сб. т. II, №№ 43 и 45.—Въ первый разъ патриархъ былъ въ Оршѣ около 23 іюня 1588 г.; во второй—на возвратномъ пути изъ Москвы 8—10 іюня 89 г. Грамота братству была выдана уже въ Вильнѣ въ іюль мѣсяцъ 1589 г. (см. Баркулаб. хр. стр. 56; Голубевъ, Исторія Кіев. акад. стр. 65 и 66).

отдальнымъ; заводить новый центръ—Богоявленскій монастырь, отъ котораго и получаетъ имя свое въ исторіи, расширяетъ свои учрежденія. Съ 60-хъ годовъ 17 в. до конца его существованія—третій періодъ самый длинный, но въ то же время и самый безцвѣтный—это періодъ упадка братства. Мы представимъ сначала общій очеркъ исторіи братства по намѣченнымъ періодамъ, затѣмъ—исторію братскихъ учреждений—школы, типографіи и благотворительныхъ учреждений (шпиталей).

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БРАТСТВА.

Періодъ первый (1588—1633 г.).

I. Устройство братства.—Борьба съ унией; столкновение съ Германомъ Загорскимъ и Геденомъ Брольницкимъ; сношеніе съ Львовскимъ братствомъ и православными іерархами Западной Руси; значеніе его. II. Борьба съ Иосафатомъ Кунцевичемъ и Антошемъ Селявою. Сношеніе съ Кіевомъ. Участіе братства въ церковно-приходскихъ дѣлахъ города.

I.

Грамота патріарха Іереміи опредѣляла положеніе братства только въ церкви; нужно было еще заручиться привилегіей и отъ свѣтской власти. Достигнуть этого братству удалось только въ 1597 году. На бывшемъ тогда сеймѣ въ Варшавѣ братству была выдана грамота, утверждавшая братскій уставъ. Въ этомъ же году братчики не преминули получить и еще одну благословенную грамоту—отъ обвиняемаго въ замыслахъ противъ правительства предсѣдателя Брестскаго собора (1596 г.), епископа Никифора, протосинкелла и экзарха патріархаго цареградекаго престола. На основаніи этихъ документовъ цѣль и организациа братства представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Братство ставитъ своею задачею охраненіе православія отъ иновѣрія, ближайшимъ образомъ отъ униі, и для этого оно должно быть религіозно-просвѣтительнымъ центромъ: „Да процвѣтаетъ оно, пишетъ Никифоръ, какъ для улучшенія и нужды самаго честнаго и божественнаго храма (т. е. Спасской церкви), такъ и для того, чтобы быть ему всеобщимъ училищемъ Божественному и св. Писанію и всякому другому ученію, съ тѣмъ, чтобы оно никого не принимало ни изъ лицъ освященныхъ (*μηδενος των ἀγίων ἐρωμένω*

πρωτότων), ни изъ свѣтскаго начальства, ни самого намѣстника епископскаго, (т. е. намѣстника Полоцкаго архіепископа, принявшаго унию), кто бы дерзнулъ вносить или превозносить соединеніе (*σύνολον*) (т. е. унию): такихъ заклинаю непростительнымъ и неразрѣшимымъ и вѣчнымъ отлученіемъ отъ Бога Вседержителя“¹⁾. Братство устроится по образцу Львовскаго и для руководства беретъ у послѣдняго (въ 1597 г. въ апрѣлѣ) уставъ, данный ему патр. Іоакимомъ въ 1586 г. и подтвержденный патр. Іереміею въ 1588 г., и еще одну грамоту Іереміи, „змочняющую братства Львовскаго светобливыи звязокъ“²⁾.

Порядки братства, по уставу, утвержденному королемъ, таковы: братство существуетъ при церкви „головной светого великого Спаса“, въ ней оно имѣетъ свой алтарь. У этого алтаря братское духовенство совершаетъ въ присутствіи всѣхъ членовъ богослуженіе четыре раза въ недѣлю: въ воскресенье, среду, пятокъ и субботу; кромѣ того въ пятницу послѣ ранней обѣдни всѣмъ соборнымъ духовенствомъ отправляется молебенъ за короля, сенатъ, войско и всѣхъ христіанъ.—Братство беретъ на себя заботу о духовствѣ и бѣдныхъ. Кромѣ содержанія на своемъ счету братскаго духовенства, чернцамъ и черницамъ даются деньги каждонедѣльно по мѣрѣ силъ. Бѣлому духовенству всего города, кромѣ платы за братскія требы, въ каждый большой и храмовой праздникъ дается 6 грошей „на богомолье“. Два раза въ годъ (на Рождество Христово и св. Пасху) происходитъ раздача милостыни по шпиталямъ, тюрьмамъ, а также „убожеству по улицахъ“.—Братство содержитъ на свой счетъ школу съ коллегіей ученыхъ и проповѣдниковъ и съ бесплатнымъ обученіемъ бѣдныхъ и дѣтей братчиковъ.—Для обсуждения дѣлъ у братства есть свой домъ; въ немъ еженедѣльно происходятъ братскія сходки; домъ король освободилъ отъ податей и

¹⁾ Могил. Губ. Вѣд. 1845 г. № 41.

²⁾ Тамъ же и Арх. Сборн. т. II, № 43. Никифоръ въ своей грамотѣ не упоминаетъ о благословеніи братству, данному въ 1589 г. патр. Іереміею, и говоритъ о немъ такъ, какъ будто оно только теперь, въ 1597 г., учреждается; но это не должно насъ смущать какъ потому, что, кромѣ яснаго указанія на грамоту Іереміи 1589 г., имѣются еще свѣдѣнія о братствѣ отъ 1594 г., такъ и потому, что патріархи, митрополиты и епископы въ своихъ грамотахъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе безъ упоминанія о грамотахъ, выданныхъ даже ихъ предшественниками.

постоя и позволить въ немъ сытить медь три раза въ годъ по 15 пудъ за разъ.—Братство пользуется правомъ суда надъ своими членами; недовольный судомъ можетъ апеллировать только къ магистрату; этотъ пунктъ, какъ сейчасъ будетъ видно, былъ нѣсколько видоизмѣненъ королемъ противъ устава.—Имущество братское ограждается правомъ неприкосновенности. Обязанности членовъ по отношенію къ братству и другъ къ другу заключаются въ слѣдующемъ: при вступленіи въ братство каждый обязанъ дать „уписного до скрынки братское тое, што самъ похочеть волугъ (по) воли и преможеня своего“. Каждый воскресный день полагается обязательный взносъ „на ялужну“ и одинъ разъ въ годъ (въ четвертую недѣлю послѣ празд. Рожд. Христова) устраивается „складанка для вспоможеня братского“; количество взноса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ было добровольное. Всѣ свои обязанности братчики должны исполнять неопустительно; особенно строго наблюдалось за аккуратнымъ посѣщеніемъ сходовъ: „если бы кто схажокъ недѣльныхъ для порады благочестія и красолѣпія церковного пидень быти и повинностямъ братскимъ досытъ чинити не хотѣлъ: таковой за выступокъ и непослушенство свое вину въ постановленю нашомъ братскомъ въ книгахъ описавую, покосити безъ всякого отреченя маеть“¹⁾.

Всѣ эти братскіе порядки король подтвердилъ, но и отъ себя сдѣлалъ два весьма важныя дополненія; они касались отношеній братства къ Полоцкому епископу и мѣстному магистрату. Что касается перваго, то оно шло какъ разъ въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдовало братство. Оно читается въ грамотѣ такъ: „мають мѣщане наши Могилевскіе того братства уживати на вси погомные часы, згожаючиа во всемъ подлугъ вѣры и закону Руского, будучи въ рѣчахъ духовныхъ подъ послушенствомъ владыки теперешнего Полоцкого и напотомъ будучихъ“²⁾. Такимъ образомъ архіепископу Полоцкому предоставлялась королемъ юрисдикція надъ братствомъ; ему также отдано право рѣшать окончательно братскія дѣла церковнаго характера по апелляціямъ лицъ, недовольныхъ братскимъ судомъ. Такъ какъ со времени Брестскаго собора на Полоцкой кафедрѣ сидѣли уніаты, то указаннымъ дополненіемъ короля православное братство ставилось подъ власть уніатскаго архі-

¹⁾ А. З. Р. т. IV, № 119.

²⁾ Тамъ же.

ерея. Само собою понятно, что это связывало братство по рукамъ и по ногамъ и, какъ увидимъ, слишкомъ тормозило его дѣятельность. Отказаться братству предъ королемъ отъ этой зависимости было нельзя. Вотъ какого взгляда держался въ то время король. Въ отвѣтъ на просьбу согласившихся на унію епископовъ—уничтожить всѣ привилегіи братства, данныя патриархами, онъ писалъ: „братства духовные церковные такъ якъ отъ патриарховъ постановлены суть и отъ насъ подтвержены, абы подъ послушенствомъ митрополита и иныхъ предложонныхъ своихъ духовныхъ вцалѣ оставали (однакъ, кгда се первѣй подъ звирхность костела Римского прилучать), позволяемо, и оныхъ при правѣ, которое отъ насъ на то мають, заховати хочемо“¹⁾. Очевидно, съ точки зрѣнія короля братства могли существовать только подъ властію уніатской іерархіи, и Могилевскимъ мѣщанамъ предостояла альтернатива: или получить отказъ на свою просьбу, или принять въ уставѣ пунктъ подчиненія уніатскому епископу. Братство взяло то, что ему давали, въ душѣ, конечно, намѣреваясь дѣйствовать по завѣту Никифора, т. е. не принимать никого, ни свѣтскаго, ни духовнаго, кто бы дерзнулъ вносить соединеніе.

Второе дополненіе, сдѣланное королемъ, опредѣляло отношеніе братства къ мѣстному магистрату; именно: братство ставилось подъ власть магистрата по дѣламъ свѣтскимъ. Эта подсудность братства магистрату несомнѣнно имѣла бы весьма дурныя послѣдствія для перваго въ томъ случаѣ, если бы въ послѣднемъ преобладала уніатская или католическая партія и если бы оба эти учрежденія не были связаны единствомъ своихъ членовъ и интересовъ. Но ни то, ни другое въ Могилевѣ не имѣло мѣста. Нужно признать характерною особенностію Могилевскаго братства именно то, что оно стояло къ магистрату въ самой тѣсной и непосредственной связи. Еще въ борьбѣ изъ-за Спасскаго монастыря главную роль играли бурмистры, лавники и радцы, т. е. члены магистрата. И теперь, хотя въ образовавшееся братство могли поступать и „посполитые“ и духовные и шляхетные и даже „бѣлыя головы“, т. е. женщины, большинство членовъ ему давало мѣщанство и именно магистратъ: тѣ лица, которыя поименованы въ уставѣ, какъ первые братчики, почти всѣ состояли въ магистратѣ, а шляхты на первыхъ порахъ

¹⁾ А. З. Р. т. IV, № 55.

и совсѣмъ не видно въ братствѣ. Эта связь братства съ магистратомъ не прерывалась никогда; по списку братчиковъ съ 1664—1734 г. подавляющее большинство на сторонѣ бурмистровъ, войтовъ, лавниковъ и радцевъ; въ одномъ же документѣ 1752 года братство названо „Могилевскаго магистрату брацтвомъ“¹⁾. Такое положеніе Могилевскаго братства нужно признать чрезвычайно счастливымъ. Магистраты западно-русскихъ городовъ нерѣдко служили проводникомъ униіи и католичества. По закону, въ составъ магистрата должна была входить половина католиковъ или униатовъ и половина православныхъ. Но во время гоненій на послѣднюю обыкновенно получала преобладаніе первая; при выборахъ она старалась проводить въ члены братуни лицъ своего вѣроисповѣданія и такимъ путемъ отгѣняла или совсѣмъ вытѣняла православныхъ, а затѣмъ давала католическій тонъ и всему городу. Но въ Могилевѣ католикамъ и униатамъ добиться этого было трудно. Сначала магистратъ весь состоялъ изъ православныхъ, а съ 20-хъ гг. XVII в., если и вошли въ него униаты, то никогда не получали большой силы, въ счастливыя же времена для православныхъ и совсѣмъ устранялись отъ городского самоуправленія.

Такимъ образомъ наше братство, будучи самымъ тѣснымъ образомъ связано съ органомъ городского самоуправленія — магистратомъ и черезъ него со всѣмъ городомъ, являлось представителемъ не только въ церковной, но даже и въ гражданской жизни Могилева. Это устройство братства въ общемъ и существенномъ осталось неизмѣннымъ во все время его бытія. Перейдемъ теперь къ очерку дѣятельности братства.

Какое участіе принимало братство въ церковныхъ дѣлахъ на первыхъ порахъ его существованія, свѣдѣній почти не сохранилось. Во всякомъ случаѣ особенной широты дѣйствій съ его стороны быть не могло. Оно еще только устраивалось и реформировалось сообразно съ тѣми порядками, которые уже были выработаны передовыми братствами; кромѣ того, оно было занято и другими дѣлами домашняго свойства, — такъ оно начало возводить новую церковь въ Спасскомъ монастырѣ²⁾; наконецъ въ самый раз-

¹⁾ Археогр. Сбор. т. V, стр. 125 и т. II, № 72, стр. 114.

²⁾ Церковь была сдѣлана обширная: „у вышки вендовъ сорокъ“ и украшена взрадно (Созоновъ, Истор.-юр. мат. т. 8, стр. 209).

гарь тогдашнихъ бурныхъ дѣлъ, въ 1596 г. Могилевъ былъ взятъ штурмомъ Наливайкою и сожженъ: „домовъ, говорить одинъ лѣтописецъ, сгорѣло до 500; а крамовъ (лавокъ) зѣ великими скарбами 400. Мѣщанъ и бояръ, людей уттивыхъ, такъ мужей, яко поженъ; дѣтей малыхъ побили, порубали и попоганили. Скарбовъ тежѣ незлічныхъ побрали съ крамовъ и зѣ домовъ“¹⁾. Но и при такихъ обстоятельствахъ, когда началась подготовка униіи, братство пришло въ движеніе: „року 1594, на весне, пишеть баркулабовскій лѣтописецъ, заложена церковь у Могилеве Святого Спаса у монастыри была, вельми иконами украшена. Потомъ настало якоесь братство отъ святого Спаса; по месту ходили, новые церемоніи чинили не ведлугъ уставу святыхъ отецъ; на осляти по кольку рокъ (кротъ) ездили. Згорѣла церковь св. Спаса, жеребя волкъ заевъ; дитя, которое седело вместо Христа, ослепло“²⁾. Можно догадываться, что эти манифестаціи производились въ виду слуховъ о намѣреніи епископовъ принять унию. Въ 1596 г. слухи эти оправдались; то, что скрывалось доселѣ, теперь вышло наружу и объявлено на соборѣ. Полоцкій архіепископъ тоже принялъ унию. Братству приходилось вѣдаться съ его властію, и борьба началась. Извѣстно, что всѣ владыки, принявшіе на соборѣ унию, возвратившись въ свои епархіи, старались показать видъ, что ими не совершено никакой особенной перемѣны въ церковныхъ дѣлахъ. Подобнымъ образомъ поступилъ и Полоцкій архіепископъ Германъ Загорскій. Такъ, онъ напедши имѣнія своей кафедръ расхищенными, обратился къ королю съ жалобой и получилъ отъ него универсалъ на имя протопоповъ, въ томъ числѣ и Могилевскаго, состояшаго при Спасскомъ монастырѣ въ качествѣ архіерейскаго намѣстника, универсалъ, въ которомъ опредѣлялся порядокъ завѣдыванія кафедральными имѣніями. Вѣроятно, Германъ въ числѣ своихъ имѣній, по старому обыкновенію Полоцкихъ владыкъ, засчиталъ и Спасскій монастырь. Но братство

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси т. 2, стр. 109.

²⁾ Шествіе на осляти со времени учрежденія патриаршества на Москвѣ стало совершаться тамъ ежегодно. Быть можетъ, въ подражаніе ей устраивали у себя и братчики Могилевскіе такую церемонію, при чемъ мѣсто патриарха замѣняло дитя. Вообще братства въ началѣ своей дѣятельности заявили себя новаторами въ области церковнаго обряда. Напр., братство Виленское, или точнѣе — его священники обвинялись предъ Кіевскимъ митрополитомъ во введеніи новыхъ обрядовъ при вѣнчаніи и т. п.

и все прихожане Стаса рѣшились не признавать его власти и не уступать монастыря. Они объявили его „отщепенцемъ, слугою антихристовымъ, папешкомъ, уже осужденнымъ вмѣстѣ съ папою на соборѣ Берестейскомъ“, т. е. православною частью сего собора. Въ 1599 г. Германъ вздумалъ было лично посѣтить Могилевъ, вѣроятно желая добиться права патроната надъ спорнымъ монастыремъ; но мѣщане заперли его въ монастырѣ, били и окровавили¹⁾. Этотъ фактъ показываетъ, до чего Могилевцамъ была ненавистна унія. Они не хотѣли признавать даже того епископа, который только тѣмъ своею находился въ уніи²⁾. Не лучше приняло братство послѣдующаго владыку „отщепенца“, Гедсона Брольницкаго. Ко времени вступленія его на Полоцкую кафедру въ Могилевъ при братской школѣ находилось уже нѣсколько проповѣдниковъ. Они то и стали обличать унію. Скромная школьная кафедра превратилась въ бурную трибуну общественнаго оратора; съ нея разъяснялся гражданамъ смыслъ нововводимой уніи и раздавались рѣзкія обличенія по адресу Гедсона Брольницкаго. Онъ сдѣлалъ было попытку подчинить своему вѣдѣнію братство, но она также оказалась безуспѣшной, какъ и его предшественника. Тогда Гедсонъ подалъ жалобу королю. На основаніи ея король обвинялъ братство въ томъ, что оно составилось безъ благословенія епископскаго, выстроило, подъ предлогомъ школы, которую граждане должны были завести по грамотѣ Стефана Баторія, домъ на пляцу Спасскаго монастыря, всегда якобы подлежавшаго вѣдѣнію владыки Полоцкаго, и собираясь въ этотъ домъ, чинить бунты, проклиная Гедсона, не позволяеть признавать его за „старшого“, наконецъ, держать у себя

¹⁾ Археогр. Сборн. т. V, стр. 121.

²⁾ Вотъ какъ отзывается Мелетій Смотрицкій объ отношеніи Германа къ православнымъ: „имѣли покой жители Полоцка при Германѣ, потому что онъ находился въ уніи только своею тѣмъ. Онъ не принуждалъ поповъ ни къ чему. Напротивъ, когда имъ вѣрно было подписываться на унію, и протопопъ города, по имени Соломонъ, и другой еъ нимъ не захотѣли того сдѣлать, то Германъ разорвалъ листъ, на которомъ иные уже подписались было, заплакалъ, и поповъ, подписавшихся на унію, подвергъ штрафу, а протопопа взялъ себѣ въ духовники. Такимъ оставался Германъ постоянно до самой своей смерти († 7 окт. 1600 г.), какъ передаютъ люди знающіе. Сохранились грамоты, которыми много разъ было напоминаемо ему, чтобы онъ пребывалъ въ уніи, но онъ всегда объявлялъ всенародно, что жалѣеть о томъ, что учинилъ.“ (Ист. рус. цер. митр. Макарія т. X, стр. 265).

людей праздношатающихся, бунтовщиковъ, какихъ-то „Котковскаго, Хому Тавборовича и Радка“, которые безъ благословенія архіерея произносятъ проповѣди и производятъ всякаго рода безпорядки, противные королю и епископу. Король въ заключеніе требовалъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 1000 копъ грошей, выдачи этихъ проповѣдниковъ и представленія грамоты Баторія, данной на основаніе якобы „католицкой“ школы. Чего достигъ своею жалобою Брольницкій, изъ сохранившихся данныхъ ясно не видно. Черезъ годъ и четыре мѣсяца послѣ выдачи королемъ такого прознаго универсала, тѣ самыя лица, которыя составляли Спасское братство, получаютъ (1602 г.) отъ короля грамоту на основаніе новаго братства уже при церкви Входа Господня во Иерусалимъ. Уставъ этого братства дословно сходенъ съ утвержденнымъ въ 1597 г. Затѣмъ, въ 1605 г. опять видно, по документамъ, братство при Спасскомъ монастырѣ: оно получаетъ въ этомъ году грамоты отъ Львовскаго братства и епископа Гедсона Балабана¹⁾. Что же за учрежденіе при церкви Входа, какое его отношеніе къ Спасскому, было ли, наконецъ, оно православнымъ? Все это вопросы, на которые трудно дать положительный отвѣтъ за неимѣніемъ прямыхъ ясныхъ данныхъ. О. Г. Елеонскій, редактировавшій II-й томъ археографическаго сборника, содержащій Могилевскія бумаги, думаетъ, что Гедсону Брольницкому удалось совратить нѣкоторыхъ могилевцевъ и основать изъ нихъ уніатское братство при церкви Входа. Свое мнѣніе, высказанное первоначально въ предисловіи къ названному сборнику и развитое подробно въ отвѣтѣ на рецензію сборника, сдѣланную Н. К. (Костомаровымъ), Елеонскій основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) въ грамотѣ короля братству Входа сказано: „мають мѣщане наше Могилевскіе того братства уживати на вси потомные часы... будучи подъ послушенствомъ митрополита и преложонныхъ духовныхъ, теперъ и потомъ будучихъ“, а эти слова не могутъ относиться къ православнымъ, такъ какъ въ то время митрополитъ въ западной Руси былъ уніатъ. б) Если бы братство Входа было православнымъ, то быстрая перемѣна въ король осталась бы непонятной: въ 1601 году онъ считаетъ братство вреднымъ, а въ 1602 г. гарантируетъ его существованіе своею грамотою. — Что касается братства, которое, по памятникамъ, появляется въ 1605 г. опять

¹⁾ Археогр. Сборн. т. II, № 24.

при Спасской церкви, то это, по мнѣнію г. Елеонскаго, новая ассоціація, образованная не согласившимися на унію мѣщанами. Какъ новое братство, оно постаралось получить благословеніе отъ Львовскаго епископа Гедеона черезъ посредство Львовскаго же мѣщанина; какъ новому же учрежденію, Львовское братство предлагало ему отправить къ патріарху Константинопольскому посла для получения между прочимъ „листа привиліаго“¹⁾. Но мнѣніе г. Елеонскаго не соглашается съ мнѣніемъ Елеонскаго. По его взгляду, дѣло нужно представлять такъ. Братство Спасское, вслѣдствіе жалобы Гедеона, вынуждено было перейти къ новой церкви, отъ которой оно, оставаясь православнымъ, и не возвращалось къ Спасу; а если въ 1605 г. оно названо Львовскими мѣщанами и епископомъ Спасскимъ, то это по старой памяти²⁾. Митрополитъ Макарій наоборотъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Спасское братство переходило къ церкви Входа. Намъ думается, что никакого уніатскаго братства въ это время въ Могилевѣ не было и что братство съ именемъ „Спаса“ и „Входа“ не два различныхъ учрежденія, а одно. Сравнивая известную намъ грамоту 1597 г. съ грамотой 1602 г. (для братства Входа), мы видимъ, что онѣ существенно ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Въ обѣихъ названы одни и тѣ же мѣщане, утверждается одинъ и тотъ же уставъ. Разница лишь въ томъ, что, по первой грамотѣ, братство ставилось подъ „послушенство“ одного владыки Полоцкаго, а по второй — митрополита. Мы уже знаемъ, почему король ставилъ православное братство подъ власть уніатской власти, знаемъ и то, что мѣщане не могли официально отъ этой зависимости отказаться, хотя отъ этого не переставали быть въ православіи. Слѣдовательно, подсудность de jure уніатскому митрополиту не есть признакъ уніатства, и главное основаніе г. Елеонскаго въ пользу того, что братство Входа было уніатскимъ, именно подчиненность его, по грамотѣ короля, митрополиту уніату, съ тѣмъ вмѣстѣ теряетъ свою силу. Затѣмъ, и полученіе привиліаго отъ Львовскаго епископа не свидѣтельствуетъ о новомъ устройствѣ православнаго братства при церкви Спаса: въ то безпокойное время братства старались оградить себя какъ можно большимъ количествомъ „листовъ“, теперь же для Мо-

¹⁾ Арх. Сб. т. II, предисловіе и № 24; Виленскій Вѣстникъ 1870 г., № 20.

²⁾ Отч. Записки 1869 г. рецензія на Арх. сборн. т. 185.

гилевскаго братства грамота имѣла и свой особенный смыслъ, какъ увидимъ далѣе. Наконецъ, что касается вопроса о томъ, переходило ли братство къ церкви Входа, или нѣтъ, то онъ самъ собой рѣшится, когда опредѣлимъ, кому принадлежала эта церковь. Она известна только по указанію грамоты 1602 г. Въ другихъ памятникахъ, гдѣ перечисляются всѣ Могилевскія церкви, существовавшія до начала XVII вѣка, она не упоминается; послѣднее перечисленіе имѣемъ отъ 1596 г.¹⁾; слѣдовательно, она построена между 1596 и 1602 гг. Въ это время особенно усилилось среди мѣщанъ стремленіе строить церкви, и въ этихъ дѣлахъ, какъ увидимъ, братство занимало первую роль. Отсюда становится естественнымъ предположеніе, что храмъ Входа построенъ былъ братствомъ и ему принадлежалъ. Это предположеніе подкрѣпляется еще приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Баркулабовской хроники о томъ, что братство послѣ 1594 г. особенно торжественно праздновало день Входа Господня во Иерусалимъ, быть можетъ, храмовой день. На основаніи этихъ предположеній о церкви Входа послѣдствія жалобы Бродницкаго намъ представляются въ такомъ видѣ. Спасскій монастырь отобранъ былъ у братства, и владыка удовлетворился. Братство же осталось при другой своей церкви — Входа, и король не имѣлъ резонновъ не дать имъ грамоты, когда владыка молчалъ. Но такой порядокъ продолжался не долго. Мѣщане, не мирившіеся съ патронатствомъ надъ ихъ главнымъ монастыремъ даже православныхъ епископовъ, тѣмъ болѣе не могли терпѣть власти уніатовъ. Съ 1605 г. монастырь опять является въ рукахъ православныхъ; сюда же возвращается и братство и для подкрѣпленія своихъ правъ старается получить привиліаго отъ Гедеона Балабана.

Не признавая власти уніатскаго архіепископа, убѣждая и другихъ православныхъ слѣдовать тому же, братство взяло на себя посредничество въ сношеніяхъ съ православной іерархіей для удовлетворенія различныхъ религіозныхъ потребностей народа. Въ этомъ была большая его заслуга предъ православными Могилевскаго края. Послѣ введенія уніи на всю Западную Россію оставалось сначала два православныхъ іерарха — во Львовѣ и Перемышлѣ, а послѣ смерти Михаила Копыстенскаго Перемышльскаго († 1610 г.) одинъ — во Львовѣ Іеремія Тисавровскій, преемникъ Гедеона Бала-

¹⁾ Витеб. Стар. т. I, № 153 и Вѣлорус. Арх. №№ 11 и 27.

бана, умершаго въ 1607 г. Такое оскудѣніе православной іерархіи чрезвычайно затрудняло правильное отправленіе церковной жизни въ Западной Руси, особенно въ Бѣлоруссіи, слишкомъ отдаленной отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ удержались православные епископы. Понятна отсюда вся важность взятаго на себя братствомъ посредничества. Оно сносилось съ Львовскимъ и другими, пріѣзжавшими иногда изъ Греціи, епископами, а также съ сильнымъ тогда Львовскимъ братствомъ и получало отъ нихъ все необходимое: антиминсы, муро, православныхъ священниковъ и т. п. Въ Могилевѣ нужда во всемъ этомъ была велика. Тогда вслѣдствіе подъема религіозности въ обитателяхъ города замѣчается усиленное стремленіе къ построению храмовъ. Уже говорилось о построеніи въ концѣ XVI в. Спасской церкви и церкви Входа во Іерусалимъ цѣлымъ братствомъ. Въ 1605 г. братчикъ и „райца“ Тимошей Гапоновичъ выхлопатель у короля право на основаніе храма и, выстроивъ его, снабдивши всѣмъ необходимымъ, нашедши къ нему даже священника, признающаго власть Константинопольскаго патріарха, отдалъ этотъ храмъ въ „мощь и владзу и шафунокъ“ (распоряженіе) магистрата въ надеждѣ, что магистратъ не уступитъ церкви униатамъ. Въ 1616 г. была вновь выстроена Крестовоздвиженская церковь, вѣроятно, вмѣсто сожженной при осадѣ города Наливайкою. Что братство принимало самое горячее участіе въ построеніи церквей и снабженіи ихъ необходимымъ, видно изъ слѣдующаго отвѣта Львовскаго братства на просьбу Могилевскаго: „Воддугъ писанья вашего къ намъ, писали есмы и мы до его милости господина отца екзархи епископа Львовскаго до Галича, поневажъ тамъ на онъ часъ были священницы и братія ездилы и одержали, чего потребовали отъ его милости, и благословенія, которого, дай Боже, абысте съ покоемъ зажили... О семъ убо по совѣту нашего братолюбия буди послати вамъ единого отъ братій вашихъ съ писаніемъ вашимъ ко вселенскому патріарху въ Константинополь и пріяти благословеніе и листъ привидянный и антиминсы церквамъ вашимъ и инная потребная презентаци и муро и прочая, понеже и мы отсылаемъ, а часъ посланія и выѣздъ, аще Богъ восхоцетъ и живи будемъ року 1606, априля мѣсяца“¹⁾. Особенно трудно было православнымъ удовлетворять свои религіоз-

¹⁾ Арх. Сбор. т. II, № 24.

ныя нужды, требующія благодати епископства, послѣ смерти Гедеона Львовскаго. Затруднительность положенія въ этомъ отношеніи доходила до того, что нѣкоторые изъ жителей Могилева рѣшались обращаться къ униатскому архіепископу. Такъ, въ 1610 г. и 1614 г. Гедеонъ Полоцкій далъ бракоразводные листы Могилевскимъ мѣщанамъ. Мало того, въ 1613 г. даже магистратъ, вынужденный необходимостію, испрашивалъ у Гедеона благословенія и разрѣшенія освятить церковь, что и поручено имъ протопопу и мѣстнымъ священникамъ, которые, слѣдовательно, тоже не отказывались отъ юрисдикціи униатскаго владыки. Правда, Гедеонъ Брольницкій не былъ ревнителемъ униі; она даже ему „омерзѣла“, какъ онъ самъ заявлялъ, вѣроятно подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній отъ разлада съ тѣми, кого онъ считалъ своєю паствою; подъ конецъ своей жизни († 1618 г.) онъ, какъ видно, сталъ сочувствовать даже православнымъ и давать имъ разныя льготы; такъ, въ посланіи своемъ къ Могилевскому магистрату (1613 г.) Гедеонъ пишетъ: „здравствуйте о Господѣ, яко старожитные сынове церкви восточное мати нашее зъ малжонками и зъ милымъ отъ Бога даннымъ потомствомъ вашихъ милостей. Ижъ день фалебный памятка Христа Збавителя нашего не задовго наспѣваетъ, а вашо благовѣріе въ старожитной вере нашей православной христіанской, которая нехай а чимъ далей, тымъ большей отъ благовѣрія Вашего размножаетъ, расширяетъ... Листъ благословенный дается имъ „на посвещеніе церквей водде звычайу давного“. Это сочувствіе къ православнымъ выражается даже и въ томъ, что онъ употребляетъ старый календарь и тогда, когда утверждаетъ актъ, датированный по новому стилю²⁾. Наконецъ, Гедеонъ давалъ даже разрѣшенія городамъ своей епархіи, въ томъ числѣ и Могилеву, быть свободными отъ его юрисдикціи и подлежать власти царградскаго патріарха. Миротлюбивое настроеніе Гедеона и привлекало къ нему православныхъ мѣщанъ. Но въ этомъ повинненіи униату была опасная сторона. Мѣщане этимъ путемъ постепенно свыкались съ унией и, разъ признавъ униатскую власть, не легко было уже высвободиться изъ-подъ нея. Братство понимало эту опасность и старалось устранить дурныя послѣдствія ея. Такъ, чтобы удовлетворить духовнымъ нуждамъ города, оно принимало въ десятихъ годахъ XVII вѣка у себя съ любовью ми-

²⁾ Могил. Губ. Вѣд. 1845 г.; Созоновъ, Истор.-юрид. мат. т. VIII, стр. 327.

трополита Пелагонскаго Иеремію, который, быть может, нарочно был приглашенъ братствомъ въ Могилевъ. И это посѣщеніе митрополита было благотворно. Скоро ему пришлось съ радостію узнать, что въ Могилевѣ „многіе, иже уловлены быша отъ злокозной мглы, паки соединились къ стаду словесному Христову и ко церкви восточной, во вѣки непоколебимой“¹⁾. Вѣроятно, благодаря заботамъ братства же, городъ получилъ отъ Гедеона грамоту, которая освобождала его (городъ) отъ униатской власти и позволяла пребывать ему въ послушаніи патріарху²⁾.

Кромѣ удовлетворенія прямыхъ нуждъ сношеніе братства съ православной іерархіей важно было и потому, что обмѣномъ посланій давалась нравственная поддержка въ вѣрѣ и своевременно получались свѣдѣнія о положеніи церковныхъ дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Западной Руси. Такъ, Гедеонъ Львовскій, похваляя твердость могилевцевъ въ догматахъ св. восточной церкви, въ то же время подкрѣпляетъ могущихъ ослабѣть въ борьбѣ: „и теперь, пишеть онъ, презъ (чрезъ) посланца своего отца Іакова пресвитера до васъ пишу, прошу и молю Христа ради, предавшаго себѣ грѣхъ ради нашихъ, абысте въ предсѣзятѣи своимъ не ослабѣючи, противко враговъ правдѣ мужественно стояли. Злоба бо добродѣтели не пріодолѣеть никогда же, ниже темнота свѣтлости, ниже діаволъ Христовъ и вѣрнымъ Его; врата бо адовы не одолѣютъ церкви Христовѣ по божественному Его гласу“³⁾.

Кромѣ борьбы съ униатами, прямой и косвенной, братство принимало горячее участіе и въ церковно-приходскихъ дѣлахъ города. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ объ отношеніи прихожанъ къ своему духовенству. Мы уже знаемъ, что между мѣщанами и духовенствомъ шла сильная борьба изъ-за права патронатства надъ городскими церквами. Побѣду въ этой борьбѣ одерживали мѣщане, церковнымъ имуществомъ, назначеніемъ самыхъ священниковъ на мѣста завѣдывали прихожане. Въ униі, которая, по сродству съ латинствомъ, вѣдѣніе церковныхъ дѣлъ передавала въ руки іерархіи и совершенно исключала всякое участіе въ нихъ мірянъ, духовен-

¹⁾ Арх. Сборн. т. II, № 28.

²⁾ Архивъ Ю.-З. Р. ч. I, т. VII, стр. 431—3 и Созоновъ, Ист.-юр. мат., т. II, стр. 354.

³⁾ Арх. Сборн. т. II, № 25.

ству не могла не рисоваться лучшая будущность и потому оно не особенно торопилось приставать къ движенію мѣщанъ противъ униі и не отказывалось рѣшительно отъ повиновенія Полоцкому архіепископу. Конечно, этого не могло считать братство нормальнымъ, и оно старалось привлечь духовенство къ крѣпкому союзу съ собою. Союзъ дѣйствительно состоялся, хотя, какъ увидимъ, и не носилъ въ себѣ сильныхъ задатковъ прочности. Въ 1605 г., по поводу жалобы королю соборнаго священника „Омельяна“¹⁾, всѣ соборяне публично заявили, что они остаются вѣрными той присягѣ, которую отдали своимъ „рукоположенъцомъ“ при своемъ посвященіи согласно преданію и догматамъ восточной церкви, а также, что они сами завѣдуютъ и владѣютъ всѣмъ церковнымъ имуществомъ и не только не встрѣчаютъ въ этомъ никакихъ препятствій отъ своихъ прихожанъ, но встрѣчаютъ отъ нихъ такое послушаніе, которое желательно и на будущее время; тутъ же жалобу „Омельяна“ признали несправедливой²⁾. Что это заявленіе добыто при посредствѣ братства, видно изъ той радости, съ какою оно сообщало объ этомъ во Львовъ; да и самое заявленіе внесено на храненіе въ магистратъ Тимошеемъ Гапоновичемъ, Богданомъ Игнатовичемъ Сободемъ и Оникеемъ Ярмолиничемъ, которые были наиболѣе дѣятельными братчиками. Важность этого союза мѣщанъ съ своимъ духовенствомъ такъ выясняло Львовское братство въ отвѣтномъ посланіи въ Могилевъ: „Возлюбленные, радитесь и паки речемъ радитесь, яко радость ваша и о васъ исполни сердца наша. По великому Богослову, Богъ убо любви есть и пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. Любовь и совокупленіе ваше во единство вѣры и послушаніе лицемъ къ свѣтозарнаго востока солнцу Іисусу Христу стаете добре вси, яко едино тѣло и уды Христа главы единыя сіи и симъ быти оповѣдуются во васъ, яко бо симъ не удивится, пачежь и не возрадуется о сихъ. Якожь бо душа со тѣломъ совершенъ чловѣкъ, такожде жъ и священницы, со людьми суполный союзъ любви имуще, Церковь есть Христова, въ нейже живетъ Богъ, якоже рече Господь: вселюся въ нихъ и похожду и буду имъ Богомъ; тыи будутъ ми людіе; тежь и мы со пророки похваля чашоце, се что

¹⁾ Въ 1616 г. онъ былъ братскимъ священникомъ; см. Созоновъ, Ист.-юр. мат. т. VIII, стр. 338.

²⁾ Тамъ же, стр. 272.

добро и что красно, но еже жити братіе вкупѣ: тако вся отъ небесъ мира сходящія на главахъ ихъ. Боголюбія бывають, яко сходитъ роса. Аермонская на гори Сионскія, и яко миро сходящіе на браду, браду Аарону и на одежды его святительскія, и яко вѣсницевъ хъ человекъхъ заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка! Тбликихъ сподобистесь даровъ, и о прелюбезная братіе¹⁾.
 Привлекши на свою сторону приходское духовенство, мѣщане во главѣ съ братствомъ не выпустили изъ своихъ орукъ патронатскихъ правъ; напротивъ, автономія ихъ въ завѣдываніи приходскими храмами въ это время разрослась до огромнѣйшихъ размѣровъ. Сохранившіеся памятники рисуютъ отношеніе прихода къ церкви въ такомъ видѣ. Прихожане избирають священника, вводятъ его во владѣніе церковію. Обязанности священника опредѣляются договоромъ съ прихожанами, который вносится въ магистратскія книги. По этимъ договорамъ священники обязываются: а) служить въ субботніе, воскресные и праздничные дни; б) совершать требы безъ отказа, не торговаться за нихъ, но брать только то, что кому Богъ на сердце положить; в) не выносить изъ церкви, не отдавать въ займы, не закладывать и не продавать церковныхъ вещей; г) жить пристойно, по корчмамъ не ходить, не забавляться картами, ростками и никакими легкими забавами, потому что отъ такой жизни пастырей многіе православные, особенно шляхтичи, соблазнившись, ушли „до невѣрныхъ сектъ и чужихъ паствискъ“; д) не выхлопывать привилегій на владѣніе церковію себѣ и своимъ потомкамъ ни отъ короля, ни отъ владыки „къ одедиченію своему тое церкви“; е) потому что храмы основаны на землѣ, принадлежащей не священникамъ, а прихожанамъ, купленной на ихъ деньги, и построены на ихъ счетъ и за ихъ стараньемъ; е) не обращаться никогда ни въ какомъ случаѣ ни къ какому суду съ жалобами на своихъ прихожанъ; ж) если священникъ нарушитъ хотя одно изъ этихъ условій, то прихожане должны отослать его отъ церкви и выбрать себѣ другаго, „кто имъ понравится“). Для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ они ежегодно избирають двухъ

¹⁾ Арх. Сборн. т. II, № 24.
²⁾ Договоръ клира Ильинской ц. съ прихожанами 1615 г. апрѣля 6 и такой же договоръ клира Крестовоздвиженской церкви 1616 г. 22 февр. (Созоновъ, Ист.-юр. мат. т. VIII, стр. 334 и 338).

„шафаровъ“, которые даютъ отчетъ собранію всѣхъ прихожанъ; остаточная сумма повѣрнется и вручается новоизбраннымъ шафарамъ, старые шафары получаютъ отъ прихожанъ квитанцію, которая заносится въ магистратскія книги¹⁾. Эта картина мѣщанскаго самоуправленія въ церковно-приходскихъ дѣлахъ дополняется такими штрихами: „попамъ, обвиняль въ 1619 г. могиловцевъ, королевскій инстigatorъ по дѣлу ихъ съ Кунцевичемъ, дають маленькое жалованье, все же остальное забирають себѣ на мірскія нужды (ad profanos usus); даже ключи отъ церквей, домовъ Божіихъ, не у поповъ, но у мѣщанъ въ рукахъ, и попь не тогда идетъ въ церковь на службу Божію, когда хочетъ, а въ то время только, когда мѣщане велятъ отпереть церковь, что доказано и отрицать того никомъ образомъ не могутъ, ибо это всѣмъ извѣстно“).

Такимъ образомъ, причина недовольства духовенства на мѣщанъ и послѣ указаннаго примиренія ихъ оставалась во всей силѣ, а это дѣлало и самое примиреніе ненадежнымъ; нѣкоторые изъ поповъ, даже изъ подписавшихся въ заявленіи 1605 г., довольно легко оставляли мѣщанъ, переходили подъ власть униатскую, и ихъ приходилось удерживать силою и даже насиліемъ. Это особенно обнаружилось съ водвореніемъ на Полоцкой кафедрѣ фанатика Юсафата Кунцевича.

II.

Первыя двадцать лѣтъ уніи проходили для православныхъ бывшей Полоцкой епархіи сравнительно благополучно. Унія въ это время дѣлала напоръ на наиболее сильныя центры православія, главнымъ образомъ на Виленское братство; восточныя же части Западной Руси не испытывали особенно сильныхъ гоненій изъ-за вѣры. Съ конца десятыхъ годовъ XVII в. картина измѣняется. На Полоцкую кафедру въ помощь престарѣлому (90 л.) Гедеону Брольницкому назначается, сначала коадьюторомъ, Юсафатъ Кунцевичъ, человекъ заявившій уже себя фанатическою ревностію въ распространеніи уніи. Для православныхъ Бѣлоруссіи настаетъ тяжелая пора страданій изъ-за вѣры. Но чѣмъ болѣе ихъ давили, тѣмъ ненавистнѣе становилась унія, тѣмъ сильнѣе являлось желаніе отсцо-

¹⁾ Такая квитанція дана была въ 1610 г. прихожанами Спасской церкви своимъ шафарамъ (тамъ же, стр. 300).

²⁾ Созоновъ, Ист.-юр. мат. т. II, стр. 354 и слѣд.

ять свою вѣру, свое богослуженіе, свои храмы, и тѣмъ въ то же время явнѣе представлялась необходимость сплотиться всѣмъ православнымъ и дѣйствовать сообща. Братство Могилевское и явилось центромъ, въ которомъ удобно группировались православные обитатели края изъ всѣхъ сословій. Въ кругу тогдашнихъ сословій мѣщанство занимало срединное положеніе и заполняло собою пропасть, все болѣе и болѣе увеличивавшуюся между привилегированными и безправными. Съ одной стороны отъ него не было еще отрѣзано непреходимою стѣною крестьянство. Въ бѣлорусскихъ городахъ жило много крестьянъ подъ „присудами“ различныхъ юрисдикцій: церковной, магистратской, замковой; живя совокупно съ мѣщанами, они усвоивали ихъ воззрѣнія, интересы, симпатіи. Не отрѣзанъ былъ окончательно и переходъ этихъ крестьянъ въ мѣщанство. Съ другой стороны, сами мѣщане пользовались значительными привилегіями, предоставленными имъ магдебургскимъ правомъ, и вслѣдствіе этого не такъ рѣзко отдѣлялись отъ шляхты. Особенно низшая шляхта, земляне, хотя и тянулись обычаями своей жизни за высшей полонизировавшейся шляхтой, однако не порвали всѣхъ нитей, привязывавшихъ ихъ прежде къ городу. Такое срединное положеніе мѣщанства и имѣло своимъ результатомъ то, что къ нему, къ образованному имъ братству, стали приставать православные изъ разныхъ сословій, сознававшіе необходимость бороться общими силами. Такими были приверженные еще къ православію роды Стеткевичей, Соломерецкихъ, Огинскихъ и др., а также низшая шляхта, извѣстная, по актамъ, подъ именемъ „обывателей повѣту Оршанскаго“. Вступленіе шляхты въ братство было благотворно въ томъ отношеніи, что чрезъ нее оно получало доступъ въ высшія судилища Рѣчи Посполитой.

9-го января 1618 г. Кунцевичъ прибылъ на свою кафедру. Въ томъ же году, возведенный послѣ смерти своего предшественника въ санъ архіепископа, онъ испросилъ у короля грамоту на подчиненіе своей власти всѣхъ церквей и монастырей, находившихся въ предѣлахъ Полоцкой епархіи, и разослалъ къ духовенству циркуляры, требуя отъ него согласія на унию и угрожая непокорнымъ лишеніемъ приходовъ¹⁾. Когда эти циркуляры дошли до Могилева, тамъ поднялось сильное волненіе. Священники, по крайней

мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, получивъ отъ новаго архіепископа такое рѣшительное требованіе принять унию, стали колебаться и не рѣшались отвѣчать отрицательно Кунцевичу. Мѣщане же, замѣтивъ колебаніе духовенства, потребовали отъ него присяги въ томъ, что оно не будетъ слушаться униатскаго архіерея, и заставляли на службахъ церковныхъ возносить непременно имя царградскаго патріарха, а не Полоцкаго епископа. Непокорныхъ поповъ мѣщане принуждали къ этому даже силою. Такъ, священникъ Овдей Тимкевичъ (имя его находимъ въ упоминавшемся заявленіи духовенства, данномъ мѣщанамъ въ 1605 г.) писалъ, какъ видно не безъ согласія съ остальными городскими попами, къ Іоасафату Кунцевичу, что „мѣщане присвоиваютъ себѣ власть надъ ними и поступаютъ съ ними по своему произволу и что, слыша ихъ угрозы, опасно даже оставаться въ городѣ и что они охотно бы собрались на съѣздъ (въ Полоцкъ), но будетъ трудно и опасно имъ возвратиться назадъ въ городъ, потому что мѣщане стращаютъ и грозятъ имъ, а остановить и укротить ихъ никто не можетъ“; въ доказательство справедливости своихъ словъ Овдей представилъ жалобу Кузюдемьянскаго попа Ждана Тимоѣевича, занесенную въ актовую книгу Могилевскаго замка; въ ней писалось, что мѣщане—Гришка Лашкевичъ съ слугами магистратскими, барабанщиками и другими лицами напали на Ждана въ церкви почти въ то самое время, когда онъ приготовился совершать литургію, сорвали съ него облаченіе, избили и изгнали изъ церкви¹⁾. Получивъ изъ Могилева такія вѣсти, Кунцевичъ вознамѣрился посѣтить городъ лично. Но когда онъ подъѣзжалъ къ нему, мѣщане, замѣтивъ его приближеніе, заперли городскія ворота, выставили на башняхъ и на валу пушки и пищаля, а сами вышли съ мушкетами, пиками и разными воинскими доспѣхами, а также съ цеховыми значками, преграждали ему дорогу, угрожали стрѣлять въ него и убить, называли отщепенцемъ отъ вѣры и ругали разными непристойными словами, говорили, что не признаютъ его своимъ владыкою и знать его не хотятъ. Кунцевичу пришлось повернуть назадъ. Это было 9-го октября 1618 г. Опасаясь, какъ бы онъ не вздумалъ навѣстить городъ еще разъ, мѣщане письменно просили Могилевскаго подстаросту Николая Водерацкаго уговорить архіепископа не въѣзжать къ нимъ даже гостемъ во избѣжаніе хло-

¹⁾ Витеб. Стар. т. I, 604.

¹⁾ Созоновъ, Ист.-юр. м. т. II, рѣшеніе по дѣлу Кунцевича 354—376.

поть и смятенія, напоминала о случаяхъ, бывшихъ въ Луцкѣ съ покойнымъ о. митрополитомъ Рагозою, въ Вильнѣ и Львовѣ съ Поцеємъ, въ Кіевѣ съ Антоніемъ Грековичемъ, въ Перемышлѣ и другихъ городахъ съ разными духовными особами. Въ другомъ письмѣ— къ воеводѣ Троцкому мѣщане тогда же писали, чтобы архіепископъ на основаніи недавней сеймовой конституціи оставилъ ихъ, а когда воевода Троцкій (Огинскій?) отвѣтилъ имъ, что владыка никого изъ нихъ не поведетъ въ церковь насильно, мѣщане на кончикѣ отвѣтнаго письма сообщили воеводѣ, что „они не для того столько церквей настроили, чтобы ихъ на веревкахъ водили къ службѣ Божіей“.

Жалоба къ королю отъ Кунцевича не замедлила отправиться. Къ отвѣту были позваны славетные бурмистры, радцы, лавники и все посольство и между ними, какъ зачинщики бунта, бурмистры: Василій Озаровичъ, Ѳеодоръ Козель и мѣщане: Маркъ Козель, Ярошъ Козанъ, Ермола Месцовъ, Есипъ Якимовичъ, Богданъ Соболю, Ѳеодоръ Свиридовичъ, Василій Якимовичъ, Тихонъ Козель, Цигаревичъ, Агей Шинковичъ, Тимошка Гладкій, Ониська и Иванъ Бѣляи, Гришка Кудаха, а также шафари Спасскаго монастыря: Левонка Исаевъ, Евланъ Шульха, Миско Пуцята, Кузьма Шевнинъ. Всѣ почти названныя имена находятся въ спискѣ братчиковъ, и, слѣдовательно, хотя братство на судѣ и не фигурировало какъ учрежденіе, но оно de facto, въ лицѣ значительной части своихъ членовъ изъ мѣщанъ, стояло даже во главѣ бунта; и обвинялись мѣщане на судѣ не только за недопущеніе Кунцевича въ городъ, но и за то самоуправленіе въ церковныхъ дѣлахъ, которое развилось до большихъ размѣровъ при непосредственномъ вліяніи на него братства.

Обвиненіе началось именно съ того, что мѣщане дерзнули церкви и монастыри въ городѣ Могилевѣ, а также поповъ и иноковъ и церковно-служителей самовольно брать въ свое распоряженіе и присвоивать себѣ власть надъ ними и не допускать духовенство до повиновенія архіепископу, въ то время какъ единственный податель и ктиторъ церквей и домовъ Божіихъ есть король, такъ какъ только онъ, а не кто-либо иной, имѣетъ право быть подавателемъ и ктиторомъ въ имѣніяхъ и городахъ королевскихъ. Воспользовавшись такою постановкою обвиненія, повѣренный отъ города шляхетный Голенбевскій заявилъ, что оно не основательно (est ac-

tio incompetens), такъ какъ мѣщане имѣніями церковными не владѣютъ, а есть особы духовныя, которыя и распоряжаются всѣми наданьями, въ подтвержденіе чего представилъ заявленіе о невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла отъ самого городского духовенства, быть можетъ то самое, которое дано было еще въ 1605 г. Тогда обвинитель (instigator), понявъ свою ошибку, свелъ дѣло къ преступленію противъ королевскаго величества, къ тому, что мѣщане своимъ неповиновеніемъ, нарушеніемъ общественнаго покоя дѣлаютъ ущербъ королевской власти и оскорбляютъ величество. Обвиненіе, такимъ образомъ, получило криминальный характеръ и въ такомъ смыслѣ было доложено ассесорскимъ судомъ королю. Какъ доказательства преступленія, были представлены: а) заявленіе вознаго въ городскомъ Оршанскомъ судѣ о недопущеніи Юсафата въ городъ; б) указанное выше письмо мѣщанъ къ Водерацкому; в) письмо ихъ же къ воеводѣ Троцкому; г) письмо попа Овдея Тишковича къ Кунцевичу съ жалобой попа Ждана Тимошевича; д) Письмо Николая Водерацкаго къ старостѣ Могилевскому, канцлеру Льву Сапѣгѣ съ извѣстіемъ о бунтѣ.

Мѣщане не сознавались въ своей винѣ; вооруженіе города мотивировали тѣмъ, что разнеслись слухи о приближеніи шаекъ козака Сумы, но оправданіе оказалось неудачнымъ: инстигаторъ заявилъ, что Сума въ то время былъ уже казненъ. Письма, представленные на судѣ, мѣщане признавали подложными, кромѣ отправленнаго къ воеводѣ Троцкому. Для опроверженія обвиненія въ присвоеніи патронатскихъ правъ, они кромѣ заявленія духовенства предъявили грамоту покойнаго Брольницкаго, гдѣ онъ отказывался отъ своихъ правъ надъ городомъ. Наконецъ, свою невинность готовы были подтвердить присягой. Однако защита была сочтена недостаточной: инстигаторъ заявлялъ, что всѣмъ извѣстно самоуправленіе мѣщанъ въ церковныхъ дѣлахъ, доходящее до того, что даже ключи отъ храмовъ хранятся у прихожанъ и т. п. Процессъ кончился такимъ приговоромъ: руководители мятежа присуждены къ смертной казни (а кто именно, рѣшено опредѣлить изслѣдованіемъ на мѣстѣ), на весь городъ наложенъ штрафъ; церкви и монастыри со своими имѣніями должны быть переданы Кунцевичу по истеченіи 6 недѣль отъ изданія декрета (изданъ 22 марта 1619 г.) подъ опасеніемъ штрафа въ 20 тысячъ золотыхъ; мѣщане лишаются пра-

ва вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Все это было исполнено, кромѣ казни зачинщиков¹⁾.

Кунцевичъ, получивъ декретъ, потребовалъ выписъ изъ трибунальныхъ виленскихъ книгъ клировой вѣдомости о Могилевскихъ церквахъ, которая и выдана была ему 31 мая 1619 г.²⁾ Черезъ полгода по полученіи декрета онъ позволилъ было православнымъ совершать въ этихъ церквахъ богослуженіе, рассчитывая снисходительно привести ихъ къ униі; но, видя стойкость мѣщанъ въ православіи, Кунцевичъ отобралъ церкви и назначилъ къ нимъ своихъ священниковъ—*catholicow dobruch*³⁾. Прежнихъ же священниковъ Могилевскихъ, оставшихся непокорными ему, запрещалъ, не дозволялъ имъ касаться церквей, но тѣ на подобныя прещенія Иосафата отвѣчали, что они живутъ трудами рукъ своихъ и его за пастьря не признають⁴⁾. Такъ какъ униатовъ въ Могилевѣ не было, то богослуженіе этихъ „добрыхъ католиковъ“ никѣмъ не посѣщалось и церкви стояли пустыми. Православные же, не желая признавать иного исповѣданія, кромѣ того, въ которомъ они родились, поставлены были въ весьма трудное положеніе: по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они вынуждены были выходить для божественной службы за заставы, въ поля; прятать своихъ священниковъ; новорожденныхъ дѣтей возить для крещенія на разстояніе 10-ти и болѣе миль, при чемъ нерѣдко дѣти въ такомъ трудномъ и продолжительномъ путешествіи умирали, не принявъ таинства; взрослые же оставались безъ исповѣди и причастія св. таинъ. — Весьма много пострадало отъ Кунцевича и братскія учрежденія. Кунцевичъ отлично понималъ, что братство—центръ православной силы, и потому съ самаго начала своихъ подвиговъ въ Бѣлоруссіи на него на-

¹⁾ Созоновъ, тамъ же. Что казни не была исполнена, см. Созоновъ: т. VIII, стр. 417 и слѣд.

²⁾ Витеб. Ст. т. I, № 153.

³⁾ *Mohilowcom*, пишетъ Иосафатъ Льву Сапѣгѣ, przykładem Plutarcha, po odzierzeniu decretu od J. Kr. M. niemal pulroku, dopuscilem byl w cerkwiach nabozenstwo swoje odprawowac chcac ich ludzkoscia ta ku dobremu przywiesc, ale ydum obaczyl, ze sie tym postepkiem moim bardziej sie ich upor korzeni, odebralem je y podalem swiasczennikom catholicom dobrym. Niech ze sie w nich modla przytych swiasczennikach, nie sa zapieczetowane, bywaja y odmykane podczas nabozenstwa, niech tylko chca byc nabozenni (Кояловичъ, Литов. и. униа, т. 2, примѣч. 185.

⁴⁾ Археогр. Сборн. т. V, стр. 120.

правлялъ свои удары. Еще въ 1618 г. (до рѣшенія дѣла гражданъ въ королевскомъ судѣ) Кунцевичу удалось отобрать у православныхъ братскій монастырь и назначить въ него своимъ намѣстникомъ и игуменомъ Гервасія Гостилловскаго, рьянаго униата. Братство лишилось, такимъ образомъ, своего центра; только школу свою, стоявшую на монастырской землѣ, оно старалось всячески отстоять и не допустить въ нее униатовъ; но и ту пришлось уступить имъ въ 1624 г.

Лишившись своего монастыря, братство, именно „ихъ милости духовные иноцы и свѣдкіе такъ зъ народу шляхетного, яко и многіе обыватели тугейшого мѣста его королевское милости Могилевского братства церковного, реліи (религій) старожитное Греческое церкви восточное“ рѣшились „монастырь уфундовать и церковь на честь и фалу Вседержителя Бога постановить“. Съ этою цѣлію братство перекупило у своихъ же членовъ-мѣщанъ, купленный послѣдними у княгини Соломерецкой (урожденной Еввы Борколабовны Корсаковны), „домъ съ пляцомъ, зъ будованьемъ и во вснмъ правомъ на той домъ и пляць належачый, подѣ вольностью шляхецкою будучый, лежачый ту въ мѣстѣ Могилевскомъ, у улицы великой Шкловской, идучи зъ брамы до рынку, по лѣвой сторонѣ, обѣ между зъ одное стороны пана Яна Наркевича Подвинского, а зъ другое стороны пана Яна Юревича“. Братство хотѣло, чтобы княгиня Соломерецкая, какъ бывшая владѣтельница этой земли съ домомъ, дала ему фундушевую запись на основаніе монастыря отъ себя, дабы тѣмъ обезпечить для себя спокойное владѣніе землей¹⁾. Но, вѣроятно, княгиня не согласилась на такую сдѣлку, и братство стало хлопотать, чтобы какая-нибудь другая „защце урожоная“ особа признала купленный „пляць“ своимъ и какъ бы собственный подарила его братству. При содѣйствіи Виленскаго братства согласился на это князь Янъ Огинскій. 4-го іюня 1619 г. онъ внесъ въ Виленскія трибунальныя книги свой дарственный фундушъ на имя Виленскаго братства²⁾. Запись на имя послѣдняго сдѣлана для

¹⁾ Археогр. Сборн. т. II, № 26 и 27.

²⁾ По этому фундусу, Огинскій свою землю, лежащую въ Могилевѣ, въ улицѣ Шкловской, купленную у Могилевскихъ мѣщанъ Федора и Макара Филиповичей, Федора Ивановича и Космы Полуяновича (тѣ самые, которые перепродали раньше эту землю братству, но, вѣроятно, взятые назадъ собою для продажи (фиктивной, конечно) Огинскому), даруетъ Виленскому братству для

того, чтобы избавить предполагавшийся монастырь от власти Кунцевина. Но, не смотря на все старания братства Могилевского и уловки, к которым оно вынуждено было прибегать, строить нового монастыря пока ему не приходилось, так как одновременно с изданием королевского решения по делу мѣщанъ съ Кунцевичемъ запрещено было православнымъ вновь строить и поновлять церкви во всехъ мѣстахъ Полоцкой епархіи.

Въ то время, когда въ Бѣлоруссіи православіе подвергалось страшному тѣсненію со стороны уніатовъ, на югѣ—въ Кіевѣ выросла новая, или, лучше сказать, возродилась къ жизни старая православная сила. Въ 1620 г. она сказалась въ событіи, по справедливости, считающемся эпохой не только религіозной, но и гражданской жизни Западной Руси. Разумѣемъ возстановленіе православной іерархіи. Трудно изобразить всю важность этого дѣла, имѣвшаго громадные послѣдствія для всей Западной Россіи. Это было возстановленіе церкви, разрушенной почти до основанія, возстановленіе въ силу народнаго требованія, въ противность постановленіямъ, дѣйствіямъ, всемъ интересамъ польскаго государства. Оно раздвоило, раздѣляло государство, сплотившееся было въ одно цѣлое, въ одну однородную массу, посредствомъ самой сильной связи, какая только можетъ соединять членовъ государства—религіи. Это было съ одной стороны сигналомъ и началомъ вѣковой борьбы Руси съ Польшею, съ другою—началомъ паденія Польши. Это—первый актъ ея разрушенія. Сила, которую русскій народъ противопоставилъ Польшѣ, вышла изъ религіи и заключалась въ религіи. Но

того, „aby tam ku chwale Bozey Cerkiew pod blagoslawiestwem zwykla nam y przodkom naszym nalezacego Pasterza swiateyszaho Wselenskaho Patriarcha Konstantynopolskaho zbudowana buduczynie, wo imia Bohojawlenia Hospodne y przy niey Manasterz obszczego zycia ufundowany, y godnemi a sposobnemi nato osobami, to iest ieromonachami y ierodyakonami, inokami y ich poslusznikami w obszczom zytij podlug prawil swietych oycow a ustawu ize wo swietych otca naszego Wasilia welikaho porzodnie mieszkaiacimy y dobrze w winogradzie Chrystusowym dzielaiuczmy, przystoynie, opatrnie byc mogli, zrodlo z ktorego by takowa woda wyplywac nigdy nie przestawala, to iest miestce, od ktorego by takowye osoby podawany byli, y sposob ktorym byst, za laska Boza bez przestanku wzadzic krewity y w przystoynym pozadku a nie odmiennym blahoczystyi y prawowiriy zatwymowac ustawiernie mohli“ (Копія универсала Владислава IV, въ которомъ и фундаментъ Огневскаго; документъ этотъ писанъ польскими буквами, но видно, что подлинникъ былъ на западно-русскомъ нарѣчій; хранится въ архивѣ Братскаго Могилевскаго монастыря, означенъ № 82).

при этомъ она ввела въ союзъ съ религіею, какъ свои двѣ вѣщныя опоры—образованіе и чисто вѣщную силу—казачество. Первыми епископами возстановленной іерархіи поставлены лучшие по образованію люди, какихъ могла выставить южная Русь. Охрану ихъ и возстановленной церкви приняли на себя казаки. Душею дѣйствій былъ новопоставленный митрополитъ Говъ, человекъ съ высокою душею, съ большею энергіею и обширными государственнымъ взглядами¹⁾.

Къ этой-то возродившейся силѣ и обратились православные Полоцкой епархіи за помощію въ борьбѣ съ напоромъ уніи. Религіозныя связи Бѣлоруссіи съ Кіевомъ съ этого времени все болѣе и болѣе укрѣплялись и увеличивались; сюда прежде всего обращались ихъ взоры въ многоразличныхъ бѣдахъ и скорбяхъ. Могилевское братство служило однимъ изъ крѣпкихъ цементовъ этой связи и, если Могилевскій епископъ могъ въ концѣ XVII в. съ радостію засвидѣтельствовать, что его городъ съ помощію Божіей не отсталъ отъ Кіева, то это именно благодаря братству²⁾.

¹⁾ Чистовичъ, Очеркъ З.-Р. Церкви, т. 2, стр. 25 и Кулишъ, Исторія возр. Р. т. II, стр. 380.

²⁾ Вотъ слова епископа: „Nie uposledzilo sie tedy miasto Mohilow za przyczyna Matki Bozej od Kijowa (wyiowszy tylko relikwie swietych. A za laska Boze moze sie ito w tym miescie pokazac ciela swietych). Jakoz iest w cerkwi swietych Bohojawlenij Panskich cielo nie-skazitelne Panienskie od lat 40-ta. Jest tedy to miasto Mohilow obfite w ludzkie, pobozne, handlowne i wrzozne kzemiosla bogate, cerkwiami iest ozdobione, w cerkwiach kosztami i nakladami ukraszzone, i przy codziennym nabozezstwie greko-ruskim kwitnuce, zaczym godne tego wierszu wzywac:

Bohom spasajemy sey hrad Mohilow
Praotec i otec Jafetowych synow.

Wywodzac ten wierz tak tlumacze: gdy Noe Patriarcha po potopie trzem synom swym: Semu, Chamu i Jafetu mlodszeu dal Blagoslowienstwo i ziemie natrzy czesci rozdzielil,—z podzialu tedy dostala sie Ewropa na Jafeta, na ktorej osiedli Rus albo Slowianie, i co iest znacznych miast nie mianujac wszystkich, ieno iako Kijow, Czernihow i Mohilow, Slowianskim jezykiem tlumaczy sie; wytiahajucz, rozstraniajucz i daley rozszewaicz sie, wedlug Synopsysu Kiewo-Pieczarskiego i Strykowskiego. Rozszerszacie tedy te miasto Mohilow za laska Boze i Przenawsywtwey Matki Jego, za protekcia Najjasnieyszego, niezwycezonego Krola jmsci Jana III, ktore za poprawacnot ludzkich moze sie i daley rozszerzyc, bo jako pisze Strijkowski kronikarz na Ewropie zycacych nazywajac Jafetowenii wnukanii, albo plemie Jafetowe (Изъ хроники, хранящейся въ С.-Петербургской Публичной библиотекѣ, стр. 4—5). Нелишне будетъ сообщить нѣсколько свѣдѣній объ этой хроникѣ. Эта хроника, извѣстная подъ именемъ Трубицкаго,—подлинникъ. На первой стр. ея значится:

Лишь только разнеслась вѣсть о прибытіи въ Кіевъ Іерусалимскаго патріарха Теофана, братство снарядило туда посольство. Съ какою торопливостію оно спѣшило войти въ общеніе съ патріархомъ, видно изъ того, что оно уже въ май мѣсяць (19 ч.) 1620 г., когда православные изъ другихъ мѣстъ, даже Виленское братство, воздерживались страха ради польскаго отъ сношеній съ патріархомъ, получило отъ послѣдняго грамоту, благословляющую и утверждающую братство¹⁾. Вскорѣ затѣмъ были посвящены Теофаномъ митрополитъ и епископы. Въ Полоцкую епархію назначался прославишійся уже на поприщѣ литературной защиты православной церкви Мелетій Смотрицкій. Успѣхъ дѣла возбудилъ большія надежды, особенно, когда на сеймѣ 1620 г. король, въ силу политическихъ тяжелыхъ обстоятельствъ государства, требовавшихъ для благопріятнаго исхода ихъ помощи литовско-русскихъ силъ, утвердилъ конституцію 1607 г., которою запрещалось преслѣдовать православныхъ и допускалась свобода въ отправленіи ихъ богослуженія. Поднялось сильное движеніе противъ униіи особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, благодаря горячимъ посланіямъ Мелетія. Въ Могилевѣ дѣлалась

„Изъ книгъ Михайлы Трубницкаго“. „Kronika pisana dziadem moim wieczney Pamieci Jerzym Trubnickim, bywyszym Regetem Mohilewskiego mieyskiego Magistratu cosie dzialo w mieście Mohilewie, za iego własney pamieci takze i z drugich latopisow wypisana“. Эта хроника, по копіи, сдѣланной Н. Н. Гортыцкимъ, въ переводѣ на рус. языкъ и съ дополненіями къ ней, сдѣланными Гортыцкимъ же, издана въ Москвѣ Архимандритомъ Сергіемъ, бывшимъ ректоромъ Могилевской духовной семинаріи, нынѣ епископомъ Чебоксарскимъ, въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“ за 1887 годъ, кн. 3. Изданіе сдѣлано съ копіи, а не съ подлинника, потому, что неизвѣстно было, гдѣ находится подлинникъ и даже цѣль ли онъ, о чемъ замѣчено было еще въ „Археогр. сборникѣ“, печатавшемся въ 1867 г. (т. II, пред. X). При провѣркѣ напечатанной копіи съ подлинникомъ мы нашли, что въ копію вкрались нѣкоторые пропуски противъ подлинника: такъ напр. приведенной нами выдержки въ изданной хроникѣ цѣть. Изъ подлинника видно между прочимъ, что начата она Трофимомъ Романовичемъ Сургой, „лавицкомъ и старостой кудецкимъ“, и доведена имъ до 1700 г.; съ этого же года продолжаема была Юріемъ Трубницкимъ; но, къ сожалѣнію, записи его отъ 1709—1745 г. въ подлинникѣ вырваны, чѣмъ объясняется скудость свѣдѣній и у игумена Ореста за этотъ промежутокъ времени, такъ какъ онъ пользовался Трубницкимъ. Въ подлинникѣ есть также замѣтки о событіяхъ начала XIX ст., сдѣланныя Михайломъ Трубницкимъ, но они имѣютъ мало мѣстнаго колорита.

¹⁾ Она была подписана, кромѣ Теофана, еще экзархомъ цареградскаго престола Арсеніемъ. Грамота эта извѣстна только по указанію на нее Петра Могилы, Арх. Сборн. т. II, № 43.

усилія возвратить отнятыя Кунцевичемъ церкви. Мѣщане хотѣли было подкупить Кунцевича; ему предлагали, какъ пишетъ его биографъ уніатъ Суша, 30 т. флориновъ за позволеніе имѣть своихъ священниковъ и свободно отправлять богослуженіе, но предложеніе было отвергнуто¹⁾. Тогда они обратились съ просьбой о защитѣ къ Кіевскимъ обывателямъ, а послѣдніе—къ казакамъ²⁾, но и тутъ пока ничего не успѣли. Казаки были страшны для польскихъ дипломатовъ, а не для Кунцевича. Сапѣга, утраченный движеніемъ православныхъ, писалъ (1621 г., февраля 9-го) митрополиту уніатскому Іосифу Рутскому: „ради Бога, прошу вашу милость, вразуми его (Кунцевича), чтобы онъ прекратилъ и оставилъ такую суровость въ этихъ (религіозныхъ) дѣлахъ, и Могилевцамъ скорѣе добровольно тѣ церкви уступилъ, не ожидая того, чтобы и безъ просьбы и безъ поклоновъ сами они ихъ отобрали у него“³⁾. Кунцевичъ не унимался. Сапѣга писалъ ему лично; между прочимъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ отъ 12-го марта 1622 года онъ приказывалъ Іосифу именемъ короля отпереть въ Могилевѣ церкви. Но и это внушеніе не подѣйствовало на фанатика. Скоро однако ему пришлось расплатиться собственною жизнію за свое изувѣрство: ожесточенная толпа убила его въ Витебскѣ 12 ноября 1623 г.

Принимали ли мѣщане Могилевскіе участіе въ самомъ убійствѣ, трудно рѣшить опредѣленно. Одинъ Полочанинъ, самъ пріѣхавшій въ Витебскъ для помощи заговорщикамъ, показалъ на слѣдствіи, что его сограждане сносились съ Виленскимъ и другими братствами, составляли заговоры и дѣлали денежные складчины на возмущенія, слѣдственная же коммиссія и прямо нашла, что преступленіе совершено мѣщанами Витебскими по соглашенію съ жителями Могилева, Вильны⁴⁾. Если эти данныя признать и недостаточными въ виду того, что обвиненіе общо и не названы лица, то все-таки нельзя оправдывать и Могилевцевъ по крайней мѣрѣ отъ нравственнаго

¹⁾ Idem Mohilowienses, alias Archipraesulem accesserunt, triginta Polonicorum florenorum millibus, sev novem scutorum, insolentem religionis libertatem licitantes. Presbyteros ab ecclesiis eorum non amoveret, exerceri orthodoxiam tineret. Quibus ille, se animarum salutem, non pecuniam desiderare (Cursus vitae Iosaphat Kunccevicii, Susza, стр. 72).

²⁾ Арх. Сб. т. I, № 9, стр. 266.

³⁾ Тамъ же, т. II, № 29.

⁴⁾ Витеб. Стр. т. I, № 118, стр. 228 и 236.

участія въ преступленіи. Несомнѣнно, что убійство Кунцевича было лишь крайнимъ проявленіемъ всеобщей, среди православныхъ Полоцкой епархіи, ненависти къ фанатику; этотъ взрывъ могъ произойти и въ Полоцкѣ и Могилевѣ и въ другихъ городахъ, какъ и въ Витебскѣ: все опредѣлялось поводомъ къ нему. Смягченіе нравственной ответственности за этотъ прискорбный фактъ можно находить развѣ только въ жестокости тогдашнихъ нравовъ и въ изувѣрствѣ Иосафата.

Кровавая расплата съ Кунцевичемъ имѣла печальныя послѣдствія для всей Западно-Русской Церкви, но тяжелѣе всего пришлось Бѣлоруссiи. Унія была объявлена существующей въ ней повсемѣстно. Мелетій Смотрицкій, обвиненный уніатами въ подстрекательствѣ къ убійству архіепископа и проклятый митр. Рутскимъ, уѣхалъ на востокъ и скоро затѣмъ измѣнилъ православію. Въмѣсто Кунцевича на Полоцкую кафедру былъ посаженъ Антоній Селява, мало чѣмъ уступавшій своему предшественнику въ ревности къ уніи. На православныхъ напалъ страхъ и уныніе. Могилевское братство не въ силахъ было удерживать за собой школы, стоявшей на землѣ Спаскаго монастыря и вынуждено было передать ее формально, въ присутствіи должностныхъ лицъ, уніатамъ. Это затишье въ православномъ лагерѣ продолжалось однако не долго. Прошло года два, ослабѣло впечатлѣніе страха, поднялась энергія. Что же дѣлаетъ братство?

Мы видѣли, что оно пыталось основать въ Могилевѣ общежительный монастырь. Попытка оказалась неудачной, но опытъ борьбы съ уніей свидѣтельствовалъ, что монастыри—наиболѣе крѣпкія и неприступныя для уніатовъ опоры православія. И вотъ братство, испытавъ неудачу въ одномъ пунктѣ, старается добиться желаемого въ другомъ. Въ числѣ братчиковъ Могилевскихъ былъ знатный шляхтичъ Богданъ Вильгельмовичъ Стеткевичъ. Маестности его лежали около Орши. Вотъ здѣсь-то задумало братство основать монастырь и перенести сюда центръ своей дѣятельности. Около 1626 г. Могилевскіе и Оршанскіе мѣщане, вошедши въ соглашеніе съ Стеткевичемъ и его женою Еленою (урожд. Соломерецкою), за свои деньги купили у Каспера Швейковскаго имѣніе Кутейно и село Поддубцы, лежавшія надъ Днѣпромъ около Орши въблизи земель Стеткевича, и здѣсь zaloжили монастырь и церковь Св. Духа. Фондушъ на монастырь былъ данъ отъ имени Стеткевича, какъ будто бы изъ его собственнаго имѣнія. Затѣмъ, пользуясь расположеніемъ къ православ-

нымъ Оршанскаго старосты, мѣщане сняли съ своихъ запертыхъ церковей Св. Спаса и св. Николая (въ Оршѣ) колокола, забрали изъ нихъ „операты, начыня церковные, серебряные крыжи, келихи и ризы, дихтары, свѣчи“, словомъ, всю утварь церковную и перенесли въ новозаложенный монастырь.

Между тѣмъ возвратился съ востока Мелетій Смотрицкій. Православные оживились. Лишь только вѣсть о пріѣздѣ Мелетія въ Киевъ дошла до Могилева, братство, не зная еще, какія козни противъ православной церкви и въ частности противъ братства замышлялъ ихъ архіепископъ, снарядило къ нему посла— Андрея Кузьминича Ребровича и, вѣроятно, просило его прибыть въ свою епархію. Мелетій одобрилъ братство письмомъ, въ которомъ похвалялъ твердость его вѣры; вскорѣ онъ прибылъ въ Могилевскій край и самъ. Въ это время умерла въ Барколабовѣ княгиня Соломерецкая, урожденная „Евва Борколабовна Корсаковна“, мать того Соломерецкаго, котораго училъ и съ которымъ путешествовалъ по заграничнымъ академіямъ Мелетій. Это и послужило поводомъ для пріѣзда Мелетія въ свою епархію¹⁾. Нечего и говорить, что посѣщеніе архипастыремъ своей паствы произвело въ ней сильный подъемъ духа. Вездѣ—въ городахъ и селахъ признавшииъ было власть Антонія Селявы бросали его, „пренебрегали“ имъ и шли къ Мелетію. Пошли доносы уніатовъ на жителей Могилева и Орши, принимавшихъ живѣйшее участіе въ движеніи противъ уніи. Въ 1627 г., 18 января король издалъ универсалъ противъ мѣщанъ: „вы дей, писалъ онъ, упорне спротивляючысь зверхности наше, отъ насъ порадне преложоному упривилеваному пастыру своему духовному отцу Анѣтону Селяве, неслушне съ послушенства его выламуючысь, але згодне поразумевшысе зъ мещаны нашими оршанскими, также зъ урожонымъ Богданомъ Стеткевичомъ и зъ малжонкою его, княжною Геленою Соломерецкою, власне за свои могилевскіе и оршанскіе грошы, на имя того Стеткевича и мал-

¹⁾ Пріѣздомъ въ Борколабовъ Мелетій былъ въ Вильнѣ и здѣсь въ братскомъ монастырѣ забралъ для погребенія Соломерецкой „не мало апѣратовъ церковныхъ отъ злата, сребра, перель, дорогихъ каменей на розныхъ матеріяхъ на охендовтво Архіерейское“, братствомъ справленныхъ, а также книгъ разныхъ, и на разныхъ мѣстахъ совершалъ Архіерейскія службы. Всего этого, перешедъ въ унію, онъ не возвратилъ братству, на что жаловалось оно въ судѣ (Голубевъ, Петръ Могила, пр. стр. 384).

жонкиного, купившы вечностю имени, названое Кутейна и село Поддубовь, да и вы дей, могилевцы, посполь зъ оршаны и зъ урожонымъ Стецкевичемъ и зъ малжонкою его, безъ ведомости и позволеня нашего и безъ благословенства пастыря своего архієпископа, тамъ, въ Кутейнѣ монастырь и церковь своволную, менечи заложена Светого Духа, ве владыгы его, о. Анѣтонега Селявы, до архієпископій полоцкой належачое, заложышы... надто дей своволно менечи неякогось Мелентія Смотрицького архієпископомъ полоцкимъ, которого дей вы жъ могилевцы, порозумевшысе зъ мещаны нашими оршанскими, тыми недавными часы въ край белорускіе, до имени и двора, названово Боркулабово князя Богдана Соломерецкого, ... запровадившы, увесь народъ простой веры старожытное греческое съ послушенства его (Селявы) отводите, отрываєте; ... приказуемъ вамъ, койжъ бы есте отъ положеня копен зъ сего листу нашего, поповъ своволныхъ, которые бы не были послушенства его, о. Анѣтонега Селявы... въ местахъ нашихъ Могилевскомъ и Оршанскомъ, также и въ домохъ своихъ, не переховывали и жадного сполкованя (общенія) зъ ними не мели, подъ плаченемъ зарукъ отъ каждого непослушного на насъ господара и на его, архієпископа Полоцкого, по 10 тысячей копъ крошей литовскихъ и подъ долшыми винами, въ праве посполитомъ описанными, конечно¹⁾. Какими послѣдствіями сопровождался этотъ грозный декретъ, не знаемъ точно. Вѣроятно, онъ не имѣлъ силы, благодаря заступничеству Стеткевича; по крайней мѣрѣ, Кутейнскій монастырь не только не былъ уничтоженъ, но подъ руководствомъ дѣятельнаго игумена и Могилевского братчика Іоуля Труцевича все болѣе и болѣе распирался: еще около 1630 г., слѣдовательно, до наступленія болѣе благоприятныхъ временъ для православныхъ, частью предположено, а частью и осуществлено построение цѣлой группы Кутейнскихъ монастырей²⁾. Что построение Кутейнскихъ монастырей должно быть приписано заботамъ Могилевского братства, это видно изъ слѣдующаго. Не говоря уже о томъ, что и Стеткевичъ, и Іоуль Труцевичъ, и многіе мѣщане Оршанскіе и шляхта повѣту Оршанскаго числились въ Могилевскомъ братствѣ, самый универсалъ королев-

¹⁾ Ист.-юр. матер. Савопова, т. VIII, стр. 417—20; ср. универсалъ въ Оршу: Витеб. Стар. т. I, № 18 и 82.

²⁾ Арх. Сб. т. II, № 33 и А. З. Р. т. IV, № 201.

скій, какъ на инициаторовъ дѣла, указываетъ именно на мѣщанъ Могилевскихъ; затѣмъ религіозно-просвѣтительное и благотворительное направленіе, данное дѣятельности монастыря (при немъ съ самаго начала предположено было завести школу, типографію и богадѣльню), обличаетъ въ руководителяхъ духъ братства, наконецъ, и въ Кутейнѣ и послѣ въ Могилевѣ монастыри устроены были во имя Богоявленія Господня. Конечно, для братства, громадное большинство членовъ котораго жило въ Могилевѣ, невыгодно было имѣть свой монастырь около Орши, и потому оно, когда настали лучшія времена, устроило новый монастырь въ Могилевѣ, а Кутейнскій монастырь, хотя и состоялъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ братству, получилъ отдѣльное отъ послѣдняго существованіе.

Около 15 лѣтъ усиленныхъ гоненій, воздвигнутыхъ на православныхъ бѣлоруссовъ, не только не сломили стойкости и твердости ихъ въ православной вѣрѣ, но еще болѣе закалили и укрѣпили въ ней, сплотивъ ихъ подъ общимъ именемъ и формою братства. Въ составъ послѣдняго, подъ влияніемъ гоненій, стали входить члены изъ шляхетскаго сословія. Общая участь сблизила съ братствомъ и бѣлое духовенство, довольно подозрительно вообще смотрѣвшее на усиленіе мѣщанской автономіи въ церкви¹⁾. И вотъ лишь только со смертію Сигвзмудна III († 30 сентября 1632) настали болѣе благопріятныя времена для православной Западно-Русской Церкви, братство оказывается готовымъ расширить кругъ своихъ дѣйствій до громаднѣхъ размѣровъ. Оно становится ставропигіальнымъ, и какъ таковое, получаетъ право голоса во всѣхъ выдающихся дѣлахъ Западно-Русской Церкви: делегаты его являются на соборы и съѣзды православныхъ, участвуютъ при выборѣ епископовъ Могилевскихъ и т. п. Затѣмъ:

¹⁾ Отраженіемъ взгляда духовенства на братства могутъ служить отзывы о нихъ Баркулабовскаго хроникера—священника. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „почали (1592 г.) соборы помесные чинити, то есть у мѣсте Виленскомъ братства навчонныхъ людей до себе на порятунокъ прибавили зъ мѣста Львовскаго Григорія Рогатинца и Стефана Зазанія. Тѣ сильную и великую войну зъ рымляны мевали, не только на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали, якожъ имъ Господь Богъ противу ихъ упоровъ великихъ и змышленыхъ уставовъ и законовъ нѣкоби не помочь и не поможеть“ (стр. 57) „тогожъ часу (1583) почали у во Львове, у мѣсте Виленскомъ, у Берестыю школы науку выдавати, братѣрство якогось установляти“ (стр. 53). () Могилевскомъ братствѣ отзывъ его былъ ужъ приведенъ (хрон., стр. 63).

оно заводять новыя учрежденія (монастырь, типографію) и расширяють старыя (школу, шпиталь). Наконецъ, еще крѣпче стоитъ противъ уніатовъ. Все это черты, характеризующія слѣдующій періодъ въ исторіи братства.

Періодъ второй (1632—1661 г.).

Расширеніе гражданскихъ и церковныхъ правъ братства со вступленіемъ на престолъ короля Владислава IV. — Построеніе братствомъ Богоявленскаго и женскаго монастырей. — Борьба братства съ уніей за этотъ періодъ. — Отношеніе братства къ Могилевскимъ епископамъ. — Роль братства при воссоединеніи бѣлорусскихъ городовъ съ Москвою.

Смерть Сигизмунда III вызвала сильное движеніе въ защиту попранныхъ правъ западно-русской церкви среди всѣхъ сыновъ ея. Совокупными усиліями духовенства съ Печерскимъ архимандритомъ Петромъ Могилою во главѣ, братствъ и православной шляхты права церкви были возстановлены. Такимъ поворотомъ церковныхъ дѣлъ, конечно, не могло не воспользоваться и наше братство. Для него, какъ и для всѣхъ православныхъ жителей Могилева, предстояла на первомъ планѣ задача — получить разрѣшеніе на открытіе запечатанныхъ своихъ церквей и свободное отправленіе богослуженія, и затѣмъ прочно обезпечить бытіе братскихъ учрежденій. Къ этому и направлены были старанія Могилевцевъ.

Слишкомъ грубое преслѣдованіе ихъ со стороны уніатовъ, какъ напр., закрытіе церквей, конечно, до глубины души возмущало всѣхъ западно-русскихъ и бросалось въ глаза болѣе умѣреннымъ и благоразумнымъ католикамъ и уніатамъ. Въ рѣдкомъ сочиненіи, въ рѣдкой рѣчи, жалобѣ, направленныхъ противъ уніатовъ, не упоминалось о томъ, что въ Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ церкви запечатованы, богослуженіе и таинства не совершаются, и народъ живетъ безъ крещенія, брака, исповѣди, умираетъ безъ напутствія, погребается безъ похороннаго провода. Это слово, которое забрасывалось за жителей Могилева всякимъ, кто такъ или иначе стоялъ за интересы православныхъ, оказывало свое дѣйствіе, и уже на конвокаціонномъ сеймѣ (1632 г., съ 22 іюня) въ проектѣ, выработанномъ комиссіей для умиротворенія православныхъ съ уніатами и пред-

ставлявшемъ минимумъ уступокъ первымъ со стороны послѣднихъ, были внесены слѣдующіе пункты относительно Полоцкой епархіи:

„3) Въ Могилевѣ должны быть возвращены православнымъ четыре церкви съ правомъ свободнаго отправленія въ нихъ богослуженія для людей всякаго общественнаго состоянія.

„4) Въ Оршѣ должны быть имъ возвращены двѣ церкви съ такимъ же правомъ“. Кроме того въ пунктахъ общаго характера обезпечивалось между прочимъ спокойствіе православныхъ братствъ какъ существовавшихъ въ Коронѣ и Литвѣ, такъ и имѣющихъ возникнуть¹⁾. На избирательномъ сеймѣ (1632 г., съ 27 сент.) дѣла православныхъ пошли еще лучше. Въ „статяхъ для успокоенія народа русскаго“, выработанныхъ новою комиссіей, всѣмъ уніатамъ и уніатамъ тамъ предоставлялось имѣть свободное отправленіе своего богослуженія и совершеніе св. таинствъ, чинить свои церкви и строить съ дозволенія короля новыя, также заводить богадѣльни, семинаріи, школы, типографіи; подтверждались, наконецъ, всѣ братства съ дозволеніемъ заводить новыя. Въ частности для православныхъ бывшей Полоцкой епархіи учреждалась епископія въ Могилевѣ съ кафедрой въ Спасскомъ монастырѣ²⁾. Такой успѣхъ слишкомъ ободрилъ жителей Могилева, и они пошли съ своими стараніями еще дальше. Они къ коронаціонному сейму (1633 г., мартъ) стали хлопотать о возвращеніи всѣхъ городскихъ церквей, а не четырехъ только, и о полученіи для братства такихъ правъ, какими пользовались братства Виленское и Львовское. Съ этою цѣлію мѣщане и братчики обратились къ посредничеству Адама Киселя, ратовавшаго за интересы церкви на елекціи. Обнадеженные Киселемъ, братчики поторопились получить къ коронаціонному сейму грамоту на *ставропигію* отъ патриарха и представили ее королю. На сеймѣ, подкрѣпленные „не малою прадою“ и не малымъ „коштомъ“, старанія братства увѣнчались успѣхомъ. Король гарантировалъ положеніе братства универсалами (отъ 3 и 19 марта 1633 г.)³⁾.

¹⁾ Голубевъ, Петръ Могила, прилож. стр. 424—5.

²⁾ Ист. рус. Церкви, митр. Макарія, т. XI, стр. 436—440 и архивъ Ю.-З. Р. ч. II, т. I, № 18 и др.

³⁾ Росписка А. Киселя — обѣщаніе добыть права на ставропигію и на возвращеніе всѣхъ церквей въ архивѣ бр. монастыри; тамъ же универсалъ отъ 19 марта; Арх. Сб. т. II, №№ 34, 35 и 37.

Права отъ государства и церкви, добытыя теперь Могилевскимъ братствомъ, были слишкомъ широки и вносили нѣкоторыя новыя черты въ его организацію. Король, подтверждая право существованія братства, позволилъ построить монастырь на землѣ, подаренной Огинскимъ Виленскому братству въ 1619 г. и теперь передаваемой Могилевцамъ. Въ монастырѣ дозволялось имѣть: а) домъ для братскихъ сходокъ и совѣщаній, б) школы и семинаріи „наукъ вызволенныхъ“ и языковъ всякихъ и, наконецъ, в) типографію для печатанія учебныхъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкахъ русскомъ, греческомъ, латинскомъ и польскомъ. Всѣ эти учрежденія представлены были въ полное вѣдѣніе братячковы и освобождены отъ всякаго вмѣшательства въ нихъ „урадовъ трибунальскаго, маршалковскаго, земскаго, крюдскаго и мѣстскаго“, а также отъ юрисдикціи старостъ Могилевскихъ и самыхъ владыкъ Могилевскихъ, если бы который изъ нихъ принялъ унию¹⁾. Всѣ учрежденія эти пользовались свободой отъ всякаго рода податей и постоевъ. Братство имѣло право на своей землѣ селить крестьянъ и судить ихъ черезъ своихъ „рочныхъ старостъ“.

Отъ церковной власти—патріарха и митрополита—братству даны были права ставропигія. Вотъ въ чемъ они состояли. Братство подлежало вѣдѣнію только патріарха и его экзарха и находилось внѣ предѣловъ епархіальной власти. „Наше смиреніе, пишетъ патріархъ, ... по совѣщаніи о семъ дѣлѣ на священномъ соборѣ архіереевъ... пишу и даю имъ (Могилевцамъ) въ Дусѣ Святомъ настоящую грамоту за собственноручнымъ подписаніемъ, указуя черезъ нее, что учреждающееся съ Божіею помощію въ городѣ Могилевѣ братство въ церкви Богоявленія утверждено нами и имѣетъ быть *самостоятельнымъ* и неизмѣннымъ отсель на всѣ времена, а сопрічисленные и опредѣленные въ немъ братія, начальствующіе и подчиненные, младшіе и старшіе, должны хранить неотложно обычаи восточной и католической великой Христовой церкви, пребывать въ единомысліи и подлежать вселенскому патріарху Константинопольскому согласно съ патріаршими постановленіями, данными братствамъ Львовскому и Виленскому, ни въ чемъ не отступая отъ опредѣленій и указовъ патріаршихъ и чиноположеній

¹⁾ Сейчас увидимъ, что братство было свободно отъ юрисдикціи и православнаго владыки на основаніи своей ставропигіальности.

церковныхъ“. Митрополитъ, бывшій экзархомъ патріаршимъ, въ своей грамотѣ (1635 г.) опредѣлялъ права братства точнѣе, указавъ на отношеніе его не только къ патріарху, но и къ его экзарху, а также мотивировавъ независимость братства отъ мѣстнаго епископа. „Тое святое братство, говоритъ онъ, благословеніемъ нашимъ архіепископскимъ митрополитанскимъ и экзаршескимъ благословляемъ, абы, прикладомъ Львовского и Виленского православныхъ церковныхъ братствъ, тое святое братство милосердія, при церкви Богоявленій Господнихъ заложное, во всихъ своихъ порядкахъ и духовныхъ исправленіяхъ подлежало и за власного старшого и найвышого судію своего мѣло никого иного, едно самого святѣйшого православного, а жадного гезези подозрѣнія и закаму не маючого, Константинопольского Патріарху зверхнѣйшого пастыра нашего, на мѣсцу зась его, отъ всее церкви наше Россійское единомысліе обраного и отъ тогожъ святѣйшого патріарха Константинопольскаго благословенного и въ его послушенствѣ трваючого, православного ведлѣ часу будучого экзарху, яко и на сей часъ покорность нашу экзаршескій урядъ и особу на соби носячого, за старшого своего маючь и мѣти суть повинны, подлежаючи во всемъ разсудкови, воли и юрисдикціи нашей, ведлѣ правъ и звычайевъ иныхъ ставропигій и братствъ патріаршескихъ“. Неподсудность братства епископу такъ мотивирована митрополитомъ: „што отъ епископа ихъ, въ которого то деоцзыны то братство есть заложно и фундовано, жадного уйму и ущербку власти его епископское почитамо быти не маеть, поневажъ то ку лѣйшому церкви Божое, якосмо skutкомъ того дознали, дѣеть и постановлено“¹⁾.

Такимъ образомъ, братство, обезпеченное грамотами короля, являлось самостоятельнымъ органомъ церковной жизни по своей ставропигіальности.

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 35 и 43. Нѣкоторые Могилевскіе владыки имѣли титулъ экзарха митрополитскаго, и тогда ихъ юрисдикція на братство простиралась. Экзархами митрополита были Іосифъ Горбацкій, Іосифъ Тукальскій, Серапионъ Половскій. Въ „предмовѣ“ къ Новому Завету, изд. въ Кутейнѣ 1652 г., августа 5 дня, титулъ Горбацкаго такой: „Преосвященному Его Милости Господину Отцу Іосифови Горбацкому, Милостію Божіею Православному Епископови Витебскому, Мстиславскому, Оршанскому и Могилевскому, Намѣстникови въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Митрополити Киевской и Экзаршескому Фрону Константинопольскому Господину Отцу и пастыреви нашему“.

Получивъ указанныя права, братство приступило къ устройству своего монастыря. Для этой цѣли они нашли человека съ практическимъ и организаторскимъ талантомъ—Варлаама Половка, избраннаго изъ игуменовъ Кронскаго монастыря въ „старшіе“ Виленскаго братства на мѣсто Юсифа Бобриковича, сдѣлавшагося епископомъ Могилевскимъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ Варлаамъ согласился прибыть въ Могилевъ для устройства общежительнаго монастыря, съ двумя однако условіями: во-первыхъ, братство обязывалось дать фундушевую запись на монастырь и выдѣлить подъ него опредѣленный участокъ земли; во-вторыхъ,— послать за благословеніемъ на предпринимаемое дѣло къ Кіевскому митрополиту. Послѣднее условіе поставлено было въ виду того, что братство приступало къ осуществленію своихъ намѣреній относительно монастыря безъ вѣдома митрополита-екзарха-патріаршаго. Видно, въ Могилевскомъ братствѣ въ предшествующій періодъ его существованія, когда іерархія была безправна и принижена, слишкомъ развилась братская автономія въ ущербъ іерархическому элементу, такъ что оно не сочло нужнымъ просить у экзарха разрѣшенія на такое важное въ церковно-административномъ отношеніи дѣло, какъ основаніе новой архимандріи. Но Петръ Могила, видѣвшій большой вредъ въ отсутствіи централизаціи церковной власти и шедшій съ настойчивостію противъ общаго тогдашняго стремленія и частныхъ лицъ и цѣлыхъ корпорацій къ независимому положенію, старался о возвышеніи іерархическаго начала и въ братствахъ. Такъ и теперь, узнавъ о намѣреніи нашего братства основать новый монастырь, Петръ Могила послалъ ему запретительную грамоту (1634 г., 4 ноября), въ которой писалъ: „Дошло насъ вѣдати, ижъ милость ваша, не поглядяючи на порядокъ въ Церкви Божое звычайный, а переносячи окомъ повагу зверхности нашої митрополитанской, знать то экзаршей, братствомъ церковнымъ ставропигією святѣйшого Патріарха фундованымъ принадлежной, издавна призвантой, важилестеся нововзниклую и ѣякуюсь архимандрію въ мѣсти Могилевскомъ, затянувши на то старшинство господина и отца Варлаама Половка, ерикговати и фундовати. Претожъ владою нашою митрополитанскою и экзаршею приказуемъ конечно и забороняемъ, абысте, подъ небытность владыца належного въ діецезіи вашой пастыра Епископа Мстиславскаго, Оршанскаго и Могилевскаго, не важилесе того чи-

нити и жадного въ братствѣ своемъ (аменовите въ тыхъ, которые мере амбицією преложенства доступують) старшого, кромѣ вѣдомости нашої митрополитанской и экзаршой, не смѣли обирати и ставновити, подъ неблагословеніемъ нашимъ архіерейскимъ¹⁾. Но братство въ данномъ случаѣ дѣйствовало не преднамѣренно, а лишь по привычкѣ; оно не имѣло тенденціи не повиноваться экзарху и, кажется, еще до полученія этой грозной грамоты, когда прибылъ въ Могилевъ Варлаамъ, отравило своихъ делегатовъ къ Петру Могилѣ, и тотъ, получивъ отъ братства вспомошествованіе на нужды церкви согласно просьбѣ своей, благословилъ и разрѣшилъ устройство архимандріи.— Было выполнено и первое условіе, предложенное Варлаамомъ: братство дало ему фундушевую запись на монастырь. Изъ нея видно, на какихъ основаніяхъ долженъ былъ существовать послѣдній.

Во главѣ монастыря стоитъ архимандритъ, у котораго есть намѣстникъ. Архимандритъ избирается, по предварительномъ на то разрѣшеніи митрополита, всѣми братчиками и иноками монастыря. Замѣчательно, что при избраніи требовалось согласіе всѣхъ, даже самыхъ младшихъ по должности членовъ братства: „мы засѣ братія... маемо везвати всю братію иноковъ и зъ ними весподъ (выѣстѣ) о персонѣ годной и на тотъ урядъ способной намовлятися, *вольное мовенье и наменьшому подавши*, абы всѣхъ згодная воля и зданье на обирани и усмотрѣванье персоны духовной была“. Избранный отсылается „до митрополита, если будетъ экзархою, або тежъ Епископа, который бы былъ экзархою, для посвяченя“. Архимандритъ долженъ смотрѣть, „абы братія обще жили, церкви Божой пильновали, школь дозирали, которые на тыхъ же кгрунтахъ (т. е. монастырскихъ) быть мають, спѣванье порядное въ церкви мѣди“. На содержаніе архимандрита и братіи „изъ братской скринки“ назначается „сумма цѣнезей“. Жизнь и вѣра архимандрита и иноковъ контролируется братчиками. Если бы архимандритъ отступилъ отъ православія, а иноки не жили согласно своимъ обѣтамъ, то „мы братія таковому архимандритови отступному и братіи своевольной не допустимъ въ монастырѣ нашомъ быти, а яко нарыхлѣвей (наискорѣе) злему забѣгаючи о иномъ промышлять“. На монастырь братство выдѣляетъ „пѣяцы и кгрунты, при

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 39.

улицы Шкловской, откъ рынока, въ валѣ лежащие, которые оно уже имѣеть и будетъ имѣть. Записаннымъ на монастырь имуществомъ завѣдываетъ архимандритъ съ братіей; братчики же смотрятъ только за тѣмъ, чтобы завѣдываніе это происходило добросовѣстно, чтобы ни въ чомъ фундація ихъ не была нарушена и услажена¹⁾. Если-бы кто изъ „уписной братіи“, умирая, завѣщаль что-нибудь отдѣльно на братство и отдѣльно на монастырь, то братство въ завѣщанное монастырю, а архимандритъ въ завѣщанное братству вмѣшиваться не имѣють права²⁾. — Устройство монастыря подъ руководствомъ Варлаама Половко пошло быстро. Братчики со всемоу усердіемъ жертвовали на него „плянцы“ съ домами, землю даже съ крестьянами, лѣсъ, такъ что съ экономической стороны монастырь былъ обеспеченъ хорошо. Пожертвованія особенно стали увеличиваться съ 1635 г., когда Могилевъ посѣтилъ Петръ Могиланъ, самъ записавшись въ „патроны“ братства, возбудилъ весьма сильно религиозное настроеніе въ жителяхъ. Въ 1636 г. уже оказалось возможнымъ приступитъ къ постройкѣ каменной церкви Богоявленія съ двумя придѣлами — Сочествія Св. Духа и Рождества Богородицы. 1-го августа этого года епископъ Могилевскій Сильвестръ Косовъ совершилъ торжественно закладку храма³⁾.

Труднѣе было Варлааму завести въ монастырь общежитіе. Въ иноки шли большею частью Могилевскіе жители — мѣщане; поступая въ монашество, они приносили съ собою и свое имущество и продолжали *лично* владѣть имъ. Отъ этого происходили въ монастырскомъ общежитіи безпорядки, особенно усилившіеся, когда Варлаамъ по болѣзни удалился на покой въ Буйничскій монастырь. Этимъ были весьма недовольны братчики; между тѣмъ предоставленная

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 37.

²⁾ Вотъ что говоритъ летопись Трубицкаго объ этомъ: Roku 1636 miesiaca awgusta 1 dnia po tey wojnie duchowney co przeciwko Prarodzie swietey i Dohmatow wiary prawoslawney wojowali ci Nietoperze alias Unijaci Cerkiew Bracka oswieczona, to jest cale Bractwo mieszczan mohilewskich zapaliwszy ogien w swych sercach pobudka Duchu Swietego miloscie Boze wzruszeni z ubogich dostatkow swoich tak znaczne strukture cerkwi Bohojawlenia albo raczey po Rusku Krzeszczenia wo iordani a w prawym boku Zeslania Duchu S-go, na lewymtez Narodzenia Najswietszey Panny zaczewszy zbudowali i poswiecili. Въ изданной архимандритомъ, нынѣ епископомъ, Сергіемъ летописи подъ 1636 г. 1-мъ августа говорится о закладкѣ храма, а не о посвященіи *выстроенной* церкви, что видимъ въ рукописи и что не вѣроятно; см. Созоновъ, С.-Пет. в. IX, въ актѣ на стр. 275.

ими независимость монастырю связывала свободу ихъ дѣйствій по отношенію къ нему. Отсюда у братчиковъ явилось желаніе ограничить данныя монастырю права. Въ 1639 г. отъ нихъ отправленъ былъ къ митрополиту посоль съ такою инструкціею: сообщивъ объ отказѣ Варлаама Половко отъ управления монастыремъ по болѣзни и испросивъ благословенія „на вольную елекцію старшого отца“, посоль будетъ ходатайствовать о томъ, чтобы, во-первыхъ, былъ уничтоженъ „звѣ певныхъ причинъ“ титулъ архимандрита, во-вторыхъ, чтобы „старшой“ избирался, по примѣру братства Виленскаго, только на три года, по истеченіи которыхъ вольно было бы произвести новые выборы („жебы въ томъ монополіонъ не признавано“); въ третьихъ, чтобы митрополитъ приказалъ инокамъ жить сообразно съ порядками общежительныхъ монастырей¹⁾. Согласно желанію братства, титулъ архимандрита былъ уничтоженъ, и во главѣ монастыря поставлялся игумень; власть его была сужена братствомъ: онъ являлся только блюстителемъ церковно-богослужбныхъ порядковъ и непосредственнымъ начальникомъ надъ иноками. Вся же экономическая сторона монастыря до церковной утвари и церковныхъ доходовъ включительно вѣдалась пятью представителями братства, именно: братскими старостами (2 человекъ), подстаростіями (тоже 2 лица) и „шафаромъ“ или казначеемъ.

Кромѣ мужскаго, братство вскорѣ основало еще и дѣвичій монастырь („паненскій“). Онъ находился противъ мужскаго, черезъ улицу; отдѣльной церкви не имѣлъ. Первая извѣстія о немъ восходятъ къ 1643 г. Въ 1648 г. Сильвестръ Косовъ (уже митрополитъ) писалъ братству, чтобы часть монахинь была перемѣщена къ Никольскому Могилевскому монастырю. Достоянію вниманія способъ обезпеченія этого монастыря. Грамотой Петра Могилы (отъ 8 іюня 1643 г.), подтверждаемой епископами Бѣлорусскими, инокинямъ предоставлено было право продажи изготовляемыхъ ими просфоръ и свѣчъ въ братскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ. Доходъ отъ этой операціи, нужно полагать, былъ не малый: просфоры и свѣчи изготовлялись хорошо, вошли въ славу и покупались не только для городскихъ, но и для уѣздныхъ церквей²⁾.

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 46.

²⁾ Созоновъ, Ист.-юрид. м. в. X, стр. 495—99; Арх. Сб. т. II, стр. LXXVI и т. V, стр. 124.

Вышняя дѣятельность братства, какъ и въ первый периодъ его существованія, направлялась на защиту православныхъ противъ униатовъ. На коронаціонномъ сеймѣ 1635 г. для православныхъ Полоцкой епархіи была открыта новая кафедръ—въ Могилевѣ. Но въ глазахъ Полоцкихъ униатскихъ архіепископовъ учрежденіе новой кафедръ было незаконнымъ доведеніемъ, направленнымъ къ ущербу ихъ власти, и они употребляли все усилія, чтобы уничтожить Могилевскую епархію или по крайней мѣрѣ ограничить и сужить сферу ея дѣйствій. Вслѣдствіе этого положеніе Могилевскихъ епископовъ было весьма шатко: случалось такъ, что данныя имъ привилегіи объявлялись королевскою властію недѣйствительными; не одинъ разъ прерывался даже рядъ ихъ. Вотъ здѣсь-то и нужна была помощь братства, и оно, дѣйствительно, оказывало ее. Важно уже было и то, что братство своимъ нравственнымъ вліяніемъ и авторитетомъ сообщало, такъ сказать, православный тонъ всему городу. Епископы, благодаря этому, находили въ городѣ и нравственную и матеріальную опору. Достаточно указать на дѣйствительныя встрѣчи, которыя дѣлались епископамъ горожанами при вступленіи ихъ на кафедру, чтобы видна была справедливость сказаннаго. Кромѣ этого косвеннаго содѣйствія епископамъ, братство оказывало имъ и прямую поддержку. Отмѣтимъ нѣкоторые факты ея.

При учрежденіи епархіи Могилевскому епископу подчинены были все православные въ предѣлахъ бывшей Полоцкой епархіи, съ правомъ обозрѣвать церкви и монастыри во всехъ городахъ и селахъ; кафедрой назначался Спасскій монастырь, бывшій въ рукахъ униатовъ. Но войти въ обладаніе всеми этими правами первому епископу Могилевскому не удалось. Обстоятельства заставляли Иосифа Бобриковича часто отлучаться за предѣлы своей епархіи. Такъ, въ 1634 г. онъ былъ посланъ королемъ увѣщать казаковъ. Это влекло за собой то, что права епископа оставались только на бумагѣ. Братство понимало всю важность присутствія епископа въ своей епархіи и, когда онъ былъ къ 1635 г. опять вызванъ отъ своей паствы Виленскимъ братствомъ, наше братство не хотѣло его отпускать, просило его подольше прожить въ городѣ и общало матеріальную поддержку. Но Иосифъ, рассчитывая на предстоящемъ сеймѣ добиться своихъ правъ, кромѣ того нуждаясь во врачебныхъ

пособіяхъ, уѣхалъ и на этотъ разъ въ епархію въ Вильну, гдѣ вскорѣ и умеръ († 9 апрѣля 1635 г.¹⁾). Отлучки Бобриковича, болѣзни и смерть его были на руку униатамъ; они не хотѣли даже возвратитъ православнымъ Спасскаго монастыря, назначеннаго кафедрой архіерейской. Братство же со всеми мѣщанами все усилія употребляло, чтобы очистить монастырь отъ униатовъ и передать его въ руки владыкъ. Эти усилія сказывались иногда въ весьма рѣзкихъ формахъ: Такъ въ 1633 г. игуменъ Спасскаго монастыря, униатъ Гостиловскій жаловался магистрату на мѣщанина и братчика Ѳедора Кононовича, что вслѣдствіе его агитаціи взбунтовались жители цѣлой сотни Луполовской и побили чернцовъ Спасскихъ и всю прислугу монастырскую, посланныхъ въ церковь св. Василия (за Дѣбромъ) за колоколами, перенесенными сюда изъ Спаса на время войны съ Москвой; самъ же Кононовичъ еще до бунта приходилъ въ монастырь съ саблей и лукомъ, угрожалъ его, Гостиловскаго, жизни, говоря: „въ скоромъ времени всехъ васъ чернцовъ выгонимъ (wypedziemy) изъ монастыря“. По этому дѣлу привлекалось къ суду до 100 человекъ, но ему сочувствовали и многіе другіе мѣщане. Въ томъ же 1633 г. лавникъ Тимофей Гладкій (участвовавшій въ недопущеніи въ городъ Кунцевича) смѣлъ, какъ жаловался Гостиловскій, публично, въ ратушѣ его, игумена, такими словами оскорбить, которыя, обычно, служатъ поводомъ къ бунтамъ; именно говорилъ: „хорошо то сдѣлали луполовцы, что вамъ звоновъ не отдали и хотя бы васъ поубивали, то и въ этомъ были бы невинны; а до коихъ же поръ будемъ терпѣть ихъ; усѣлся себѣ игуменъ на мѣстѣ лентвойтовскомъ; не ему здѣсь сидѣть; прочь изъ-за стола и изъ кола, что ихъ бояться, великій Могилевъ очистить чернцовъ“. А вотъ и еще одна жалоба того же игумена, ярко характеризующая недовольство мѣщанъ пребываніемъ униатовъ въ „головнѣйшемъ“ монастырѣ. Ѳедоръ Пигоръ, райца, избилъ рабочихъ на перевозѣ монастырскомъ за то, что они во время бури рѣшили перевозить людей, изъ которыхъ нѣкоторые и утонули, затѣмъ отогналъ завѣдовавшихъ перевозомъ отъ „скрынки“, гдѣ было 100 и болѣе золотыхъ, „на остатокъ и насъ отцовъ, яко ничего не вѣдающихъ ни о чомъ, спокойныхъ, чынечы першой зло-

¹⁾ Письмо Иосифа къ братству въ Могилев. Губ. Вѣд. 1848 г., № 12; 60 г. стр. 78 и Витѣб. Ст. т. V, ч. 1, стр. 533.

сти своей досыть и выполняючи оную, лаяль, сромотилъ, ганбилъ, мовячы въ тые слова: о тые то, сыкурвые сынове, черицьды все броятъ, бо што и прошлого года, 1633, на светую тройцу потонуло, теды то зъ ихъ власное направи¹⁾); приточившы и тую речъ тамъ же: хотели есмо ихъ за справу нашу, которая се стала подь часъ експедиции московское, о побране звоновь, годить належь ихъ все то минеть; ещене зарекаемьсе, якъ псовъ, бить, зъ места выгнать, аде и штуки ихъ явертуючы, по месту прибывать, бо южь жи того давчо годни и коликолвекъ то ся имъ спольнити маеть²⁾). Не смотря на энергическій образъ дѣйствій, Спасскій монастырь не только фактически оставался въ рукахъ униатовъ, но и юридически грамотою короля отъ 14 марта 1635 г. предоставлялся послѣднимъ. Для епископской же кафедры назначены приходская Крестовоздвиженская церковь, да Киево-Печерской лаврой уступленъ Печерскъ съ тремя селами (близъ Могилева³⁾).

Успѣшнѣе пошла совмѣстная дѣятельность братства и епископа послѣ Бобриковича. Успѣху ея содѣйствовали посѣщеніе Бѣлоруссїи Петромъ Могилою и избраніе въ епископы Могилевскіе Сильвестра Косова, чловѣка образованнаго, дѣятельнаго и при полныхъ (физическихъ) силахъ. Главный виновникъ возстановленія правъ церкви на бывшихъ сеймахъ встрѣчаемъ былъ по всей Бѣлоруссїи съ великою любовію и усердіемъ. Особенно радушно онъ былъ принятъ въ Оршѣ и Могилевѣ братчиками; это выразилось и въ щедрыхъ дарахъ ихъ на возобновленіе Киевской Софіи, возвращенной отъ униатовъ⁴⁾. Посѣщеніе это подняло духъ православныхъ, а совращенные въ унию бросали ее. Движеніе къ православію еще болѣе

¹⁾ „Послѣ радости о возвращенїи церквей, говорятъ хроника, посѣтилъ Богъ Могилевскихъ гражданъ печалію: въ день Пресвятой Троицы, когда народъ, отправлявшійся за Дятль на богослуженіе, посѣщаль въ Троицкую церковь, то взобравшася на паромъ слишкомъ большая масса людей съ паромомъ потонула. Былъ слухъ, будто униаты изъ ненависти къ православнымъ подрѣзали паромъ“ (Трубицкій, стр. 20).

²⁾ Созоновъ, Ист.-юрид. м. в. VIII, стр. 506—509; 511—521 и 503; в. IX, стр. 233—5.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Р. ч. I, т. 6, № 280, стр. 695.

⁴⁾ Арх. Сб. т. II, № 41—43; Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. 7, стр. 181—2. Жертвы на Софію дѣлались большею частью натурою, именно „ванной“ (известію); она до сихъ поръ добывається около Орши и Могилева на берегу Дятля; пожертвовано было ея около 3000 бочекъ. Почти всѣ жертвователи были членами братства.

усилилось съ прїѣздомъ Сильвестра къ паствѣ. Съ большимъ усердіемъ принялся онъ за пастырскіе труды. Посѣщаль различныя мѣста своей епархїи, совершалъ повсюду богослуженіе при стеченїи народа, созываль мѣстные соборы изъ своего духовенства (на одномъ изъ нихъ (1637 г. 18 октября) преподавъ пастырямъ наставленіе о догматахъ вѣры, которое подь именемъ „дидакаліи“ не одинъ разъ печаталось въ Кутейнской и другихъ типографїяхъ). Результаты дѣятельности Косова не замедлили обнаружиться. „Прїѣхали ко мнѣ, писалъ онъ въ Могилевъ (1636 г. 8 марта), Радомскіе священники, и признавши меня пастыремъ, воздали мнѣ поклоненіе и повиновеніе, какъ пастырю законному, и учинили, согласно съ канонами св. отцевъ, отреченіе отъ униї“. Успѣхъ Косова приводилъ въ негодование униатовъ. „И теперь, писалъ митр. Антонію Селявѣ (1641 г.) извѣстный намъ Гостиловскій, и теперь, любо то прошлого року судъ его королевской милости ассесорскій знову всѣ церкви волостные Могилевскіе владзи и подаваню власне вашности, моего милостиваго пана, зъ ихъ парафѣями и всѣми принадлежностями, водлугъ давныхъ правъ и свѣжихъ, особливе на каждую церковь, прошлого светое памети и теперошнаго короля его милости фундушовъ, же подь владою и послушенствомъ вашности, моего милостиваго пана, въ едности св. бытъ вѣчне мають, декретами присудилъ и презъ дворянина знову до поссессїи подалъ, а еднакже Косовъ такъ много будокъ своихъ зъ понами схизматицкими и теперь по волости Могилевской такъ много набудоваль и насветилъ, же наши обѣдныя священники только при щекгульныхъ церквяхъ зостали, а всѣ парафѣяне, за его власне бунтами, листами и понами, по всей волости, на перешколу нашимъ, разеслаными, до ихъ безбоженства схизматицкого пошли и удалися¹⁾. Въ этой дѣятельности Косова принимало горячее участіе и братство. Такъ, когда Антоній Селява, желая воспрепятствовать росту православной силы въ епархїи, завелъ долготѣною тяжбу съ Косовымъ изъ-за вѣзда того въ Полоцкъ, братство старалось предоставить въ ней торжество епископу православному. Продолжительная тяжба эта требовала прежде всего чрезвычайно много денегъ: штрафы на Косова сыпались непрерывно и возростали до громаднхъ размѣровъ; бывали моменты, когда на епископѣ насчитывали 40,000 злотыхъ; между

¹⁾ Вѣтѣб. Стар. т. V, ч. 1, № 96 и 104, I.

тѣмъ епископъ, кромѣ доходовъ съ 3-хъ Печерскихъ сель, получалъ всего лишь 2000 зл. жалованья, да и тѣ, какъ чистосердечно признавался самъ король, приходилось получать изъ казны съ большими затрудненіями. Понятно, какъ важна была при такихъ обстоятельствахъ помощь братства, а она давалась и притомъ въ немалыхъ размѣрахъ. По крайней мѣрѣ извѣстному игумену Берестейскому Аѳанасію Филипповичу, посѣтившему тогда Могилевъ и другіе бѣлорусскіе города, отказано было братствами и протопопами въ милостынѣ: „выбрано ее, замѣчаетъ онъ, *нико* епископови своему на справъ зъ Селявою, владыкою Полоцкимъ, уніятюмъ“¹⁾. Кромѣ матеріальной помощи, братство принимало активное участіе и въ самомъ процессѣ тяжбы. Мы видимъ, напр., участвующимъ въ немъ братскаго игумена, вся же масса мѣщанъ готова была защищать силою имѣнія епископскія отъ продажи ихъ для уплаты штрафовъ. Ревность мѣщанъ доходила даже до крайности, такъ что ихъ сдерживали сами православные. Краснорѣчивымъ памятникомъ этого горячаго участія братства и всѣхъ мѣщанъ въ дѣлахъ своего епископа является упомянутое выше письмо (1641 г.) Гервасія Гостиловскаго къ Селявѣ, гдѣ онъ жалуется Селявѣ на Могилевскихъ мѣщанъ и епископа Сильвестра Косова (см. Витеб. Стар. т. 5, ч. 1. № 104, I).

Дѣйствуя солидарно противъ общаго врага, братство и епископъ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ не избѣжали однако нѣкоторыхъ недоразумѣній. Эти недоразумѣнія представляютъ отголосокъ тѣхъ отношеній между западно-русскими братствами и іерархіей, которыя существовали до возвышенія значенія послѣдней при митр. Петрѣ Могилѣ и которыя характеризовались преобладаніемъ братствъ въ ущербъ іерархіи, приводившимъ нерѣдко къ ожесточенной борьбѣ этихъ двухъ силъ. Петръ Могилла пытался поставить братства въ зависимость отъ іерархіи и во многомъ успѣлъ. Но по временамъ подавленные стремленія братской автономіи всплывали наверхъ и то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ давали себя чувствовать. Не легко разставалось съ такими стремленіями и наше братство. Помогая Косову въ борьбѣ съ уніей, братство старалось протереть свой контроль на образъ его дѣйствій въ ней, при чемъ

¹⁾ Тамъ же, № 99; Бѣлор. Арх., № 36; Рус. истор. библ. 4 вѣ., I, стр. 55.

поступало ригористично, напр. не позволяло ему бывать у уніатовъ и католиковъ, вести съ ними переговоры единолично. Это тяготило Косова, такъ что онъ вынужденъ былъ скрывать свои сношенія съ уніатами. „Скорблю о нашихъ распряхъ, писалъ онъ (1639 г.) Антонію Селявѣ, но выразить ничего не смѣю. Ибо многое могу сказать, но не писать. Итакъ, Ваше Преосвященство, вѣрьте мнѣ въ томъ, что я искренно желаю дѣйствовать къ преуспѣянію общаго блага. Свидѣтели мнѣ Богъ и Пречистая Матерь Его. Нѣтъ мѣста болѣе удобнаго и далекаго отъ нашего неосновательнаго подозрѣнія, какъ у кого-либо изъ Витебскихъ благородныхъ особъ, напр. у земскаго писаря Гурко. Время же для этого назначу послѣ“¹⁾. Затѣмъ, братство и мѣщане старались удержать за собою прежнее независимое завѣдываніе церковно-приходскими дѣлами. Они держались того взгляда, что вѣдѣнію епископа подлежатъ только духовенство приходское. Такъ, староста Воскресенской церкви не хотѣлъ отдавать отчета въ церковной суммѣ и говорилъ, „iz wladyka iezeli nalezy do porow, a do cerkwi, dobr u rzeczy cerkiewnych nie nalezy“²⁾. Братство же не позволяло Косову жить въ Богоявленскомъ монастырѣ, вѣроятно, изъ опасенія, какъ бы временное пребываніе епископа въ этомъ монастырѣ не превратило послѣдній въ постоянное мѣстожителство владыкъ Могилевскихъ и не повлекло за собою подчиненія монастыря епархіальной юрисдикціи.

Недоразумѣнія сіи не настолько были значительны, чтобы произвести окончательный разрывъ братства съ Косовымъ, — они скоро улаживались и добрыя отношенія между тѣмъ и другимъ возобновлялись³⁾. Тѣмъ не менѣе вредъ отъ этихъ столкновеній былъ. Уніаты слѣдили за своими врагами зорко и не пропускали случая выставить недостатки ихъ на показъ. Такъ, Смоленскій архіепископъ-уніатъ и намѣстникъ въ Полоцкой епархіи митр. Антонія Селявы, Андрей Квасинскій Злотый, заносъ (въ 1645 г. 8 іюня) въ городскія Оршанскія книги протестъ противъ православныхъ Оршанскихъ священниковъ и мѣстнаго магистрата, между прочимъ

¹⁾ Витеб. Стар. т. V, ч. 1, № 99. XX.

²⁾ Созоновъ, Ист.-юр. мат. в. IX, стр. 477.

³⁾ Такъ, есть извѣстіе, что Косовъ въ 1645—6 гг. жилъ въ братскомъ монастырѣ (Арх. Сб. т. V, стр. 123—4). Позже, когда Косовъ сдѣлался митрополитомъ, братство находилось съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ (Арх. Сб. т. II, № 52).

амѣчаетъ: „язвительные попы раздають въ церквахъ своихъ волшебные коледы, должно быть по распоряженію пастыря своего, Сильвестра Косова, который, впрочемъ, и самъ у нихъ въ неволѣ, такъ какъ они не пускають его въ Могилевскую каменную церковь братскую) и запрещають ему бывать у пановъ-католиковъ“. „Откуда взять хлѣба? продолжаетъ Злотый, судьей одинъ Богъ, когда общество управляетъ своимъ духовенствомъ! Да пощадить Господь Богъ тѣхъ, которые и видя истинный путь къ спасенію, слѣпоствуютъ въ вѣрѣ, и какъ ночныя совы отправляютъ всепопныя¹⁾“. Выставляемая на показъ, недоразумѣнія между братствомъ и епископомъ, ослабляя силы ихъ, не могли не дѣйствовать охлаждающимъ образомъ и на всѣхъ православныхъ Могилевской епархіи. Замѣтное усиленіе униі въ Могилевѣ къ концу правленія Косова епархіей должно быть въ значительной степени объяснено именно разногласіями его съ братствомъ и мѣщанами. Усиленіе же униі сказалось въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ ея. Антоній Селява далъ, съ королевскаго разрѣшенія, Гервасію Гостиловскому грамоту (1643 г. 3 августа) на игуменство Спасскаго монастыря, съ усвоеніемъ ему пожизненнаго права не только быть игуменомъ того монастыря, но и владѣть, кромѣ принадлежностей онаго и двухъ погостовъ—Никольскаго и Кузюдамановскаго, еще и земельными участками, въ городѣ и въ уѣздѣ, съ поселенными на нихъ мѣщанами и другими людьми, принадлежащими собственно Селявѣ²⁾; поселенные же на униатской землѣ волей-неволей и сами дѣлались униатами. Сокративъ въ унию нѣкоторыхъ мѣщанъ, Гостиловскій сталъ дѣйствовать рѣшительно и безцеремонно. Такъ, въ 1646 г. онъ приказалъ разобрать пришедшую въ ветхость церковь Богородицкую, православную, стоящую за большимъ валомъ, по улицѣ Вѣтряно-Богородицкой, и перевести въ Спасскій монастырь; на мѣстѣ же ея хотѣлъ устроить новую и, конечно, униатскую. Положимъ, такое наглое распоряженіе Гостиловскаго вызвало взрывъ негодованія въ прихожанахъ этой церкви. 18-го апрѣля 1646 года мѣщане (нѣсколько сотъ) во главѣ съ Щигельскомъ, „заклятымъ врагомъ униатовъ“, явились съ „оружіемъ, употребляемымъ въ сраженіи“, по словамъ Гостиловскаго, а по заявленію чиновниковъ Оршанскаго повѣта, только съ палками

¹⁾ Витеб. Стар. т. V, ч. I, № 115.

²⁾ Витеб. Стар. т. V, ч. I, № 104, II.

и заступами; стали занимать и окапывать плацъ, гдѣ была означенная церковь, и отдали оный своему священнику Власію, какъ бы его собственный, а самого игумена, двухъ базилианъ, Гуторовича и Киселя, и монастырскаго войта изругали послѣдними словами, называя ихъ разбойниками и грабителями, а войта рвали за бороду и угрожали утопить въ лужѣ, говоря при томъ: „убьемъ васъ и утопимъ въ этой лужѣ, хотя бы и намъ, какъ было въ Витебскѣ, отрубили головы или же уплатимъ штрафъ изъ послѣдняго шелега, имѣя твердую надежду, что подобная Витебской штука, здѣсь, въ Могилевѣ, не такъ-то скоро вамъ удастся¹⁾“. Но это скорѣе отчаянныя дѣйствія слабыхъ, а не властныхъ—сильныхъ. Скоро униаты достигаютъ силы и въ магистратѣ, какъ ни старались вытѣснить ихъ оттуда православные²⁾. Наконецъ, благодаря ихъ стараніямъ, могилевцы не могли добиться привилегіи избранному ими въ епископы послѣ перехода Косова (1647 г.) на Кіевскую митрополию.

Такое усиленіе униі въ Могилевской епархіи было прервано на время тѣми событіями, которыя стали совершаться тогда въ Малой Россіи. Возстаніе Хмѣльницкаго и его требованія у польскаго правительства правъ для православной церкви и народа благоотворно отразились и на дѣлахъ Могилевской епархіи. По диплому 1650 г., изданному королемъ въ силу Зборовскаго договора съ казаками (10 августа 1649 г.), епархія получала половину имѣнія Полоцкой униатской архіепископіи и между прочимъ „Спасскій монастырь со всѣми принадлежностями“³⁾. Кто ходатайствовалъ въ

¹⁾ Тамъ же, № 104, III.

²⁾ Тамъ же, № 104, IV, V и VI.

³⁾ Дипломъ 1650 г. не былъ утвержденъ государственными чинами Польши, но въ пунктахъ, касающихся Могилевской епархіи, имѣлъ свою силу. Митр. Антоній Селява старался доказать незаконность правъ, предоставляемыхъ дипломомъ Могилевскому епископу, и написалъ съ этою цѣлію рѣзкую историческую записку (см. Витеб. Стар. т. V, ч. I, № 119), но она осталась безъ результата. По крайней мѣрѣ несомѣнно, что Спасскимъ монастыремъ съ перевозами, дворами и другими маестностями успѣлъ завладѣть православный епископъ—Юсифъ Горбацкій (см. XIV т. актовъ Запад. Р. стр. 325, 395, 672—3 и 854). Слѣдовательно, ошибаются тѣ, которые, вслѣдъ за игуменомъ Орестомъ (Арх. Сб. т. II, прил., стр. XXV), говорятъ, что Спасскій монастырь находился въ рукахъ униатовъ съ 1618—1674 *безпрерывно* (см. предисловіе ко II т. Археогр. Сбор. стр. V; Чистовича: „Очеркъ исторіи зап.-р. Ц. т. 2, стр. 245“; брошюру Архимандрита Сергія: „Изъ исторіи православія и братской школы въ Могилевѣ“, стр. 15; Витеб. Стар. т. I, ср. Исторію ц. Макарія т. XII).

этомъ случаѣ за интересы епархіи, неизвѣстно; можно думать, что братство съ новозбраннымъ епископомъ. и т. д. Неизмѣримо важнѣе въ дѣлѣ Хмѣльницкаго было то, что, по указанію народной воли, начала осуществляться великая идея, давно уже бродившая въ умахъ западно-руссоевъ, та идея, что Западной Руси естественно и необходимо быть не подъ властію польскаго короля, а въ подданствѣ у царя Московскаго, какъ единокровнаго и единовѣрнаго ей. Уже съ самаго почти начала XVII в. польскій король главнымъ образомъ влѣдствіе неистовствъ униі терялъ въ глазахъ западно-руссоевъ обаяніе монархизма, и надежды ихъ переносились мало-по-малу на царя Московскаго. Надежды эти получали тѣмъ большую живость, что связывались съ чаяніемъ южнаго славянства, уповавшаго на Московскаго царя, какъ на искупителя отъ ига мусульманства. Проявившись съ особенною ясностію при митрополитахъ Іовѣ Борецкомъ и Исаяѣ Копинскомъ, идея эта затормозилась въ своемъ развитіи въ 30-хъ и 40-хъ гг. XVII в., благодаря попыткамъ Владислава IV умиротворить Русь православную съ униатской, а также просвѣтительной реформѣ Петра Могилы, приближившей Русь къ Польшѣ. Тогда въ самомъ ученомъ высшемъ западно-руссоемъ духовенствѣ выработалась партія сторонниковъ Польши, которая не мало препятствовала дѣлу воссоединенія (укажемъ на миръ Діонисія Балобана, Іосифа Тукальскаго, Θεодосія Василевича, отчасти Симѣвстра Косова и др.). Однако какъ ни затемнялась идея воссоединенія направленіемъ, даннымъ западной Руси Петромъ Могилою, она (идея), какъ мысль великая и справедливая, оказалась жизненной. Проповѣдниками ея было духовенство, не стоявшее у кормида правленія. „Изъ убогихъ, забвенныхъ сильными южно-руссоеми людьми келій шла многоустная проповѣдь въ народѣ о независимомъ великомъ царствѣ православномъ и о царѣ, возсѣдающемъ на престолѣ во всемогуществѣ верховной власти какъ надъ послѣднимъ, такъ равно и надъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ: образъ очаровательный для южно-руссоевъ (точнѣе: всѣхъ западно-руссоевъ), которыхъ судьбою и вѣрою играли польскіе королята“¹⁾. Пionеромъ этой идеи въ Могилевской епархіи былъ извѣстный уже отчасти намъ игумень Кутенскій и братчикъ Іоиль Труцевичъ и организованное имъ въ Бѣлоруссіи монашество. Замѣча-

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоед. Р. т. 2, стр. 326.

тельно, что онъ служилъ идеѣ воссоединенія даже черезъ свою типографію, печатавшую книги церковно-богослужебнаго характера. Такъ, въ сборникѣ: „Брашно духовное (Кутейна 1639 г.)“ изданномъ Іоилемъ съ иноками Кутейнскими, встрѣчаются такіа моленія: „Спаси Господи и помилуй, Благовѣрнаго царя нашего и великаго князя, имя рекъ, и его благовѣрную царицу и великую княгиню, имя рекъ, и ихъ благородная чада, имя рекъ, и вся православныа князи и христолобивая воинства; огради миромъ державу ихъ, и покори подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата, и глаголи мирная и благая въ сердца ихъ о церкви твоей святѣй и о всѣхъ людехъ твоихъ: да и мы въ тишинѣ ихъ тихое и безмолвное житіе поживемъ, въ правовѣрїи и во всякомъ благочестїи и честности... Спаси Господи и помилуй великаго Господина нашего святѣйшаго, имя рекъ, Патріарха Московскаго и всея Руссіи... Мерзкое и богохульное Агарянское царство въ скорѣ испроверзи, и правовѣрнымъ царемъ предаждь; правовѣрїе же утверди“ (л. 253 и др.). Этой проповѣдью народъ бѣлорусскій былъ подготовленъ къ воссоединенію и, когда началась война Алексѣя Михайловича съ Польшею послѣ того, какъ Малая Русь ударила ему челомъ и приняла подданство ему, бѣлорусскіе города одинъ за другимъ стали добровольно сдаваться Москвѣ. Остановимся на присоединенїи къ ней Могилева, чтобы выяснитъ отношеніе къ этому дѣлу братства.

Выразителемъ народныхъ желаній въ Бѣлоруссіи явился православный Могилевскій шляхтичъ Константинъ Поклонскій. Онъ сносился съ Хмѣльницкимъ и его писаремъ Выговскимъ, сообщалъ имъ о склонности бѣлоруссоевъ поискать власти царя. Когда бояринъ Бутурлинъ явился въ Малую Русь приводить ее къ присягѣ Москвѣ, ему сообщили и о настроенїи Бѣлоруссіи. „Да тогожь числа говорилъ боярину Василию Бутурлину съ товарищи писарь Иванъ Выговскій: слухъ-де до него доходить, что въ литовскихъ городахъ, въ Могилевѣ и въ иныхъ городахъ всякіе люди благочестивые вѣры желаютъ быти подъ высокою рукою великаго государя нашего, его царскаго величества, а какъ узнають, что они присягнули Его величеству и стануть писать о своемъ желанїи, какъ ему быть“. Такъ доносили царю. Оtvѣтъ былъ: Бутурлинъ долженъ писать въ Могилевъ и другіе города, обнадеживая ихъ милостїю и помощїю царя. Когда начался походъ Алексѣя Михайловича, Поклонскій съ нѣсколь-

кими православными Могилевскими шляхтичами и мѣщанами „выѣхалъ на имя Государево“. Поклонскій былъ пожалованъ чиномъ полковника и вмѣстѣ съ Михаиломъ Петровичемъ Воейковымъ отправленъ къ Могилеву стараться о присоединеніи его къ Москвѣ. Городу была послана отъ царя грамота съ обѣщаніемъ милостей. Воейковъ съ Поклонскимъ явились къ Могилеву и начали переговоры съ жителями. Изъ донесеній объ этихъ переговорахъ выясняется, какіе классы городского населенія относились къ Москвѣ сочувственно и какіе нѣтъ. Прежде всего мѣщанство низшее было безусловно на сторонѣ Москвы. „А чернь-де говорить,—доноситъ Воейковъ (въ августѣ 1654 г.) царю,—какъ твои государевы люди придуть, и они съ твоими государевыми людьми противъ непослушниковъ, которые тебѣ государю будутъ противны, учнуть стоять заодно“. Въ другой разъ Воейковъ, со словъ могилевцевъ, выѣхавшихъ на государево имя, писалъ: „августа-де въ 9 день могилевскій державецъ велѣлъ на Днѣпрѣ дѣлать три мосты; а сказалъ имъ: идеть де къ намъ въ Могилевъ ксенжа Родивиль; и могилевцы де черные люди державцу Могилевскому пану Петровскому сказали: мы де всѣ будемъ битца съ Родивиломъ, пока насъ станеть, а въ Могилевъ Родивила не пустимъ“. Иначе относились къ Москвѣ члены магистрата. Они сомнѣвались, сохранить ли Москва права ихъ общины, и потому колебались относительно сдачи города. Къ тому же ихъ сбивали съ толку поляки: „А нынѣ, писалъ Поклонскій Бутурлину, ляхи овладѣли, до тогожъ и Русь старшину возбудили, чтобъ не сдавались и не сдадутся, не видѣвъ людей“ (т. е. войска). Въ противовѣсъ вліянію ляховъ дѣйствовало монашествующее духовенство съ Іоилемъ Трудевичемъ во главѣ. Зная, какое важное значеніе въ дѣлѣ воссоединенія имѣеть сдача Москвѣ Могилева („все дѣло Могилевъ“, говорилъ Поклонскій), Іоиль явился сюда лично и вмѣстѣ съ Спасскимъ игуменомъ Тереміею уговаривалъ мѣщанъ признать власть царя. Совѣты эти, за которые игумены терпѣли отъ мѣщанъ „не малое озлобленіе“, взяли верхъ надъ внушеніями ляховъ, и городъ 24 августа 1654 г. сдался¹⁾. Изъ сказаннаго видно, что члены братства изъ духовенства слишкомъ сочувствовали дѣлу воссоединенія и оказали ему не малую услугу; также

¹⁾ А. Ю. и З. Р. т. XIV, стр. 195, 215, 198, 228, 199 и др.; т. X, стр. 245, 298 и др.

дѣйствовало и черное мѣщанство; члены же магистрата, большинство которыхъ состояло въ братствѣ, относились ко воссоединенію нерѣшительно, хотя и склонились къ убѣжденію духовенства. За гражданскимъ соединеніемъ города съ Москвой слѣдовало и церковное. Это послѣднее затрогивало интересы братства самымъ ближайшимъ образомъ, но изъ сохранившихся данныхъ ясно не видно, какъ относилось братство къ нему. Можно думать, что какъ магистратъ опасался за неприкосновенность городской общинной автономіи, такъ братство—за церковную самостоятельность свою; оно боялось, какъ бы его не подчинили вѣдѣнію епархіальной власти и совѣтывалось по какимъ-то церковнымъ дѣламъ съ своимъ митрополитомъ, вѣроятно же всего, по вопросу о подчиненіи Москвѣ. Но опять недовѣрчиво къ Москвѣ относились только члены братства изъ мѣщанъ, главнымъ образомъ, члены магистрата. Члены же изъ духовенства, будучи сторонниками гражданского воссоединенія, съ сочувствіемъ относились и къ церковному соединенію. Насколько сильно было это сочувствіе, видно на примѣрѣ того же Іоуля. По желанію патріарха Никона онъ съ иноками Кутеинскими съ типографіей перевелись въ Иверскій монастырь (около Новгорода); на дорогѣ Іоиль умеръ, оставивъ завѣщаніе перенести его тѣло къ мѣсту слѣдованія: „азъ, говорилъ онъ, послушаніе мое ко пастырю и по смерти сохранию“.

Какъ опредѣлено было положеніе братства великорусскою церковію, прямыхъ данныхъ нѣтъ. Можно думать, что братство было подчинено непосредственному вѣдѣнію патріарха Московскаго и оставлено внѣ предѣловъ власти назначеннаго изъ Москвы епископа¹⁾.

Новый порядокъ вещей въ нашей епархіи продолжался недолго. Воссоединеніе Западной Руси, такъ блистательно начатое, скоро приняло дурной оборотъ. Народъ сталъ разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ; города переходили подъ власть Польши. Жители Могилева, недовольные вмѣшательствомъ великоруссовъ въ дѣла магистрата и выведенные изъ терпѣнія грабежами расквартированнаго въ городъ русскаго отряда, возвратились подъ власть Польши, вырѣзавши солдатъ и захвативши въ плѣнъ русскихъ военачальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлялся старый порядокъ и въ церковномъ отношеніи. Избранъ былъ епископъ—Іосифъ Тукальскій, сторонникъ

¹⁾ Арх. Сбор. т. II, № 53.

Польши, хотя тогда же был назначенъ (1661 г.) епископъ и съ Московской стороны—Меоодій Филимоновичъ. Иноки братскаго монастыря, какъ кажется, хотѣли доставить торжество Меоодию. По крайней мѣрѣ они съ игуменомъ Севастьяномъ Комаромъ захватили Спасскій монастырь, распорядились каедральными доходами и не хотѣли допустить въ Спасъ намѣстника Іакова, присланнаго Тукальскимъ. Но дѣйствія иноковъ должны были уступать общему теченію вещей. Мѣщане признали власть Іосифа Тукальского, просили его разрѣшить городъ отъ проклятія, наложеннаго Москвою, и приняли архіерейскаго намѣстника¹⁾.

Періодъ третій (1661—1828).

Ослабленіе внутреннихъ силъ братства, при кажущемся вышнемъ благосостояніи его, въ началѣ періода.—Попытка подорвать законодательнымъ путемъ силу братствъ и усиленіе латинской пропаганды.—Вызванный этимъ временный подъемъ дѣятельности братства въ послѣдней четверти XVII ст.—Окончательный подрывъ братскихъ силъ въ началѣ XVIII ст. и внутренними и вышними причинами.—Постепенная смерть братства во второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX ст.

Въ первое время по возвращеніи города подъ власть Польши церковное положеніе его, повидимому, было хорошо. Правительство за „подвигъ“ гражданъ даровало Могилеву большія права: освободило отъ разнаго рода податей, наградило многихъ членовъ магистрата шляхетствомъ, сравняло Могилевъ съ Вильною. Пользуясь такимъ положеніемъ, городъ, очищенный во время власти надъ нимъ русскихъ отъ жидовъ, ляховъ и всякой „сбѣжи“, сталъ быстро богатѣть и развивать промышленную и торговую дѣятельность. Это отразилось благопріятнымъ образомъ и на церковной жизни города. Такъ, въ это время устроенъ былъ женскій монастырь на урочищѣ Холмы, имѣвшій прежде мѣсто находженія при церкви Св. Николая, а здѣсь появился мужской монастырь. Усилилось и наше братство. Въ 1669 г. было утверждено королемъ младшее братство. Оно составилось изъ молодыхъ людей обоюга пола и считало своимъ пат-

¹⁾ Писаніе Тукальского братству въ архивѣ мон. № 31; Арх. Сбор., т. II, № 54 и 79.

рономъ св. Іоанна Богослова, вѣроятно, какъ покровителя учащагося юношества. Относительно старшаго братства оно пользовалось нѣкоторою самостоятельностью: имѣло свою казну и избирало отдѣльныхъ старостъ, подстаростъ и шафарей. „Стараніемъ и коштомъ“ его выстроена церковь Іоанна Богослова, что въ братскомъ монастырѣ. Въ разсматриваемое же время образовалось еще одно братство при монастырѣ Св. Николая. Но о дѣятельности его и объ отношеніи къ Божоявленскому братству свѣдѣній мы не имѣемъ. Матеріальное благосостояніе жителей благотворно отразилось и на старшемъ братствѣ: оно завело типографію (1676 г.), устроило новый домъ для школы (1682 г.), наконецъ, постоянно украшало свой монастырь, часто страдавшій отъ пожаровъ, и заботилось о благолѣпнн и благочинн братскаго богослуженія. Сохранившіяся данныя этого времени показываютъ, что внутреннее убранство храма отличалось богатствомъ и изяществомъ, богослуженіе совершалось чинно и благоговѣнно, въ большіе же праздники обставлялось особенною торжественностію въ противовѣсъ пышнымъ католическимъ церемоніямъ; при монастырѣ существовалъ отличный хоръ изъ учениковъ братской школы, для поддержанія котораго выдавались изъ братской и магистратской суммъ деньги, а иногда и подарки¹⁾. Интересны замѣтки о братскомъ монастырѣ и богослуженіи въ немъ етольника П. А. Толстаго. Толстой, посланный въ 1697 г. Петромъ Великимъ въ Италію для изученія морскаго дѣла, на пути посѣтилъ Могилевъ. Здѣсь онъ пробылъ 8 дней—со вторника страстной недѣли (1697 г.), посѣщалъ храмы и наблюдалъ мѣстные обычаи. „Въ Могилевѣ, пишетъ онъ, монастырь благочестивый, называется братскимъ, живутъ въ немъ иноки. Около монастыря ограда каменная, и церковь въ немъ соборная каменная же не малая, изряднаго строенія... Марта въ 31 день, т. е. въ среду страстной недѣли, былъ я въ вышепомянутомъ братскомъ монастырѣ у преждеосвященной обѣдни; въ томъ монастырѣ церковь соборная великая, въ

¹⁾ Такъ, въ 1695 г. старосты младшаго и старшаго братства дали „на барву спевакомъ золотыхъ сто“. Заботился о пѣвчихъ и магистратъ: 21 апрѣля 1679 г. „За росказаньемъ пановъ магистратовыхъ у тогожъ пана Мартина съ паномъ райцою купили сукна полштучокъ туркусоваго, дали золот. сорокъ осемь и асмаковъ двадцать два и полъ, которое сукно отдали *подлугъ звичаю* паномъ старостомъ братства старога, такъ и молодшаго *на оз стѣваки*“. (Созоновъ, Ист.-юр. мат. в. XI, стр. 21 и в. I, стр. 37).

ней 8 столповъ, около столповъ сдѣланы хоры. Строеніе въ той церкви изрядной рѣзной работы золоченое. Та церковь вся подирана стѣннымъ писемомъ изряднымъ, иконостасъ рѣзной, золоченый, великій, изрядной работы. На страстной недѣлѣ въ той церкви иконостасъ весь и святые иконы завѣшаны были крашениною вишневою, и по той крашенинѣ писаны страсти Христовы живо добрымъ писемомъ. Служба въ той церкви отправляется Греческаго обыкновения, зѣло чинно, святые иконы у столповъ изрядныхъ писемъ и зѣло богатымъ украшеніемъ убраны. Та церковь построена во имя Св. Богоявленія. У той церкви по обѣимъ сторонамъ по придѣлу, одинъ во имя сошествія Св. Духа, другой во имя Рождества Пресвятыя Богородицы... Апрѣля во 2-й день, т. е. въ великій пятокъ, былъ я у вечерни въ Братскомъ монастырѣ; вечерня была въ то время въ теплой церкви; та теплая церковь каменная, безъ сводовъ и съ накатнымъ потолкомъ; иконостасъ въ той церкви и всякое строеніе изрядное; построена та церковь во имя св. евангелиста Іоанна Богослова. Въ то время, какъ на вечернѣ пропѣли стиховну, изъ алтаря священники вынесли на главахъ плащаницу и понесли въ большую соборную церковь Св. Богоявленія, а священниковъ было въ облаченіи пять человекъ, а дьяконовъ было въ облаченіи три человекъ. Какъ несли святую плащаницу, въ то время звонъ былъ въ томъ монастырѣ великій; та плащаница писана, по бѣлому атласу, и положили ту плащаницу въ большой соборной церкви, предъ царскими дверями. Подъ тою плащаницею въ большой соборной церкви вмѣсто гроба былъ столъ обитъ полотномъ, а сѣни надъ плащаницею, и иныхъ надписей и лампадъ, и никакого убора и украшения не было. И какъ принесли въ большую церковь, въ то время пѣли стихиру: „прійдите убожимъ“ и цѣловали плащаницу всѣ. Потомъ казнадеи сказывали казаніе на каедряхъ о распятіи и погребеніи Господнемъ, а въ великую субботу кругомъ церкви тамъ плащаницы не носятъ... Апрѣля въ 3-й день, т. е. въ великую субботу, былъ я у обѣдни въ братскомъ монастырѣ и въ соборной церкви того монастыря. Темныя завѣсы отъ иконостаса отобраны были, и убрана была та церковь уборами изрядными... Апрѣля въ 4-й день. Въ ночь святой Пасхи въ пятомъ часу начался бытъ въ Могилевѣ у благочестивыхъ Греческихъ церквей благовѣсть къ заутрени, и я въ то

время былъ у заутрени въ братскомъ монастырѣ. Около того монастыря, и по воротамъ градскимъ, и по стѣнамъ во время утреняго пѣнія было не мало стрѣльбы изъ пушекъ, также и у иныхъ приходскихъ церквей благочестивыхъ во время великоденской утрени была пушечная стрѣльба не малая. Могилевскіе жители къ утрени на Св. Пасху яицъ не приносятъ. Тогожь числа въ день Св. Пасхи слушаль литургію въ братскомъ монастырѣ въ соборной церкви. Святую литургію служилъ намѣстникъ и съ нимъ шесть человекъ священниковъ, да три человекъ дьяконовъ, всѣ были въ золотомъ облаченіи, зѣло богатомъ. Въ то время во всемъ иконостасѣ предъ всеми святыми иконами свѣтъ былъ предивный, золоченыхъ превеликихъ свѣчей запалено было множество, и въ самыхъ верхнихъ поясахъ запалено свѣчъ премногожь. А какъ начали читать Апостоль, въ то время изъ многихъ пушекъ стрѣляли трикраты. Св. Евангеліе читали священники и дьяконы, которые были въ службѣ; всѣхъ читало Св. Евангеліе десять человекъ. Въ алтарѣ изъ тѣхъ читало два человекъ священниковъ предъ царскими дверями, въ церкви одинъ священникъ, у четырехъ столповъ четыре человекъ, отъ западныхъ дверей до амвона три человекъ дьяконовъ. И на чтеніи Св. Евангелія на всякомъ возгласѣ звонили шестью по шести кратъ и изъ пушекъ стрѣляли поединожды, а какъ дочли Св. Евангеліе, въ тотъ часъ стрѣльба изъ пушекъ была великая. Какъ начали пѣть Херувимскую пѣснь, въ то время выстрѣлили изъ пушекъ единойды, и отъ сѣверныхъ дверей знатныхъ мѣщанъ 24 человекъ вышло съ великими свѣчами восковыми зелеными и стали противъ алтаря и стояли доколѣ выходъ со Св. Дарами кончился. Въ то время выстрѣлили изъ пушекъ трижды. Вдругъ на словахъ Христовыхъ паки была стрѣльба изъ пушекъ; также стрѣляли во время пѣнія причастника, а на явленіи св. тѣла Христова и св. крови была великая пушечная стрѣльба у той братской церкви и по всему городу, и потомъ выстрѣлили шестью изъ пушекъ, и по отпускѣ св. литургіи выстрѣлили изъ пушекъ трижды; и какъ несли артусъ, и паки мѣщане 24 человекъ съ великими помяненными свѣчами шли кругомъ артуса, въ то время великій былъ звонъ; по томъ звонѣ изъ одной великой пушки стрѣляли. Въ день Св. Пасхи Могилевскіе жители благочестивой греческой вѣры имѣютъ обыкновение изъ домовъ своихъ никуда не выходить, всѣ въ своихъ домахъ пребы-

вають тотъ весь день. Въ то время въ церквахъ предъ царскими дверьми ставятъ столы въ знаменіе гроба Господня, гдѣ лежала плащаница. Тогожь числа и вечерни были въ братскомъ монастырѣ; священниковъ въ облаченіи было 6 человекъ, дьяконовъ 3, чедовѣка, и по вечерни казнадей на каедрѣ сказывалъ казаніе зѣло изрядно (4). Приведенныя данныя, повидимому, свидѣтельствуютъ о благо- состояніи братства въ началѣ разсматриваемаго періода. Но это только внѣшность; внутреннія же силы братства все болѣе и болѣе слабѣли. Православное бѣлорусское дворянство, прежде отдавав- шее свои права въ распоряженіе братства, теперь родъ за родомъ устремлялось въ католичество, и прежніе покровители православія становились ожесточенными врагами его. Таковы, напр., Огинскіе, не мало причинившіе вреда Могилевцамъ. Неблагопріятно сказыва- лось на дѣлахъ братства и православія также то, что интеллигент- ныя бѣлорусскія силы оставляли родину и переселялись во внутрь Россіи, чрезъ что естественно уменьшилось число полезныхъ дѣя- телей въ Бѣлорусскомъ краѣ. Особенно тяжело было для Могилев- ской епархіи вообще и братства въ частности лишеніе той образо- вательной силы, которую представляли иноки Кутенискаго мона- стыря. Мы уже знаемъ, что они были переведены съ ихъ типогра- фіею въ Иверскій на св. озерѣ монастырь, и съ этого времени Кутенискій монастырь падаетъ. Между тѣмъ какъ постепенно ослаблялись дѣйствующія силы братства, въ лагерѣ противномъ — униатскомъ и католическомъ пред- принимались мѣры къ окончательному подавленію всякаго прояв- ленія жизненности въ западно-русской церкви. Польское правитель- ство, а за нимъ и общество рѣшилось какъ-будто вознаградить себя за утрату Малой Россіи подавленіемъ православія въ той части западно-русской территоріи, которая оставалась за Польшею. Съ Андрусовскаго мира (1667 г.) въ законодательствѣ проводится рядъ мѣръ, направленныхъ къ достиженію намѣченной цѣли; законода- тельнымъ же постановленіямъ вторила въполнѣ и дѣйствительная жизнь. Изъ такихъ постановленій одно имѣло въ виду именно ту крѣпкую общественную православную силу, которую представляли

Русскій Архивъ 1888 г., кн. I, стр. 175—179.

собой ставропигіальныя братства. Въ 1676 г. на сеймѣ постановленъ былъ законъ, по которому ставропигіальнымъ братствамъ воспреща- лось сношаться съ патриархомъ и предоставлять на его рѣшеніе дѣла, касавшіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣст- нымъ епископамъ, а въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе обязывались спорные религіозные вопросы представлять на обсуж- деніе гражданскихъ (!) судовъ. Одновременно съ этимъ сеймъ за- прецалъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, отлучаться за границу Рѣчи По- сполитой и пріѣзжать иноземнымъ православнымъ. Мотивировалось запрещеніе тѣмъ, что православные, подъ предлогомъ дѣлъ, касаю- щихся религіозныхъ интересовъ греко-русской церкви, выѣзжаютъ за границу къ Константинопольскому патриарху, и тамъ они извѣ- щаютъ враговъ (турокъ) о состояніи дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ибо патриархъ живетъ подъ властью врага креста Господня. На самомъ же дѣлѣ это запрещеніе было направлено къ разрушенію іерархіи и пресѣченію для братствъ возможности сношеній съ пат- риархомъ. Имѣлось въ виду перетянуть въ унию православныхъ епископовъ и, если бы это удалось, то изолированіемъ православ- ныхъ въ границахъ Рѣчи Посполитой не дать способовъ восстано- вить іерархію, и тѣмъ обезпечить разстройство всего клира. Что эти постановленія преслѣдовали указанную цѣль, видно изъ послѣ- довавшихъ за ними событій: правительство вступило въ переговоры съ нѣкоторыми православными архіереями объ униі, а черезъ 3 года созванъ уже былъ извѣстный униональный Люблинскій сеймъ (1680 года) (1).

Центромъ дѣятельности латинской партіи при этихъ перегово- рахъ были Волынь и Галиція, но и Бѣлоруссія не была свободна отъ натиска враговъ. Здѣсь послѣ смерти епископа Θεодосія Ва- силевича король 20 лѣтъ не утверждалъ представляемыхъ право- славными кандидатовъ на каедрѣ и употреблялъ не мало усилий къ подчиненію Могилевской епархіи вѣднѣю Полоцкаго униатскаго архіепископа. Печальнѣе всего было то, что теперь въ Могилевѣ поселились іезуиты. Водворенію ихъ здѣсь содѣйствовалъ ксендзь Ждановичъ, позволивши имъ селиться на своей и фарной земляхъ

1) Арх. Ю. и З. Р. ч. 1, т. IV, предисловіе и указан. въ немъ грамоты.

для обращенія схизматиковъ¹⁾. Скоро они завладѣли лучшими частями города и какъ разъ противъ братскаго монастыря выстроили свой кляшторъ, коллегію и шпиталь. Въ періодъ двадцатилѣтняго сиротства епархіи они принимали всё усилія къ тому, чтобы склонить жителей къ подчиненію Полоцкому владыкъ-уніату. „Въ сіе время, пишетъ Орестъ, въ Могилевѣ отъ іезуитовъ непрестанные происходили налоги и принужденія православныхъ всякими мѣрами къ уніи; а притомъ и домогательство у литовскаго гетмана Сапѣги и у иныхъ польскихъ сенаторовъ, дабы начальнѣйшую Могилевскую церковь Всемилостиваго Спаса отдали имъ іезуитамъ, и въ Могилевѣ епископіи и начальству быть іезуитскому, каедрѣ же православной бѣлорусской впредь въ Могилевѣ не быть. Въ то время іезуиты Спасскую церковь наименовали было костеломъ св. Казимира; въ монастырѣ Спасскомъ весьма великій миссіонерскій поставили крестъ деревянный. Крестъ тотъ поставленъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ уголъ каменныхъ купеческихъ лавокъ, на поворотѣ изъ Большой улицы въ проулокъ, идущій къ колокольнѣ Спасской, къ которому приходъ былъ съ улицы; и іезуиты во время своихъ крестныхъ ходовъ приходили къ оному кресту и подъ онымъ стоя на высокомъ столѣ говорили свои къ народу проповѣди, коими убѣждали народъ къ принятію уніи“²⁾. За одно съ іезуитами дѣйствовалъ и Полоцкій архіепископъ Жоховскій.

Успеніе въ Могилевѣ латинской и уніатской партіи и попытки ея уничтожить бѣлорусскую епархію вызвали въ братствѣ приливъ дѣятельности; но онъ къ сожалѣнію явился и временнымъ и мало результатнымъ; мѣры братской защиты показали, что даже всё братства въ совокупности не могутъ составить сильной оппозиціи противникамъ.

Когда король объявилъ Люблинскій съѣздъ православныхъ и

¹⁾ „O rezydencyi mohilewskiej, пишетъ Лукашевичъ, nic więcej dowiedzieć się z nikad nie mogłem nadto, co konstytucya r. 1678 wyraża. „Wielebnym o.o. iezuitom na missya dla nawrócenia dusz schismate zarazonych, do kościoła farskiego mohilowskiego aplikowanym, i z własnych dóbr dziedzicznych Wieleb. Ks. Zdanowicza, kanonika Smolenskigo, plebana mohilewskiego, przewidowanym, exercitium conwersionis dusz ludzkich pozwolamy, fundacya iego pobożna za zgoda wszęch stanów powaga praesentis conventus approbujemy“. (Lukasz. Historia szkol. т. 4, стр. 118).

²⁾ Арх. Сб. т. II, прилож. стр. XXVIII.

уніатовъ для склоненія первыхъ къ уніи, наше братство послало отъ себя и города делегатомъ игумена своего Сильвестра Волчанскаго. Какія инструкціи далъ Могилевъ своимъ посламъ, ясно изъ того, что Жоховскій въ своемъ сочиненіи: „Colloquium Lubielski“, содержащемъ описаніе сейма и представленномъ королю, оплакиваетъ упорство Могилевцевъ въ „схизмѣ“¹⁾ и настаиваетъ на необходимости отнять у братствъ права ставропигіи. Послѣ Люблинскаго сейма послы Могилевскіе отравились къ королю и просили его предоставить бѣлорусскую каедру игумену Виленскаго Св. Духовскаго монастыря, Клименту Тризнѣ, выбранному всеми православными въ номинаты епископіи²⁾. Ходатайство ихъ, повидимому, имѣло успѣхъ. По крайней мѣрѣ Тризна писалъ сестрѣ своей-воеводшѣ Троцкой Пацовой: „его королевское величество велитъ мнѣ спѣшить къ нему и днемъ и ночью,—и я знаю—зачѣмъ; знаю и то, что случая этого я искалъ и ищу ради самой чести бѣднаго маленькаго домика нашего...“³⁾; здѣсь рѣчь, вѣроятно, идетъ о назначеніи Тризны епископомъ, такъ что онъ и подписался въ этомъ письмѣ уже епископомъ бѣлорусскимъ. Жоховскій старался помѣшпать этому назначенію, но неудачно: жалоба его на игумена братскаго, всѣхъ монаховъ, Тризну и все братство и общество Могилевское за накопленіемъ сеймовыхъ дѣлъ государственныхъ не

¹⁾ Вотъ слова Жоховскаго: Kjedy iuz prawo iednosci s. y Archiepiskopa Polockiego iurisdictioni mam pokazac nad cerkwiami, monastyrami, zakonnikami y swieczennikami miasta Mohilowa w ekonomiey I. K. M. P. N. M. przychodzi toz o Mohilowie co Ezechiel Swietey, Diwinus Wates nad Tyrem mowil: fili hominis, assume super Tyrum planetum, pozwolciez y mnie rzewni nad mohilewem sie rospalac. W coz niebyl Tyr bogaty, iako go Ezechiel S. opisal; co kolwiek swiat miał drogiego tam towarem przedaznym y przystepnym bylo repleta est Tyrus et glorificata nimis. Znaydziesz to wszystko y w Mohilowie, ale oraz toz naydziesz co y w Tyrze. In multitudine negationis Tuae repleta sunt interiora tua iniquitate et peccasti; niewiem, za co w kosci twoie wszla zlosc niepodlegac Pasterzowi Swemu nalezytemu y widomemu Archiepiskopowi Polockiemu, w iednosci S. bedacemu, y wymyslac sobie nowo zrobione et nulla autoritate erigowane y niewiedziec naczyn Wladcytwo. Wrocic sie tedy trzeba do Wladze Archiepiscopa. Polockiego w iebnosci S. bedacego podlug dekretu przez Bлагословionego Iozaphata Kunczewicza Archiepiskopa Polockiego na sadach Relacyynsych z oczewistey controwersiey otrzymanego; a gdy ten dekret personalny ottenduię, z tym się oswiadczam Mohilowie: Aurum et argentum sit Tuum: da mihi animos, caetera tolle tibi. (Colloquium Жохов. р. 88).

²⁾ Лѣтопись Величка, т. 2, стр. 488.

³⁾ Витеб. Стар. т. V, ч. I, № 134.

могла поступить на очередь¹⁾). Впрочем, Климентъ Тризна скоро умеръ, и епархія опять осталась безъ главы.

Люблинскій съѣздъ вызвалъ и во всѣхъ православныхъ братствахъ попытку сосредоточить въ себѣ силы и двинуть ихъ противъ враговъ своихъ. По предложенію Климента Тризны, ставропигиальныя братства и духовенство собрались въ 1681 г. въ Новый Дворъ и здѣсь обсуждали мѣры противодѣйствія уніи. Вотъ къ чему пришли представители братствъ и духовенства: 1) такъ какъ слышно, что король имѣетъ устроить еще соборъ подобный Люблинскому, на которомъ весьма хорошо узнали противниковъ, то мы обязуемся православной вѣры не отступать, хотя бы пришлось и жизнь за нее положить; 2) если бы былъ объявленъ универсалъ о подобномъ Люблинскому коллоквиумѣ, то духовенство и братства обязаны пріѣзжать на него, если потребуетъ король, непременно съ правами и привилегіями своими; 3) братства Могилевское и Слуцкое (также и на соглаше другіхъ братствъ они надѣялись) постановили помогать въ случаѣ нужды матеріальными и всяческими силами; 4) такъ какъ доселѣ братство Виленское не извѣщало остальныхъ о нуждахъ церкви, то на будущее время оно обязано извѣщать о послѣднихъ безъ проволочки; 5) постановило братство Могилевское (тоже чувствовало и Слуцкое), что если бы король назначилъ и еще какой-нибудь съѣздъ, то непременно высылать людей ученыхъ, а также шляхетныхъ, снабдивши ихъ достаточными средствами; 6) не имѣя точныхъ свѣдѣній о могущемъ быть съѣздѣ, братства заблаговременно упрашиваютъ, чтобы всѣ, если будетъ объявлена повѣстка о съѣздѣ, всячески старались, не щадя издержекъ, чтобы послать вѣры православной или иной, но не римской вносили въ инструкціи обязательства радѣть на сеймѣ о цѣлости церкви Божіей—это пунктъ наиважнѣйшій; 7) постановили, чтобы номинать бѣлорусскій и братство Виленское имѣли постоянныя сношенія и совѣты о дѣлахъ церкви съ епископомъ Луцкимъ, на сейчасъ пастыремъ въ Коронѣ и Литвѣ, и о результатахъ сношеній увѣдомляли православныхъ; 8) если бы какое-нибудь братство узнало что-нибудь новое, касающееся церкви, то обязано сообщить Виленскому братству и 9) проектъ какой-то подъ заглавіемъ „modi concordiæ“, придуманный для совращенія православныхъ, имѣетъ быть отосланъ владыкѣ Луцкому для ура-

¹⁾ Тамъ же, V.

зумѣнія его и затѣмъ ко всему духовенству и братствамъ для подписи¹⁾.

Такимъ образомъ, на Ново-Дворскомъ съѣздѣ предложено было нѣсколько мѣръ, но большинство ихъ оказалось неисполнимыми и здѣсь-то именно выяснилась слабость братствъ. Они не чувствовали уже подъ собою той опоры, которую давало имъ прежде православное дворянство, и потому на съѣздѣ проведена была мысль о привлеченіи на свою сторону православной и даже протестантской шляхты при помощи денегъ (6-й пунктъ), но само собой понятно, что братства вступали черезъ это на слишкомъ скользкій путь. Оставалось православнымъ при такихъ обстоятельствахъ пассивно сопротивляться уніи и уповать на стороннюю помощь. И эта помощь дѣйствительно пришла отъ Москвы. Что касается Бѣлоруссін, то здѣсь, по договору Польши съ Россіей 1685 г., оставлена православная каеэдра, хотя епископа долго еще не было. Когда въ 90-хъ годахъ король былъ въ Могилевѣ, и жители приступили съ просьбой о назначеніи имъ епископа, то онъ отвѣтилъ, что „если они желаютъ уніатскаго имѣть епископа, то онъ прикажетъ поставить онаго въ Могилевѣ, а православному епископу никогда въ Могилевѣ быть не позволить; и что желательно королю, дабы они, Могилевцы, были уніатами, и къ тому приступили бы добровольно, въ противномъ же случаѣ будутъ въ уніи и по неволѣ“²⁾. Только къ концу столѣтія, благодаря заступничеству Россіи, прерванный рядъ бѣлорусскихъ епископовъ былъ возстановленъ.

Теперь во всей Рѣчи Посполитой былъ только одинъ православный епископъ—именно Бѣлорусскій. Эта особенность Могилевской епархіи, естественно привлекала предпочтительное вниманіе къ ней уніатской и латинской партіи. Имъ хотѣлось уничтожить этотъ остатокъ православныхъ, и на него начались невыносимыя гоненія. Такое положеніе, конечно, требовало самой прочной организаци и сосредоточенія всѣхъ православныхъ силъ, оставшихся во всей Рѣчи Посполитой. Братства послѣ неудачной своей попытки—руководить общими дѣлами уже не проявляли прежней инициативы. Роль организатора, очевидно, должна была принадлежать бѣлорусскому архіерею, какъ единственному іерарху западно-русской церкви. Послѣ смерти Серапіона Полховскаго

¹⁾ Арх. Ю. и З. Р. ч. I, т. IV.

²⁾ Арх. Сб. т. II, прил. стр. XXVIII.

(† 1704) на нашу кафедру был избран человек, действительно могший организовать защиту. Княжеский титул Сильвестра Четвертинского весьма много гарантировал его от невзгод, тяготѣвших надъ православнымъ духовенствомъ Польши; а самъ онъ былъ предприимчивъ, энергиченъ, стоекъ. Но къ сожалѣнію въ своихъ стремленіяхъ сосредоточить силы православныхъ Четвертинскій зашелъ слишкомъ далеко. Онъ не захотѣлъ довольствоваться ролью руководителя, онъ пожелалъ въ видахъ централизаціи простереть свою юрисдикцію на братства и монастыри, неподсудныя епархіальной власти и даже находящіяся за предѣлами его епархіи. Какъ ни естественно было это желаніе при тѣхъ обстоятельствахъ и какъ ни необходимо особенно по отношенію къ монастырямъ, которые, находясь въ зависимости отъ Кіевского митрополита, пребывавшаго уже за рубежомъ Польши, творили безнаказанно, что хотѣли, — все же Сильвестръ слишкомъ рѣзко и неосторожно посягалъ на чужія права, и потому вызвалъ противъ этихъ посягательствъ единодушную оппозицію въ монастыряхъ и братствахъ. А это имѣло печальныя послѣдствія для православной церкви, такъ какъ силы ея въ борьбѣ подрывались и врагамъ обезпечивалась легкая побѣда. Наше братство также втянулось въ борьбу съ Сильвестромъ и растеряло въ ней послѣднія силы.

Недоразумѣнія между братствомъ и іерархіей, какъ мы знаемъ, были и раньше. Они, можно сказать, проходятъ красною нитью черезъ все время существованія братства, и въ своемъ мѣстѣ были отмѣчены столкновенія его съ митрополитами Петромъ Могилой, Косовымъ, Тукальскимъ. Но прежде этотъ „домашній споръ“ скоро улаживался; сознаніе всего вреда, происходящаго отъ него для церкви, заставляло и братство и іерархію идти на взаимныя уступки и подчинять свои счеты интересу общаго дѣла. Не такимъ характеромъ отличается столкновеніе братства съ Сильвестромъ. Это была борьба въ полномъ смыслѣ слова, борьба, осложнившаяся вмѣшательствомъ постороннихъ лицъ (архидіакона Каллиста Оловяшки, резидента русскаго двора Игнатія Рудаковского и др.) и разрѣшившаяся послѣ смерти Сильвестра открытымъ бунтомъ.

Сильвестръ захотѣлъ подчинить своей юрисдикціи ставропигіальныя монастыри и братства еще въ началѣ епископствованія своего. Уже въ 1707 г. Слуцкое братство (лежало въ области бывшей Туровской епархіи) писало Могилевскому: „Удивительныя дѣла

творяются на свѣтѣ, когда въ самомъ даже православномъ нашемъ духовенствѣ нѣтъ надлежащаго согласія. Это язва для мірянъ, а стыдъ и срамъ предъ иновѣрцами. Кто долженъ бы служить при мѣромъ благочестія, тотъ ввелъ въ соблазнъ не одну тысячу людей. Не входя въ подробное описаніе и изложеніе этого предмета, извѣщаемъ теперь только о важномъ дѣлѣ, именно о гибели ставропигіальныхъ братствъ. Епископъ бѣлорусскій, прибывши нѣсколько недѣль тому назадъ въ Слуцкъ, не любовью, но нуждою старается насильственнымъ образомъ подчинить себѣ наше, не подвѣдомственное ему, ставропигіальное братство (первое въ Литвѣ: на него излилъ онъ первый свой гнѣвъ). По прибытіи своемъ въ Слуцкъ онъ наложилъ прежде всего, на третій день по пріѣздѣ, на насъ запретъ. Потомъ присылалъ трижды, безъ всякаго законнаго основанія, въ монастырь, нами основанный, духовныхъ лицъ; забралъ драгоценности нашихъ отцовъ и другое движимое имущество, разогналъ нашихъ иноковъ и привелъ въ совершенное запустѣніе братскую церковь, первую въ городѣ Слуцкѣ, такъ что въ ней уже болѣе трехъ недѣль не совершается богослуженія. А все это сдѣлано имъ особенно потому, что наше братство, пользующееся правами, данными св. патріархами, преосвященными митрополитами и свѣтскою властію, августѣйшими королями и князьями, изъято изъ-подъ власти епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и намѣстниковъ митрополитскихъ, — что мы не ходили къ нему на поклоненіе въ частныя дома, гдѣ онъ остановился, и что мы не подчинились незаконной власти его преосвященства. Наконецъ, предать онъ наше братство ничѣмъ не заслуженному проклятію, опубликованному въ церкви женскаго монастыря въ заговѣнѣ предъ Филипповымъ постомъ, и такимъ образомъ вмѣшался въ чужую епархію вопреки канонамъ св. Отцевъ. О чемъ, расположенные къ вамъ, увѣдомляя васъ, нашихъ весьма милостивыхъ господъ, мы сами рѣшились во всемъ дальнѣйшемъ стоять твердо за свои права и поддерживать ихъ¹⁾. Это письмо характеризуетъ образъ дѣйствій епископа и взглядъ на него братствъ. Видно, что двѣ силы сталкивались вмѣстѣ и ни одна не хотѣла сдѣлать уступки.

Не смотря на то, что Сильвестръ этимъ письмомъ былъ такъ дурно зарекомендованъ предъ Могилевскимъ братствомъ отношенія

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 64.

между тѣмъ и другимъ сначала были хорошия. Епископъ бывалъ на братскихъ торжествахъ, братники въ свою очередь уважали пастьря и дорожили его благоволеніемъ. Но подъ конецъ жизни Сильвестра дѣло пошло неладно¹⁾. Около 1725 г. братству нужно было избрать въ свой монастырь новаго игумена, и оно единогласно выбрало Климента Пигаревича. Но Сильвестръ хотѣлъ отъ себя лично назначить игумена и вообще подчинить своей власти братство. Онъ не признавалъ игуменомъ Климента, черезъ подвластныхъ людей притѣснялъ не только братчиковъ, но и ихъ женъ, дѣтей, челядь и вообще дѣлалъ разныя угрозы братству. Епископу помогалъ и назначенный отъ русскаго двора для защиты православныхъ резидентъ Игнацій Рудаковский, такъ какъ и онъ считалъ положеніе, относительно епархіальной власти, ставропигіальныхъ монастырей и братствъ ненормальнымъ²⁾. Братство обратилось съ жалобой на дѣйствія епископа прямо къ королю, который и предписалъ ему не вмѣшиваться въ дѣла братскія и не дѣлать братчикамъ при-

¹⁾ Столкновѣніе съ ставропигіальными монастырями, находившимися въ предѣлахъ Бѣлорусской епархіи, у Сильвестра произошло уже на первыхъ годахъ его епископствованія. См. грамоту Стефана Яворскаго отъ 1710 г. въ Арх. Сб. т. 5, стр. 75.

²⁾ Вотъ мнѣніе Рудаковскаго по этому вопросу: донося Императору Петру I отъ трагедіи, происшедшей съ нимъ и епископомъ въ Кутенскомъ ставропигіальномъ монастырѣ, Рудаковский пишетъ: „Во всемъ виноваты русскіе архіереи, которые своими благословительными грамотами вмѣшиваются въ эту епархію, освобождая посвященныхъ ими здѣшнихъ іеромонаховъ отъ подчиненія епископу Бѣлорусскому. Можно ли епископу Ростовскому вмѣшиваться въ епархію Кіевскую и архіепископу Кіевскому въ епархію Новгородскую? это не позволяется, только въ одну епархію Бѣлорусскую чуть не все епископы вмѣшиваются и тянутъ къ себѣ благословительными листами, а черезъ это гинетъ здѣсь вѣра наша православная, ибо монахи, имѣя благословительные листы, живутъ непотребно въ князствѣ и всякомъ развратѣ, а когда епископъ Бѣлорусскій захочетъ ихъ смилостивить, то они объявляютъ, что зависятъ отъ Кіевского архіерея и своею бездѣльною жизнью возбуждаютъ только насмѣшки враговъ церкви, которые были въ большинствѣ страхъ послѣ отобранія церквей въ Пинскѣ, а теперь подняли головы. Повели Государь, чтобы Кіевскій Архіерей не вмѣшивался въ эту епархію и чтобы Св. Синодъ все прежнее благословительныя грамоты уничтожилъ. Истинно, Государь, здѣсь и безъ этихъ благословительныхъ грамотъ тошно, ибо все единодушно желаютъ вѣру благочестивую искоренить и православные находятя въ болѣе униженномъ положеніи, чѣмъ жидаы, а благословительные листы собственныхъ дѣтей противъ пастьря своего поднимаютъ, и въ несогласіи вѣра наша гинетъ. Епископъ князь Четвертинскій слезно проситъ Ваше Величество, чтобы вы позволили ему зависѣть единственно отъ Св. Синода“. (Исторія Соловьева т. XVIII, р. 85).

тѣсненій подѣ опасеніемъ штрафа въ 4 т. литовскихъ копѣ грошей (Арх. Сб. т. II, № 68). Но столкновѣніе этимъ не кончилось. На епископа въ это время приобрѣлъ особенно сильное вліяніе архидіаконъ Каллистъ Заленскій Оловяшко. Онъ-то и былъ главнымъ ненавистникомъ братства. Пользуясь большимъ довѣріемъ находившагося въ преклонныхъ лѣтахъ епископа, онъ отмѣнялъ братскіе торжественные праздники, запрещалъ городскому духовенству присутствовать на такихъ торжествахъ, предавалъ братчиковъ проклятю и не позволялъ священникамъ допускать отлученныхъ къ исповѣди и причастью Св. Таинъ, притѣснялъ иноковъ братскаго монастыря, игумена же избраннаго братствомъ, перечислил въ Черниговскую епархію и лишилъ его права священнослуженія, якобы запрещенаго Черниговскимъ епископомъ. У Оловяшки были и единомысленники: нѣкоторые изъ городскихъ священниковъ вполне одобряли его образъ дѣйствій. Братство подало жалобу митрополиту. Между тѣмъ умеръ Сильвестръ (†14 февраля 1728). Нужно было избрать новаго епископа. Оловяшко хотѣлъ самъ быть избраннымъ. Съ этою цѣлію онъ захватилъ все документы на епископію и держалъ ихъ у себя, въ то время какъ обычно они хранились послѣ смерти владыкъ въ братскомъ монастырѣ; затѣмъ единолично избралъ намѣстникомъ игумена Минскаго Гедеопа Шишку, а себѣ присвоилъ власть администратора епархіи; наконецъ, заставляя духовенство соглашаться на его предложенія, приступилъ къ выборамъ владыки въ г. Мстиславль, а не въ Могилевъ, притомъ безъ благословенія митрополита и вѣдома ставропигіальныхъ братствъ. 26 іюня 1728 г. братство подало новую жалобу митрополиту. Вѣроятно, влѣдствіе этой жалобы митрополитъ распорядился объ избраніи епископа. 12 декабря 1728 г. былъ избранъ Арсеній Берло, архимандритъ Межигорскаго монастыря. Оловяшко, видя, что его замысламъ грозитъ опасность, заручившись полномочіемъ отъ своихъ сторонниковъ, явился въ Св. Синодъ и, представивъ братчиковъ „мятежесловцами“, вмѣстѣ съ членами Синода, не знавшими истиннаго положенія дѣла, намѣтилъ кого-то въ епископы, былъ составленъ и актъ избранія и отправленъ отъ имени Синода въ Могилевъ для подписи. Но намѣреніямъ Оловяшки не суждено было осуществиться. Могилевцы чрезъ митрополита донесли Синоду о самовольныхъ дѣйствіяхъ Оловяшки. Синодъ постановилъ разслѣдовать дѣло довѣренному лицу. Донесеніе

гражданъ подтвердилось, и Оловяшко удаленъ былъ изъ Бѣлоруссіи: его назначили въ Межигорскій монастырь на мѣсто Берло. Но и отсюда онъ продолжалъ волновать Могилевскую епархію и замышлялъ даже передать ее на унию. Когда прибылъ въ Могилевъ 10 марта 1730 г. Арсеній Берло, приверженцы Каллиста подняли волненіе. Появились пасквили на воротахъ архіерейскаго дома, на церквахъ и колокольняхъ, а самого Арсенія грозили убить. Зачинщикомъ этихъ дѣйствій былъ Гедеоны Шиска, но заправлялъ ими Каллисть изъ Межигорья. Къ счастью онъ скорѣ лишенъ былъ сана и отправленъ простымъ монахомъ въ Сибирь. Арсеній же при помощи магистрата вступилъ (хотя и не надолго, такъ какъ король не далъ ему привилегіи) въ отправленіе своихъ обязанностей¹⁾.

Во внутреннимъ несогласіямъ, подорвавшимъ силу братства, въ это время присоединились и внѣшнія страшныя бѣдствія: военныя разоренія, различныя контрибуціи, пожары. Шведская война превратила богатый городъ въ жалкія развалины и нищету. Фактическія данныя объ этихъ бѣдствіяхъ можно читать у игумена Ореста и Трубицкаго въ ихъ хроникахъ подъ первыми годами восемнадцатаго вѣка.

Результаты такого положенія Могилевскихъ православныхъ были самые плачевныя. Дѣйствующія силы ихъ были подорваны въ концѣ, и враги, пользуясь этимъ, рѣшились осуществить постановленія униатскаго Замойскаго собора 1720 года, на которомъ униа торжественно провозглашена была единственно законною церковью греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой, а захваченныя униатами епархіи объявлены были добровольно принявшими унию. Оставалось уничтожить Могилевскую епархію, и папы, нунціи ихъ, канцлеры польскіе, подоцкіе владыки направили всѣ свои усилія къ этому; шляхта же, католическое и униатское духовенство, и частныя лица выступили какъ-бы въ крестовый походъ противъ „схизматиковъ“ и въ теченіе одинадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ борьбы братства съ Четвертинскимъ и Оловяшкой (1732—1743), въ епархіи Бѣлорусской паны и униаты „заѣхали“ на унию 128 монастырей и церквей. Въ чемъ состоялъ этотъ заѣздъ, представимъ свидѣтельствовать современнику: „забывши страхъ Божій,

¹⁾ Арх. Сб. т. II, №№ 69, 70; Чистовичъ, Очеркъ З.-Р. Ц. т. II, стр. 259—260 и Осифій Прок. 68 г., Витеб. Стар. V, 1, № 197; Труды Киев. Акад. 65 г., стр. 603—610.

они (униаты) врываются верхомъ въ церкви, стрѣляютъ въ алтари и въ иконы, рвутъ ихъ, ломаютъ кресты, на духовныхъ и мірянъ они нападаютъ въ церквахъ и до смерти убиваютъ ихъ; они выбрасываютъ монаховъ изъ монастырей, а въ дѣвичьихъ монастыряхъ, для посмѣшища, раздѣваютъ монахинь до-нага и въ такомъ видѣ изгоняютъ ихъ; имущество и доходы монастырскіе отымаютъ; церкви разрушаютъ, бьютъ въ нихъ окна и ломаютъ крыши; остальное же грозятъ предать пламени; изображенія Спасителя они попираютъ ногами, рѣжутъ и прокалываютъ ножами, бросаютъ и таскаютъ по улицамъ, приговаривая богохульныя рѣчи: „Схизматицкій Боже! Неужели ты не постоишь за свою обиду?“ Среди такихъ гоненій братство не только ничего не могло сдѣлать въ пользу страждущихъ, но и само едва-едва выдерживало натискъ враговъ. Особенно много страдало оно теперь отъ могилевскихъ плебановъ и іезуитовъ. Такъ, переведенный въ 1745 г. изъ Орши къ фарному костелу плебанъ Симонъ Гриневичъ сталъ непрестанно вымышлять на мѣщанъ и братство разныя нападки: „хочу, говорилъ онъ, быть вторымъ Іосафатомъ, я на то и опредѣленъ здѣсь и не перестану, пока Могилевъ Витебскомъ не сдѣлаю и на унию не превращу“. „Плебанъ Могилевскій, жаловался епископъ Іеронимъ Волчанскій, непрестанно вымышляетъ и провозноситъ на меня и весь народъ Могилевскій православный разныя въ свѣтѣ неслыханныя пореченія, напасти и пасквили, и оныя повсюду прописуетъ: манифесты, протестаціи въ книги градскія и трибунальскія понаписалъ и экстракты изъ оныхъ поывмовать и публикуеть, хотя всеконечно послѣднія вотчины архіерейскія разграбить“. Не довольствуясь составленіемъ пасквилей, Гриневичъ прибѣгалъ и къ прямому насилію надъ братствомъ. Въ 1748 г. въ Могилевѣ былъ страшный пожаръ. Обгорѣла и братская церковь съ колокольней. Колокола однако были спасены, и братчики хотѣли повѣсить ихъ *ночью*. Но плебанъ, по навѣту маршалка, прибѣгалъ съ великою громадою и порубилъ столбы для колоколовъ. Выстѣ съ тѣмъ онъ послалъ указъ своему интенданту, чтобы тотъ всякими черезмѣрными денежными налогами и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждалъ російскихъ жителей къ униі, съ угрозою, что ослушники изъ города будутъ плетью выгнаны²⁾. Чѣмъ бы кон-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. 1, т. IV, стр. 448 и 456.

²⁾ Чистовичъ, Очеркъ З.-Р. Ц. т. II, стр. 84 и 264.

чилося такое положеніе Могилевской епархіи и братства, неизвѣстно; но на кафедрѣ былъ назначенъ Георгій Конисскій, который и взялъ на свои плечи дѣло погибавшаго православія въ Бѣлоруссіи. Братство составило теперь ту общественную силу, на которую опирался Георгій въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ частности оно доставляло ему свои грамоты и привилегіи, на основаніи которыхъ ему удалось добиться отъ сейма нѣкоторыхъ правъ для православныхъ¹⁾. Но братство не могло уже получить прежняго значенія. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Великой Россіи и съ утвержденіемъ въ ней склада и духа великорусской церковной жизни, братскіе порядки должны были постепенно уничтожаться, такъ какъ идея братствъ была незнакома русской церкви. Такъ, въ 1797 г., по представленію епископа Афанасія, былъ уничтоженъ женскій братскій монастырь, хотя общество и ходатайствовало предъ Св. Синодомъ объ оставленіи монастыря. Въ 1828 г., по представленію епископа Павла, былъ низведенъ въ рядъ обыкновенныхъ монастырей и мужской монастырь. Протестовъ уже не было.

Исторія братскихъ учреждений.

Братская школа.

Вѣднїя судьбы школы.—Внутренній строй ея.—Учителя въ ней.—Значеніе ея для края.

Въ своемъ уставѣ, утвержденномъ королемъ въ 1597 г., братство постановило: „Въ школѣ тежъ братской дѣтей братьи уписной и убогихъ сиротъ языка и письма Словенского, Руского, Греческого, Латиньского и Польского накладомъ братскимъ дармо учити повинны, водлугъ застановленья нашего братского; такъже и людей въ писмѣ учоныхъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ для науки школьной, до проповѣди слова Божого, до науки дѣтей и до спѣванья въ справѣ и звьклости своей ховати маемъ“²⁾. Согласно этому опредѣленію братство выстроило школу на землѣ Спасскаго монастыря. Первые достовѣрныя извѣстія о существованіи этой школы и дѣятельности

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. IV, стр. 596—601; Бантышъ-Кам., Исторія объ унив., 263—328.

²⁾ А. З. Р. т. IV, № 119.

ея ученыхъ имѣемъ отъ 1600—1601 гг.³⁾. Была ли до этого времени въ Могилевѣ братская или какаля-нибудь другая правильно устроенная школа, точно неизвѣстно. Правда, Стефанъ Баторій, даровавъ въ 1577 г. городу Магдебургское право, приказывалъ мѣщанамъ выстроить „школу христіанскую“; но, должно быть, приказаніе королевское не было выполнено: по крайней мѣрѣ, въ 1578 г. король особымъ указомъ напоминалъ о постройкѣ школы, а когда братство къ 1600 г. выстроило свою школу на Спасской землѣ, то новый король обвинялъ его, что оно не исполнило приказанія Баторія о построеніи „католицкой“ школы (въ грамотѣ Стефана требовалась школа не „католицкая, а просто „христіанская“) и вмѣсто того открыло домъ, гдѣ держитъ подозрительныхъ людей. Изъ этого послѣдняго дѣла видно, что до построенія школы братской требованіе Баторія оставалось не исполненнымъ⁴⁾.

Открытая около 1600 г. школа, не смотря на попытки униатовъ отобрать ее, оставалась въ вѣдѣніи братства до 1624 г. Лишь въ этомъ году, по жалобѣ водвореннаго въ Спасскомъ монастырѣ униатскаго игумена Гervasія Гостиловскаго, Левъ Сапѣга, бывши въ Могилевѣ, приказалъ мѣщанамъ передать школу униатамъ. Передача эта состоялась официально. Магистратъ назначилъ лавника Ждана Купнича, который „отъ имени своихъ старшихъ“ въ присутствіи слуги Льва Сапѣги Захарія Круковскаго, а также вознаго и шляхты и передалъ школу „въ мирное владѣніе монастырю св. Спаса и въ распоряженіе игумена этого монастыря Гervasія Гостиловскаго“⁵⁾. Какъ ни бѣдственно было положеніе православныхъ въ то время, братство поторопилось завести новую школу. Первоначально, до пожара 1626 года она, какъ свидѣлствуетъ Игнатій Левлевичъ въ своей автобіографіи, находилась „въ Максимовскомъ дворѣ“, т. е. вѣроятно, въ домѣ Максимовичей, зажиточныхъ мѣщанъ и дѣятельныхъ братчиковъ, послѣ же пожара 1626 г. перенесена „въ братскій домъ“, но гдѣ онъ находился, неизвѣстно⁶⁾. Когда братство устроило Богоявленскій монастырь, то сюда перевело и школу; но въ какой годъ это случилось, сказать трудно.

¹⁾ Арх. Сборн. т. II, № 19.

²⁾ Вѣд. арх. № 12; Хроника Трубицкаго стр. 133 и Арх. Сб. т. II, № 19.

³⁾ Арх. Сборн. II, № 30.

⁴⁾ Голубевъ, Ист. Киев. акад., прилож. № XI.

Во всякомъ случаѣ до 1637 г. она была еще на старомъ мѣстѣ: въ фундушевой записи отъ братства монастырю 1634 г. говорится о школѣ какъ еще объ имѣющей быть при монастырѣ („маеть архи-мандрить постерегать, абы братія... школь дозирали, которые на тыхъ же крунтахъ (т. е. монастырскихъ) *быть мають*“). То же можно предполагать и на основаніи дарственной Стеткевича отъ 1637 г., гдѣ пишется: „упатруючы тотъ пляць вышъ мененый на цмынтарь, на которомъ бы *потомъ* школа, або монастырь и якій колвекъ будынокъ побудовати мѣль¹⁾“. При монастырѣ школа существовала до половины XVIII столѣтія, но свѣдѣнія о ней отрывочны. Такъ, отъ 1683 г. имѣемъ свидѣтельство о томъ, что училищный домъ былъ выстроенъ вновь на средства магистрата²⁾. Последнее упоминаніе о школѣ относится къ 1711 году: въ этомъ году (8 іюля) мѣщанка Марѳа Шашкевичовна уступила монастырю домъ во временное пользованіе (до уплаты ей долга) въ благодарность за то, что „*przewielebny jego mosc ociec namiestnik u caly conventus Monastera Brackiego mianowanego syna iey Theodora Bazilewicza do nauk szkolnych pisma swietego u cerkiewnych porzadkow za prawowac, wszelkim wiktem opatrowac, odziewac u w habit obiec maia*“³⁾. Когда вступилъ на бѣлорусскую кафедру Георгій Конисскій, школы въ городѣ не оказалось, и онъ постарался завести ее на основаніи привилегіи братству, но уже на новомъ мѣстѣ—сначала при кафедрѣ, а затѣмъ при церкви Никольской. Эта школа существовала до открытія въ 1785 г. штатной семинаріи. Она пользовалась поддержкой русскаго правительства и должна была выносить вооруженныя нападенія іезуитов⁴⁾. Направленіе и духъ преподаванія въ школѣ Могилевскаго братства стоятъ въ связи съ такимъ или инымъ направленіемъ за-

¹⁾ Арх. Сб. № 37 и 45.

²⁾ Въ приходо-расходной книгѣ магистрата подъ 1683 г. 28 іюля занесено: „за разбирае школы братское поденщикомъ чотыремъ дали по асмаковъ осмнадцать, за дни три, дали золотыхъ семь и асмаковъ шесть. За вожене тогожь бервена, за дни два, дали Ивану по асмак. сорокъ, чинить золотыхъ два и асмаковъ 29. За росказанемъ пана войта заплатили за школу братскую дали золотыхъ пятьдесятъ“ (Созоновъ, Ист.-юр. мат. т. II, стр. 45—6).

³⁾ Дарственная хранится въ архивѣ братскаго монастыря.

⁴⁾ Докум. объясн. ист. зап.-рус. края, стр. 406 и др. въ меморіалѣ Конисскаго, Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. 4, стр. 598 и 609; Бѣл. арх. № 57; Чистовичъ, очерки З.-Р. Ц., т. II, стр. 269.

падно-русскаго просвѣщенія вообще. Въ исторіи западно-русскаго просвѣщенія замѣчается два періода—греко-славянскій (до митрополита Петра Могилы) и латино-польскій (съ Петра Могилы). Просвѣщеніе въ первый періодъ развивалось на началахъ православнои вѣры и русскои народности. Наука братскихъ школъ заключалась главнымъ образомъ въ основательномъ ознакомленіи съ ученіемъ православной церкви и въ изученіи языковъ славянскаго, русскаго и греческаго предпочтительно предъ латинскимъ и польскимъ. Такимъ направленіемъ до 30-хъ гг. XVIII в. проникнуто было и въ Могилевской школѣ преподаваніе. Она, по словамъ экзарха Никифора, должна была быть „всеобщимъ училищемъ Св. Писанія и всякаго другаго ученія“. Въ ней, по уставу братскому, на первомъ мѣстѣ поставлялось изученіе языковъ и письма „Словенскаго, Русскаго, Греческаго“ и затѣмъ уже „Латинскаго и Польскаго“. Какъ широкъ былъ кругъ преподававшихся въ школѣ этого времени предметовъ, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Въ болѣе обезпеченныхъ матеріально и богатыхъ интеллигентными силами братскихъ школахъ, кромѣ языковъ, изучались: грамматика, часословъ, псалтирь, октоихъ, дѣльное богословіе, св. писаніе, цѣніе и такъ называемыя семь свободныхъ наукъ: „діалектика, риторика, мусика, ариѳметика, геометрія и астрономія“. Сомнительно, чтобы преподавались въ Могилевѣ „свободныя науки“, но на остальные предметы есть нѣкоторыя указанія въ автобіографической запискѣ Игнатія Іевлевича. Игнатій рассказываетъ, что онъ обучался (въ концѣ 20-хъ гг. XVII в.) въ братской школѣ русскому и латинскому языкамъ и „дѣльному богословію“. Указаніе на это послѣднее заключается въ словахъ Игнатія „*a drugi (т. е. учитель) wprawowal w charakter dobry, do ktoregom mial z natury ciazka reke*“. Отсюда видно, что преподаваніе „дѣльнаго“ или нравственнаго богословія носило практической характеръ, т. е. состояло въ наставленіяхъ и совѣтахъ на разные случаи жизни.

Данное Петромъ Могилой другое—латинопольское направленіе западно-русскому просвѣщенію не могло не отразиться и на нашей школѣ. Могилевъ былъ въ то время въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ; отсюда выходили въ Могилевъ учителя и проводили духъ Кіевской науки. Такъ, въ началѣ 30-хъ гг. XVII в. въ братскую школу прибылъ изъ Кіева Савва Андрейовичъ; здѣсь же

учили какой-то Косовичъ, студентъ изъ Кіева. Кромѣ учителей проводниками Кіевского вліянія должны были явиться и Могилевскіе епископы, которые выбирались изъ ректоровъ или наставниковъ Кіевского коллегіума, на примѣръ Сильвестръ Косовъ, Іосифъ Горбацкій и другіе епископы, приходиротоніи, давали подъ присягой обѣщаніе между прочимъ покровительствовать просвѣщенію и, конечно, направляли его въ духъ Кіевской науки¹⁾. Къ сожалѣнію, пока неизвѣстно никакихъ памятниковъ преподаванія въ школѣ за этотъ періодъ. Косвенныя данныя даютъ право думать, что школа съ 30-хъ гг. и до конца столѣтія была на довольно значительной высотѣ. Во второй половинѣ того столѣтія у западно-руссовъ была мысль основать другую коллегію, подобную Кіевской, и мѣстомъ для нея предполагалось избрать именно Могилевъ, — фактъ, свидѣтельствующій о подготовленности города къ открытію въ немъ высшаго учебнаго заведенія. Такъ, еще въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ, бывшей отвѣтомъ на просьбы сдавшихся ему гражданъ, писалъ: „А школѣ, сирѣчь училищамъ, указали мы Великій Государь Наше царское Величество быти въ Могилевѣ православной христіанской вѣры греческаго закону, *противъ Кіевскихъ училищъ*“. Позже мысль объ устроеніи академіи въ Могилевѣ заявлена была рѣшительнѣе. Въ 1670 г. въ статьяхъ, предложенныхъ гетманомъ Петромъ Дорошенко на съѣздѣ съ поль-

¹⁾ Сохранились записи Горбацкаго и присяга Сильвестра Четвертинскаго: „Я Іосифъ Горбацкій... этою моею добровольною записью дѣлаю извѣстнымъ, что, по собственному обѣту, подтвержденному клятвою при вступленіи на епископство, я обязанъ стараться о томъ, чтобы въ нашемъ русскомъ народѣ процвѣтали науки для образованія юности нашего народа, дабы оно могло быть подпорою и служить святой Восточной Церкви, распространяя славу Божию и храня православіе“ (Чтен. общ. ист. и древ. рос. 1871 г. № 1, стр. 26). „А понеже, говоритъ Четвертинскій, поучаетъ апостолъ святыи, яко подобаетъ епископу учену быти, пособствующему вѣрнаго словеси поученію, да силенъ будетъ утѣшати въ здоровомъ ученіи и противящаяся обличати, якоже и самъ Христосъ пастырей начальникъ ко поставленнымъ отъ него первымъ епископомъ, апостоломъ святымъ, рече: „шедше поучите всѣ языки“ того ради долженъ да исполню сію должность епископскую учительную, долженъ буду всякимъ промышленіемъ, силами и разумомъ тщатися и прилежати, училища назидати, и въ ни свободныхъ учений и учителей стяжевати, отъ имѣній церкви и трапезы моея прислушающихъ, воспитая ихъ и потребная имъ даю, поелику мощно ми будетъ; назиданнымъ же сущимъ училищамъ помощникъ и заступникъ вседушно, всѣми силами, слико мощно ми будетъ, обѣщаюся быти“ (Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. 4, № СХХIV, стр. 280).

скими комиссарами въ Острогѣ, сказано: „также другую академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, или здѣ въ Украинѣ, гдѣ къ строенію сущее обрящется мѣсто, дабы волно строити и чтобы та академія, какъ и Кіевская, равнымъ подобіемъ правами и волностями охранена была“. Это же было повторено въ 1670 г. въ инструкціи послать войска запорожскаго на сеймъ. Но этимъ благимъ намѣреніямъ осуществиться не пришлось. А усилившіяся въ это время попытки ввести повсюду унию и отливъ образовательныхъ православныхъ силъ за предѣла Бѣлоруссіи, въ Москву, не могли иабыдно не отразиться на состояніи и существующей школѣ. Въ XVIII в. Бѣлоруссія была такъ уже бѣдна учеными силами, что не находилось лицъ, способныхъ историческимъ путемъ доказывать права православной церкви. Такъ, епископъ Іеронимъ Волчанскій около 1747 года категорически заявляетъ, что нельзя ожидать никакой пользы отъ предположенной комиссіи для разбора споровъ православныхъ съ униатами между прочимъ потому, что отъ нашей стороны, какъ для сильнаго представленія обидъ, такъ и для возраженія навѣтовъ, людей ученыхъ и способныхъ, *отнюдь* не имѣемъ ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ¹⁾“. Вѣшнія бѣдствія, бывшія въ Могилевѣ въ началѣ XVIII ст., также не могли не отразиться вредно на братской школѣ. Со вступленіемъ на кафедру Георгія школа возродилась, но памятниковъ ея дѣятельности не имѣемъ.

Объ учителяхъ братской школы свѣдѣнія кратки. Учителями могли быть и свѣтскіе и духовные; они были и проповѣдниками слова Божія въ церкви. Извѣстны нѣкоторые изъ учителей: перечислимъ ихъ: *Котковскій*, *Тома Тавборовичъ* и *Радко*, обвинявшіеся въ 1601 г. Брольницкимъ въ произнесеніи безъ его разрѣшенія проповѣдей, направленныхъ противъ власти епископа. „Радко“ — это, быть можетъ, тотъ самый „дьякъ Радіонъ“, о которомъ митрополитъ Пелагонскій Іеремія упоминаетъ въ своемъ посланіи 1620 года: „дойде ми во уши отъ нѣкоихъ добрыхъ челоуѣкъ, найпаче же отъ бывшаго во васъ дьяка Радіона, иже соі призываніемъ Св. Духа совершися въ презвитери отъ нашего смиренія, яко въ градѣ вашемъ иже удовлени быша отъ злокозное мѣглы, паки водхновеніемъ Св. Духа соединились къ стаду словесному

¹⁾ Арх. Ю. и З. Р. т. IX №№ 47 и 77; т. XIV, стр. 359 и Чистов, Очеркъ З.-Р. Ц., т. II, стр. 95.

Христову и ко церкви Восточной, во вѣки непоколѣбимой¹⁾. Игна-
тій Іевлевичъ упоминаеть о *Тимоѣѣ Грибачѣ, Павлѣ*— „статечномъ
человѣкѣ“, *Константинѣ, Аванасіѣ Стрѣлецкомѣ, Ѳеодорѣ Тара-
совичѣ* и помощникѣ двухъ послѣднихъ *Игнатіѣ*—человѣкѣ „ста-
течномъ“, затѣмъ о *Саввѣ Андреевичѣ*— „могилевіанинѣ“ и *Косо-
вичѣ*— „студентѣ изъ Кіева“. Всѣ эти лица учили въ концѣ 20-хъ
и началѣ 30-хъ гг. XVII в. У Тимоѣѣ Грибача и Павла Іевле-
вичѣ обучался русскому чтенію, у Аванасіѣ Стрѣлецкаго— „почат-
камъ латыни“, у Ѳеодора Тарасовича— нравственности, у Саввы
Андреевича и Косовича— тоже латыни. О Ѳеодорѣ Тарасовичѣ Іевле-
вичъ сообщаетъ, что онъ въ 1635 г. принялъ монашество въ брат-
скомъ монастырѣ съ именемъ Антонія и былъ здѣсь намѣстникомъ
при архимандритѣ Варлаамѣ Половко. Умеръ у брата своего Ва-
силія, епископа Мокачевского, въ гостяхъ. Савва Андреевичъ въ
1630—31 гг. былъ въ числѣ магистровъ Кіево-братской школы въ
„грамматикѣ“. Названіе „могилевіанинѣ“, прилагаемое къ сему ма-
гистру, говоритъ Голубевъ, даетъ твердое основаніе предполагать,
что онъ былъ однимъ изъ питомцевъ Могилы, посланныхъ имъ для
завершенія образованія за границу“. „Разумѣется, продолжаетъ
Голубевъ, до нѣкоторой степени страннымъ представляется, почему
онъ поступилъ въ Кіево-братскую школу. Но обстоятельство это не
необъяснимо: могъ и самъ Могилъ, по просьбѣ братства, уступить
для его школы одного изъ своихъ питомцевъ; могъ просить Могилу
объ этомъ его близкій другъ—Іовъ Борецкій, покровительствовавшій
братству; могли, наконецъ, возникнуть крупныя недоразумѣнія у
Могилы съ нѣкоторыми изъ его питомцевъ, побудившія послѣднихъ
оставить своего мецената. Последнее предположеніе считаемъ самымъ
вѣроятнымъ, имѣя въ виду тотъ фактъ, что Савва Андреевичъ въ
1632 г. (послѣ послѣдовавшаго соединенія Лаврской Могиланской
школы съ братскою, когда старшимъ братчикомъ и главнымъ на-
чальникомъ соединенныхъ школъ дѣлается Петръ Могилъ) уѣзжаетъ
изъ Кіева въ Могилевъ“. Далѣе извѣстны учителя: *Даніилъ Мака-
роичъ*, „баккалавръ“ братскій и въ концѣ XVII в. *Василевскій*, о
которомъ въ приходо-расходныхъ книгахъ ратуши подь 11 іюля
1695 говорится: „за розказанемъ пана войта и за ведомостію пана-
райцы скарбового, пану Василевскому, который пріѣхалъ зъ По-

¹⁾ Арх. Сборн. т. II, № 28.

лоцка до Могилева учить хлопцовъ въ школе брацкой по латине
и спевать на хору въ церкви, дали ему зол. 10¹⁾“. Изъ учителей
школы, открытой Коннескимъ, знаемъ *Виктора Садковскаго* и *Дмит-
рія Романовича Чупавича*. Первый былъ учителемъ уже въ 1764 году.
15 ноября сего года въ день коронаціи Станислава Понятовскаго
„при начатіи въ церкви (братской) богослуженія проповѣдникъ Ва-
силій Садковскій, профессоръ при кафедрѣ латинскихъ школъ, про-
изнесъ съ привѣтствіемъ новаго короля проповѣдь, доставившую
удовольствіе всему бывшему въ церкви собранію шляхты и мѣщанъ²⁾“.
Около 1772 г. Викторъ былъ уже намѣстникомъ кафедры и чле-
номъ духовной консисторіи и, вѣроятно, съ полученіемъ сихъ долж-
ностей дѣятельность его въ качествѣ учителя въ школѣ прекрати-
лась; за нимъ могла быть оставлена только высшая должность пре-
фекта³⁾. Съ 1774 г., со времени назначенія его игуменомъ Тупи-
чевскимъ, дѣятельность Виктора совершалась внѣ Могилева. Для
характеристики Виктора, какъ педагога, представляютъ интересъ
два распоряженія, сдѣланныя имъ въ бытность Архіепископомъ
Черниговскимъ. Въ 1797 г. ученики Черниговской семинаріи, фи-
лософскаго класса—Василій Высоцкій и риторическаго—Яковъ
Сучковскій и Андрей Закревскій были исключены изъ семинаріи
и опредѣлены консисторіею—Высоцкій церковникомъ къ собору, Суч-
ковскій—въ архіерейскій домъ пономаремъ, а Закревскій лишентъ и
этой милости. Высоцкій, просидѣвши два года въ риторикѣ, писалъ
правильно, четко, толково и красиво. Всѣ они обратились съ прось-
бой о милости къ Виктору, отъ котораго и послѣдовало такое рас-
поряженіе: „какъ показанные въ прошеніяхъ семинаристы Высоц-
кій, Сучковскій и Закревскій избирають себѣ состояніе,—два въ
женитбѣ, а одинъ—быть дьячкомъ, будучи изъ семинаріи исклю-
чены не резонно; ибо ежели они не способны къ ученію, то для
чего промованы (переведены) къ потерѣ дѣтъ, одинъ въ философ-
скій, а два въ риторическій классы, когда можно было способность
или неспособность ихъ примѣтить зъ самаго начала вступленія въ
оную, а наилучше, въ силѣ регламента, чрезъ одинъ годъ!—На-

¹⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. ак. стр. 226 и прил. № XI; Арх. Сб. V, 125; Соло-
новъ; Ист. мат. т. X, стр. 95.

²⁾ Хроника Трубницкаго въ рус. изд. стр. 80.

³⁾ Кояловичъ, Ист. возс. ун., стр. 126 и др.

противу того поименованныя семинаристы лично намъ объявили свое желаніе продолжать ученіе, а хотящему нѣтъ ничего труднаго: для того предпишетъ дикастерія указомъ, опредѣлить ихъ по прежнему въ семинарію, давъ имъ всѣмъ мѣсто пребыванія въ бурсѣ, философа же къ тому опредѣливъ, за изрядный его почеркъ, и въ должность семинарскаго писаря, на основаніи, на какомъ содержатся при академіи Киевской писари, съ тѣмъ, чтобы впредь ни одинъ семинаристъ ни подъ какимъ видомъ не только навсегда, но ни на краткій въ домъ, или куда индѣ, отпускъ безъ нашего дозволенія не былъ увольняемъ: такъ же генеральный экзамень ученикамъ былъ бы чинимъ нами, или въ случаѣ недосуговъ, отцемъ префектомъ, употребивъ къ тому, еслии будетъ надобность, и нѣкоторыхъ изъ господъ учителей. А понеже слышимъ, что нѣкоторые изъ семинаристовъ хотя заслужили чрезъ успѣхъ въ ученіи перемѣщеніе въ вышній классъ, оставлены однакъ въ нагрѣтыхъ своихъ гнѣздахъ, для того единственнѣ, что суть малолѣтны. Странная причина! Потому, буде подлинно такъ есть, тотъ-часъ отецъ префектъ учинитъ промоцію¹⁾. Другое распоряженіе Виктора (отъ 12 января 1803 г.) таково: „по дошедшему до насъ свѣдѣнію, что здѣшней семинаріи отецъ ректоръ, архимандритъ Павелъ наказываетъ тѣлесно учениковъ богословскаго класса, и за маловажныя еще причины, предписываемъ немедленно послать къ нему отцу ректору указъ со строгимъ запрещеніемъ наказывать впредь тѣлесно богословскаго и философскаго класса учениковъ, а исправлять ихъ въ малыхъ преступленіяхъ выговорами, въ большихъ нечаею или лишеніемъ кондицій, а о важныхъ обстоятельно представлять къ рассмотрѣнію намъ¹⁾“. Эти два распоряженія показываютъ въ Викторѣ педагога съ воззрѣніями гуманными, самостоятельными и нѣсколько оригинальными. О другомъ учителѣ школы Конисскаго свѣдѣнія имѣемъ у Добрынина: „Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ былъ учителемъ Могилевской семинаріи, а по присоединеніи Бѣлорускаго края къ Россіи, вступилъ въ статскую службу. При открытіи намѣстничества, помѣщенъ стряпчимъ въ верхнюю расправу; потомъ въ верхній земскій судъ... Чугаевичъ былъ мнѣ (Добрынину) равнолѣтенъ, зналъ хорошо латинскій языкъ и латинскихъ авторовъ, имѣлъ смыслъ чистой и рѣчь порядочную. Начальство и чиновники

¹⁾ Чернигов. Епарх. Изв. 1867 г. стр. 629—39.

почитали въ немъ его достоинства, и его уважали. Опъ принявъ меня въ свою дружбу. Во многихъ случаяхъ былъ мнѣ весьма полезенъ до самой его смерти. Но и самая смерть его—въ 1788 г.—была для меня полезна тѣмъ, что я помѣщенъ на его мѣсто въ верхній земскій судъ, какъ будто въ награду моею объ немъ печали¹⁾“.

Устроенная братствомъ школа имѣла чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ воскрешенія и укрѣпленія религіознаго и національнаго самосознанія въ краѣ. Подъ вліяніемъ религіозно-національнаго движенія, поднявшагося въ Западной Россіи съ конца XVI в., повсемѣстно почувствовалась потребность въ просвѣщеніи; между тѣмъ для удовлетворенія ея въ предѣлахъ Бѣлоруссіи вѣрныхъ средствъ почти не было. Правильно организованныхъ православныхъ школъ не имѣлось, а какія существовали, тѣ отличались узкимъ кругомъ преподаванія и возникали лишь на время въ частныхъ домахъ, съ появившейся нуждой. Потребности въ обученіи удовлетворяли странствующие учителя, которые ходили съ предложеніями своихъ услугъ, гдѣ чувствовалась въ нихъ нужда. Такъ, подъ 1607 г. авторъ Баркулабовской хроники пишетъ: „Дмитръ Нагой самозванецъ у попа шкловскаго именемъ дети грамоте училъ, школу держалъ, а потомъ до Могилева припелъ, такъ же у священника Ѳедора Сасинѣвича никольскаго у селе дети училъ, а оный Дмитръ Нагой мелъ господу у Терешка, который проскуры заведаль при церкви Святого Миколы, и прихожуваль до того Терешка часъ не малый, каждому забегаячи, послугуючи²⁾“. Конечно, дѣлали дѣло и эти странствующие педагоги, но все же импровизованныя школы ихъ не могли правильно и постоянно удовлетворять зародившимся широкимъ запросамъ въ просвѣщеніи. И вотъ православные силою обстоятельствъ вынуждались идти въ школы иновѣрныя, которыхъ въ Бѣлоруссіи было уже достаточно. Какъ страна окраинная въ Польскомъ государствѣ, Бѣлоруссія обращала на себя вниманіе правительства, которое, въ видахъ наибольшаго прикрѣпленія ея къ Польшѣ, старалось сгладить религіозную рознь подданныхъ. Уже предъ сознаніемъ Стефана Баторія твердость и стойкость бѣлоруссовъ въ своей вѣрѣ выступали какъ невѣжество, заблужденіе съ пути истины, расколъ, крайнее варварство и не-

¹⁾ Рус. Стар. 71 г. т. IV, стр. 138.

²⁾ Бар. хр. въ матер., изд. Кулишевъ, т. I. стр. 87.

знаніе божескихъ вещей, а посему и водворены были въ Полоцкѣ іезуиты развивать „непросвѣщенные умы“ бѣлоруссовъ „науками и изящными искусствами“ „во славу Божию и спасеніе душъ“. Въ правленіе Сигизмунда III Могилевъ и сосѣдніе города на бѣдѣ имѣли особеннаго культуртрегера въ лицѣ знаменитаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Онъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ латино-польской культуры не только предъ православной, но и предъ модной тогда протестантской и потому съ отѣннымъ усердіемъ заботился о насажденіи ея въ своихъ имѣніяхъ. Такъ, онъ основалъ іезуитскій коллегіумъ въ Оршѣ; есть предположеніе, что въ своемъ имѣніи Бѣлыничяхъ (40 верстъ отъ Могилева) въ монастырѣ Сапѣга завелъ типографію для печатанія польскихъ и латинскихъ книгъ. Оршанскій коллегіумъ считался передовымъ католическимъ постомъ въ крайнихъ предѣлахъ Польши („firmum in illis ultimis finibus fidei propugnaculum¹⁾). Государственнымъ задачамъ въ отношеніи къ Бѣлоруссіи соответствовала и политика римской куріи—обращать особенное вниманіе на мѣста наиболее отдаленныя отъ центровъ католицизма. Вотъ что говорится въ тайной инструкціи, врученной въ 1621 г. польскому нунцію Торресу: „Во всѣ времена на города и провинціи, лежащія на границахъ государства, обращается было больше вниманія, нежели на серединныя его части, потому что, укрѣпивъ пункты, выставленные на непріятельскія покушенія, тѣмъ самымъ уменьшали опасенія относительно безопасности всего государства. Такъ и обширное польское королевство съ присоединенными къ нему провинціями надобно разумѣть не иначе, какъ членами христіанской республики, расположенными на самыхъ ея оконечностяхъ, или на окраинахъ государства, подчиненнаго власти папы и апостольской столицы. Поэтому они должны быть дороже имъ всѣхъ другихъ, и чѣмъ они отдаленнѣе и больше подвержены утратѣ или поврежденію, тѣмъ съ большею заботливостію и большими силами надлежитъ охранять ихъ²⁾“. Православные бѣлоруссы при такомъ положеніи легко уловлялись въ сѣти католицизма. „Іезуиты, пишетъ (въ 20-хъ гг. XVII в.) іезуитъ же Шембекъ, употребляютъ всѣ старанія дѣйствовать даже на сосѣдственныхъ жителей греческой вѣры, въ видахъ довести

¹⁾ Lukaszewicz, Historia szkół, t. IV, p. 123—4.

²⁾ Кулишъ, Ист. возз. Р. т. 3, стр. 3.

ихъ до соединенія съ римскою церковью, не дѣлая никакой отѣны въ церковныхъ обрядахъ и только заботясь объ уни... что свидѣтельствуется *множествомъ* чернецовъ изъ монаховъ греческой религіи, которыхъ іезуиты не только въ своихъ школахъ, но и въ семинаріяхъ воспитывали; подтверждаютъ то коллегіумы львовскій, луцкій, каменецкій, хвастовскій и острожскій, подтвердитъ Варъ и сама Винница—последняя колонія находится уже въ странѣ у татарскихъ предѣловъ, а съ другой стороны *полоцкій, оршанскій, смоленскій коллегіумы*¹⁾“. Какъ поступали Могилевскіе іезуиты съ православными, желавшими учиться въ ихъ школахъ, показываетъ наглядно автобіографія одного южно-русскаго священника, который въ началѣ XVIII в., будучи еще свѣтскимъ, хотѣлъ слушать курсъ наукъ въ разныхъ школахъ. Ілія Турчиновскій стремился въ Могилевъ „для обученія языка латынскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. „За Божию же помощію и Божіей Матере, тогожь времени прилучившемуся купцю (въ Поповой Горѣ) зъ Могилева града Іоану Ронѣ, який изъ Стародуба везлъ желѣзо, и за упрошеніемъ моимъ онаго купца, взять и при возахъ его дошедъ града Могилева..., и отъ него Іоана Ронѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подолѣ, гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрошеніемъ того же Іоана Ронѣ, принять до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на клиросъ, услышано отъ покойнаго архіерея Силивейстера Четвертинскаго мое пѣніе, и къ ему призванъ. Онѣй же епископъ испросился: „коя вѣры, и отъ якої страны и жительства, и гдѣ мое пребываніе“. Оному епископу явилъ я свою вѣру и жительства, якое выше сего написано и гдѣ нынѣ пребываю. Онѣй же епископъ требовалъ мене съ прошеніемъ, чтобы я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене ксензи до школъ и не пустили, сказуя, что ты де сизматикъ, що у сизматиковъ жиєшь. Но когда обучился чрезъ годъ и разсмотривъ искусство партесное, то единого времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на

¹⁾ Отч. Зап. 1862 г. февраль, статья Пекарскаго: „Представ. Кіев. учености“.

хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже былъ отдаленъ отъ капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыходъ концерта за дишкантами, пхнулъ мя исъ хоръ чрезъ желѣзные баласы. Где я исъ хоръ на долъ легль вышенъ у пяти человекъ, и ежели бы не потрапиль на женскія главы, то бы о камѣнь мрамуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусъ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Онъ же реентъ, убоясь, бежалъ исъ хоръ и поддался на римскую релию, но не малимъ коварствомъ зъ римскими пѣвчими старался, яко бы мене увѣчить "... Турчиновскій бѣжалъ отъ этого зла въ Шкловъ, но и тамъ много вытерпѣлъ отъ доминиканъ и другихъ римлянъ). Эти данныя показываютъ, что въ католическихъ школахъ давалось мѣсто православнымъ въ надеждѣ приобрѣсти новыхъ послѣдователей римскаго исповѣданія. Понятна послѣ этого вся важность учрежденія братствомъ постоянной строго-православной школы.

Братская типографія.

Типографія Спиридона Соболя.—Дѣло Максима Вощанки.—Типографія Георгія Кописскаго и отношеніе къ ней братской типографіи.—Характеръ изданныхъ братствомъ книгъ.—Типографы прѣзчики, о которыхъ сохранились свѣдѣнія.—Перечень книгъ, изданныхъ въ Могилевѣ, съ краткими замѣчаніями о пѣкоторыхъ изъ нихъ.

Трудно сказать опредѣленно, когда братство начало свою книгопечатную дѣятельность. Въ библиографіи указываютъ три книги, напечатанныя въ Могилевѣ въ 1616—1619 гг., имено: два служебника и евангеліе учительное. Книги эти впервые указаны Бакмейстеромъ и Сопиковымъ, притомъ безъ подробныхъ оглавленій, и послѣдующимъ библиографамъ извѣстны лишь по Сопикову и Бакмейстеру¹⁾. Вслѣдствіе этого вопросъ о томъ, изъ чьей типографіи вышли онѣ, дѣлается почти нерѣшимымъ. Сахаровъ (въ „Обозрѣніи славяно-русскихъ книгъ“) называетъ въ Могилевѣ типографію Кирилла Транквилліона Ставровецкаго. Кириллъ, дѣйствительно, имѣлъ свою собственную печатню, но нѣтъ никакихъ слѣдовъ хотя бы временнаго пребыванія его и его печатни въ Могилевѣ. Наоборотъ,

¹⁾ Киевская Старина 1885 г. февраль, стр. 325—27.

²⁾ Сопиковъ, Опытъ описанія старопеч. книгъ, I, 1337 и 322 и Бакмейстеръ, Опытъ о библиотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей (изд. 1779 г.), стр. 73. ср. Сахаровъ, Обозрѣніе славяно-русск. книгъ, 161 и 180; каталогъ библиот. Хлудова, № 63 и др.

есть свѣдѣнія, что Кириллъ въ данное время находился въ предѣлахъ Галиціи¹⁾. Для мнѣнія Сахарова могло быть поводомъ лишь то, что одною изъ напечатанныхъ въ Могилевѣ книгъ было евангеліе учительное, составленное Транквилліономъ, — поводъ, конечно, ничтожный. Послѣ 1619 г. и до 30-хъ гг. не видно Могилевскихъ изданій. Этотъ перерывъ, очевидно, стоитъ въ связи съ гоненіями, воздвигнутыми на православныхъ бѣлоруссовъ. Въ 30-хъ гг. появляются въ Могилевскомъ краѣ изданія типографіи Спиридона Соболя. Этотъ „друкаръ“ былъ родомъ изъ Могилева. Отецъ его Богданъ Игнатовичъ Соболю поименовывается въ ряду первыхъ братчиковъ въ уставѣ 1597 г.; въ 1619 г. онъ обвинялся какъ одинъ изъ зачинщиковъ бунта противъ Кунцевича. Спиридонъ Богдановичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Семеномъ подарилъ братству уволоку земли въ „обрубѣ“ Приспенскомъ. Въ 1628—9 г. Соболю печаталъ книги въ Киевѣ; одна изъ нихъ издана на средства извѣстнаго благотворителя Могилевскаго братства Богдана Стеткевича, что свѣдѣтельствуется о томъ, что Соболю не порывалъ связей съ Бѣлоруссіей и въ бытность свою въ Киевѣ. Происхожденіе изъ Могилева, связь съ Бѣлоруссіей во время работъ въ Киевѣ, наконецъ, возвращеніе на родину съ наступленіемъ болѣе благоприятнаго времени — все это не даетъ ли основанія предполагать, что и въ 1616—19 гг. въ Могилевѣ печаталъ не кто иной, какъ Спиридонъ Соболю²⁾.

Возвратившись въ Бѣлоруссію около 1630 г., Соболю не могъ однако сразу поселиться съ своей типографіей въ родномъ городѣ: на послѣднемъ лежала еще тяжелая рука уніатской власти. Болѣе безопаснымъ для книгопечатной дѣятельности оказался Кутейнскій монастырь; въ немъ Соболю и началъ свои работы. Здѣсь имъ изданы: Бранино духовное (Ундольскій, Очеркъ славяно-русск. библиографіи, № 335), Молитвословъ (тамъ же, № 353), Букварь (Каратаевъ, Обозрѣніе славяно-русской библиографіи, № 380) и Часословъ (Унд., № 357). Скоро Кутейнскій монастырь открылъ свою собственную типографію, и пребываніе Соболя здѣсь оказалось излишнимъ. Тогда онъ переселяется въ Буйничи — „новозаложенное мѣсто“ Стет-

¹⁾ Голубевъ, Петръ Могила—прилож. 233 стр.

²⁾ А. З.-Р. т. IV, № 119; Арх. Сб. т. V, и СІ. Годъ дарственной записи (1766 г.) указанъ не вѣрно; это, очевидно, годъ выдачи фундушевой записи изъ магистратскихъ книгъ.

кевича. Здѣсь издана имъ только одна книга: Псалтирь 1635 г. (Унд. № 401), Послѣ 1635 г. Соболю переноситъ свою типографію въ Могилевъ. Извѣстны библиографамъ слѣдующія книги, изданныя здѣсь: Букварь 1636 г. (Унд. 417), Псалтирь 1637 (тамъ же, № 434) и Тестамента 1638 г. (безъ обозначенія мѣста. Сахаровъ, Обзоръ, № 360). Имѣло ли какое-нибудь отношеніе къ дѣлу Спиридона Соболя братство, неизвѣстно. Близкое участіе въ братствѣ отца его и разрѣшеніе короля (отъ 1633 г.) завести типографію, данное братству, даютъ основаніе думать, что и Спиридонъ Соболю печаталъ книги, пользуясь поддержкой братства или, по крайней мѣрѣ, членовъ его, напр. Стеткевича. Извѣстенъ еще, по Сопикову, Требникъ Могилевской печати 1646 г., но изъ чьей типографіи онъ вышелъ, нельзя сказать¹⁾.

Свою собственную типографію братство нашло возможнымъ открыть только съ послѣдней четверти XVII в. Въ 1676 г. оно получило отъ короля Іоанна Собѣскаго привилегію на устройство печатни. Первая книга этой типографіи, извѣстная библиографамъ, относится къ 1688 г. Можетъ быть, были и до этого года изданія ея, такъ какъ на изображеніи Св. Троицы въ академствѣ 1693 г. значится 1680 г. (Унд. 1144). Причиной такого поздняго устройства братствомъ печатни могло быть то, что оно не желало дѣлать подрыва Кутейнскимъ изданіямъ.

На первыхъ порахъ дѣло братской типографіи шло неудачно. Братство сдало ее „райцѣ“ Максиму Ярмолинчу Воцанкѣ съ тѣмъ, чтобы онъ печаталъ книги на свой счетъ, отдавая часть выручки въ братскую казну, и выставлялъ на изданіяхъ имя братства. Но такого довѣрія Воцанка однако не оправдалъ. Въ 1698 г. онъ отправленъ былъ въ Варшаву на коронацію короля Августа II, въ качествѣ посла отъ города и братства для полученія подтвержденія прежнихъ королевскихъ привилегій, данныхъ имъ. Воцанка съумѣлъ строить дѣло такъ, что грамота на право содержанія типографіи выдана была на его имя, о братствѣ же въ этой грамотѣ ничего не упоминалось. Возвратившись домой, Воцанка перенесъ печатню въ свою квартиру, началъ издавать книги подъ своимъ именемъ и даже не хотѣлъ уплачивать денегъ за прежнее время съ 1690 г. Желая положить конецъ самоуправству своего типографа, братство выпросило у ко-

¹⁾ Указанный у Ундольскаго (769) подъ 1661 г. Катихизисъ напечатанъ въ 1761 г.

роля привилегію на свое имя съ уничтоженіемъ права, данного другимъ. Воцанка сталъ обозначать имя братства на книгахъ, но долга ему не отдавалъ и не возвращалъ полученной имъ привилегіи. Тогда братство обратилось съ жалобой къ митрополиту Киевскому. Митрополитъ прислалъ увѣщаніе Воцанкѣ, которое въ концѣ подкрѣплено было и угрозою, что если онъ не примирится съ братствомъ, то послѣдуетъ запрещеніе покупать его книги. Почти одновременно съ жалобой этой, братство начало съ Воцанкой судъ и въ мѣстномъ магистратѣ. Дѣло здѣсь тянулось около 4 лѣтъ; много разъ оно откладывалось подъ разными предлогами, пока, наконецъ, Воцанка не умеръ въ 1708 г. Въ дѣлѣ принимали участіе и сыновья его. Можно думать, что они примирились съ братствомъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ—Василій продолжалъ работать въ типографіи, когда она находилась и въ вѣдѣніи братства. Наученное опытомъ, братство послѣ смерти Максима Воцанки завѣдывало печатней само, нанимая отъ себя работниковъ. Такъ, въ 1725 г. оно дало младшему старостѣ полномочіе найти словолитчика. „По прибытіи этого словолитчика, сказано въ полномочіи, мы общаемся, съ согласія той и другой стороны, заключить условіе относительно его работъ и вознагражденія“. Изъ приходо-расходной записи по типографіи отъ 1771—3 гг. видно, что экономической частью въ ней вѣдалъ подстаростье, которому выдавались изъ кассы деньги на издержки¹⁾.

Большинство изданныхъ братствомъ книгъ относится къ разряду богослужебныхъ; есть нѣсколько книгъ учительнаго характера. Замѣчательно, что почти всѣ книги нравоучительныя изданы въ то время, когда типографіей распоряжался Воцанка. Братство не выпустило изъ своей печатни ни одной оригинальной книги, не брало оно на себя и задачъ исправленія богослужебныхъ книгъ, не издавало оно книгъ и съ толкованіями на поляхъ, какъ дѣлалось въ Кутейнѣ. Оно старалось только объ увеличеніи и распространеніи книгъ, не испорченныхъ уніатами. И это имѣло большое значеніе, такъ какъ многія богослужебныя книги православныхъ типографій были рѣдки и дороги, между тѣмъ какъ уніатскихъ изданій со множествомъ, особенно послѣ Замойскаго собора 1720 г., латинскихъ

¹⁾ Арх. Сб. т. II, № 63 и 67; Созоновъ, Ист.-юр. мат. X, стр. 529; остальные документы въ архивѣ Могилевскаго брат. мон.; оригиналы изд. за данное время, по Ундольскому.

миѣній, обычаевъ, обрядовъ, было достаточно, и православные частью по невѣдѣнію, частью по нуждѣ пользовались ими въ церковной практикѣ. „О, коль плача и рыданія нынѣшнія послѣдняя времена достойна!“ — восклицаетъ игуменъ Іоиль Труцевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ Трефологію въ 1647 г. „Сидяють и утробы вѣрнымъ, и зрящимъ, не точію олтаря раскопанная, но и домы молитвенныя разорены и отъ всякого благолѣпія и украшенія обнажены, иже вся имѣнія и вся благая, отъ древнихъ благочестивыхъ ктиторовъ вѣданная, расхитивше, храмы Божія, во градѣхъ, паче же во вѣсѣхъ, пусты и разорены оставиша: въ нихъ же нищія священники православные оставше, не точію утвари благолѣпія церковнаго, но и книги нуждныя имѣти не могутъ (паче же нужднѣйшія всѣхъ, Трифолога, Львовскія печати, величества и драгости ради, по Осмогласникахъ, въ господскія и богородичны праздники, правила церковная безчынно правятъ)“.

Оно содѣйствуя распространенію богослужебныхъ книгъ, братство не ставило своею задачей изданіе учебныхъ и краткихъ вѣручительныхъ книгъ, въ которыхъ чувствовалось не малая нужда. Такъ, Іеронимъ Волчанскій, донося, что въ его епархіи чувствуется въ книгахъ „крайняя скудость“, просилъ какъ можно больше букварей (съ краткимъ катихизисомъ). Для удовлетворенія потребности въ учебныхъ книгахъ и открыта была въ Могилевѣ новая типографія Георгіемъ Конисскимъ; она находилась при Никольскомъ монастырѣ. Скоровна почему-то пришла въ „оскудніе“, такъ что Георгій отказался напечатать книгу духовника Екатерины Великой¹⁾. Думаютъ, что братская типографія была соединена съ типографіей Георгія Конисскаго. Но это едва ли справедливо, такъ какъ мы имѣемъ приходо-расходную записку отъ 1771—3 гг. по братской типографіи, которая слѣдовательно существовала самостоятельно²⁾.

Изъ типографовъ и рѣзчиковъ братской типографіи извѣстны Максимъ Воцанка, сынъ его Василій, Федоръ Ангилейко, Аванасій П. (Пигаревичъ?), „мастеръ“ Семень, служившій въ 1771 г. за 42 руб. и въ 1772 г. — за 60 р., Никита Антушкевичъ, забравшій за 1772 г. деньги и бросившій работу.

¹⁾ Вѣд. арх. № 57, соч. Конис. П, стр. 240; Чистовичъ, Очеркъ з.-р. ц., II, 266.
²⁾ Изъ исторіи прав. и брат. школы въ г. Могилевѣ, архим., нынѣ епископа Чебоксарскаго, Сергія, Мог. Еп. Вѣд. 1885 г. № 4, стр. 74; ср. запись въ бр. архивѣ.

Перечень книгъ, изданныхъ въ Могилевѣ¹⁾.

- 1) Служебникъ 4°, 1616 г. (Унд. 204; ср. каталогъ биб. Хлудова № 63).
- 2) Служебникъ 4°, 1617 г. (Каталогъ Акад. Наукъ 1742 г., стр. 11, № 6 и Бакмейстеръ: Опытъ о библиотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей, 1779 г., стр. 73).
- 3) Евангеліе учительное Кирилла Транквилліона, въ листъ, 1619 г. (Унд. 228).
- 4) „Букварь языка Славенска. Писаніи Чтенія учиться хотящимъ, въ полезное руковоженіе. Зъ Могилева, зъ Друкарни Спиридона Соболя. Лѣта отъ Рождества Христова 1636“. (8°, 31 л. Унд. 417).
- 5) „Псалтирь Блаженнаго пророка и Царя Давида: Съ Пѣснями и псалмы Избранными на Праздники Господскія и Святыхъ Божіихъ и съ Пасхалією. Помощію Божією, Благословеніемъ же Повеленіемъ и иждивеніемъ Ясне въ Христѣ Превелебнаго и Преосвященнаго его Милости Господина Отца Куръ Петра Могилы, милостію Божією Архіепископа, Митрополита Кіевскаго Галицкаго, и всея Россіи: Екзархи святѣйшаго Апостольскаго Эрону Константінопольскаго, Архімандрита Печарскаго, въ Могилѣвѣ: зъ Друкарни Спиридона Соболя, Слуги его М. рукоданнаго. Року 1637“. 4°. 2. 167 и 38 л. (Унд., 434).
- 6) Тестаментъ, изд. Спиридономъ Соболемъ; мѣсто изданія не обозначено; 1638 г. (Сахаровъ, 360).
- 7) Требникъ, въ листъ, 1646 г. (Унд., 601).

Книги братской типографіи.

- 1) Акаѣсты 1688 г.
  - 2) Акаѣсты. 12°. 2. 226. 22. 1693 г. (Унд., 1144).
- На этой книгѣ есть имя Максима Воцанки. Въ текстѣ болѣе 30 изображеній, на которыхъ птемпель Воцанки: M. W, или Scf. M. W, или: Sculp. M. W, или: Sculp. Maxim Wosczaпка 1680 и др. Въ „молитвахъ на литургіи“ приложены наставленія на западно-русскомъ нарѣчій о томъ, что должно вспоминать вѣрующимъ въ тотъ или другой моментъ Божественной службы. Слѣдуетъ замѣтить,
- ¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ при перечнѣ цитируется Ундольскій: Очеркъ слав.-рус. библ.; у него ссылки и на другихъ библиографовъ.

что въ этихъ наставленіяхъ содержатся иногда неправославныя мнѣнія, которыя тогда были усвоены западно-русскою церковію отъ католиковъ и перешли въ Богослужебныя книги. Такъ, на 169 л. разсматриваемой книги говорится: „Гды мовить священникъ слова Христовы, примѣте и ядѣте сіе есть тѣло мое и проч: Вѣдай же по вымовенію тыхъ словъ отъ священника, непонятымъ челоуѣкови способомъ, хлѣбъ надъ которымъ то мовить, на дискосѣ положенный, южъ не есть хлѣбомъ далей, але пренайдорожшимъ зостаеъ тѣломъ Христовымъ“ — здѣсь католическое мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, усвоенное тогда въ Западной Руси.

3) Псалтирь, 1693 г. 4°. 239 и 10 л. (Унд., № 1145).

4) „Молитвословець въ немже Акаѣисты и Каноны и проч. моленія. Тупомъ изданъ въ Градѣ Могилевѣ: Тщаніемъ Максима Воцанки. Року 1695“ — 24°. 3. 228 и 45. (Унд., № 1179).

5) Молитвословець 1695 г. — 24°. 3. 517 и 42 л. (Унд., 1181).

6) „Молитвословець въ немже Акаѣисты и Каноны и проч. моленія. Тупомъ изданъ въ Градѣ Могилевѣ: Тщаніемъ Максима Воцанки. Року 1695.“ — 24°. 3. 408 и 45 л. (Унд., 1182).

7) Часословъ 1697 г. 8°. (Унд., 1225).

8) „Акаѣисты всеседмичныя съ Стихиры и Каноны, имже прилѣжныхъ и прочія благопотребная Моленія, Первѣе въ Святой Чудотворной Киево-Печерской Лаурѣ, нынѣже въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ въ друкарни Братства Богоявленія Господня. Стараньемъ и коштомъ Максима Воцанки. Тупомъ изобразипася въ Лѣто отъ Рождества Христова 1698.“ — 4°. 2. 293. 14. (Унд., 1239).

Въ книгѣ есть предисловіе и послѣсловіе. Въ послѣсловіи говорится: „Благодареніе, хваленіе, и поклоненіе Вседержителю Богу, всякія Благости Винѣ, Началу, Поспѣшителю, и Совершителю Благоизволившему: въ Славу Святаго имени своего, въ Похвалу Преблагословенныя, Пресвятыя, и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, и присно Дѣвы Маріи, и въ Честь Всіхъ святыхъ, Сію благопотребную на ползу душевную Роду христіанскому. Книгу, глаголемую Акаѣисты Повседневныя, отъ древнихъ зводовъ изслѣдованныя, съ прочіими Молебными послѣдованци: начати и совершити; Коштомъ и накладомъ Максима Воцанки, Въ друкарни ставропѣгія Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іс. Христа. Въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ. Въ лѣто отъ Воплощенія

Бога Слова 1698. Мѣсяца Января“ (14 нenum. л. на оборотѣ). Въ текстѣ до 20-ти изображеній; на оборотѣ заглавнаго листа — изображеніе Богоявленія, встрѣчающееся и въ другихъ книгахъ братской типографіи и являющееся какъ-бы печатью послѣдней. Подъ нѣкоторыми изображеніями двустипія и четверостишія, напр. на л. 102: Видѣніе огненно доброта чудесна.

Сотвори мя все чудне предстателя десна

Михаиле Ангеле, первый Воевода

Заступниче великій христіанска рода.

9) „Діоптра или зеркало живота во мирѣ семь челоуѣческаго. Прежде в монастырѣ Кутеинскомъ, нынѣже во Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ. Въ друкарни Максима Воцанки тупомъ издадеся. Въ лѣто отъ Рождества Христова 1698.“ 4°. 6. 195 и 29 л. (Унд. 1240 и Пекарскій: Наука и литература при Петрѣ В., т. II, № 1).

10) „Небо новое з новыми звѣздами сотворенное то есть преблагословенная Дѣва Марія Богородица з чудами своими, составленное трудолюбіемъ Иеромонаха Іоанкія Галятовскаго ректора и ігумена братскаго кievскаго: нынѣже тупомъ издадеся въ лѣто 1669 въ Могилевѣ в типографіи Максима Воцанки“. 4°. 2. 216 и 9 л. (Унд. 1259).

11) „Сія книга, названная перло многоцѣнное. Составленна Кирилломъ Гранквилліономъ Проп. Слова Божія. Тупомъ изобразися: Въ богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ. Въ друкарни Максима Воцанки. Въ лѣто отъ Рождества Христова 1699.“ 4°. 4. 234 и 4 л. (Унд. 1260). Въ „предмовѣ“ авторъ говоритъ: „А притомъ и то потребно вѣдати тебѣ ласкавый чителнику; ижъ тая книга прещазная, хотяея видить мала въ очахъ людскихъ, но великіи содержитъ въ собѣ тайна збавеню твоему служація, такъ суть высокаго разума богословскаго: же изъ единого вѣршика двоухъ або троухъ словъ: може добрый казнодѣя (проповѣдникъ) повѣсти, и кротко связаную речъ распространити, и душѣ людскіи утѣшитъ словомъ Божиимъ. Такъ же въ школахъ будучи студенты: могутъ себѣ съ той книги святой выбирать вѣрши на свою потребу, и творити зъ нихъ ораціи розмалтыи часу потреби своей; хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“.

12) Ирмологъ въ тип. Максима Воцанки. 1700 г. 12°. 1. 223 и 2 (Унд. 1287).

- 13) Часовникъ 1701 г. 8°. 2. 231 и 6 л. (Унд., 1296).
- 14) „Книга житій святыхъ въ славу святой животворящей Троицы Бога (хвалимаго въ святыхъ своихъ на Три мѣсяцы Первыя, септемврій, октоврій и ноемврій). Благословеніемъ въ Богу преедлебнаго его милости господина Отца Серафіона Полховскаго милостию Божіею Православнаго Епископа Мстиславскаго, Оршанскаго, Могилевскаго въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ въ друкарни Братства Богоявленія Господня. Странемъ и коштомъ Максима Воцаньки. Изданная Тупомъ. Въ Лѣто отъ Рождества Христова 1702, мѣсяца Ноемврія 12 дня“. Въ листѣ. 2 и 657 л. (Унд., 1320).
- Заглавіе украшено мелкими изображениями. На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе Богоявленія, подъ которымъ помѣщены слѣд. стихи:
- 1) При храмѣ Богоявленій Господнихъ явленна.
 2) Есть Благодать, во Троицы Бога прославленна.
 3) Гды Книга Житій Святыхъ является миру,
 4) Сохранихъ къ Богу Любовь, Надежду и Виру;
 5) Иже святымъ Житіемъ въ мирѣ просіяша
 6) А отъ благихъ Дѣлъ сію Книгу содѣяша.
 7) Юже чтае прилѣжно, тѣмъся подражати,
 8) Аще хоцещи вѣрнѣ Богу угождати,
 9) Да и ты тѣмъже путемъ ходяи уллучиши
 10) Гамо, идеже радость вичну получиши.
 11) Дальнѣйшаго изданія этой книги въ Могилевѣ не было (см. Сопикова: Опытъ опис. старопеч. кн. I, 398); кажется, митрополитомъ Киевскимъ запрещено было Воцанкѣ продолжать это изданіе.
- 15) Часословъ 1703 г. 8°. 128 л. (Унд., 1335).
- 16) „Псалтирь Блаженнаго Пророка и царя Давыда. Съ пѣсньми Моисеевыми и молитвами по коейждо Каенсмѣ. Въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ въ Друкарни Братства Богоявленія Господа Бога нашего Иисуса Христа старанемъ и коштомъ Максима Воцаньки Року 1704 тупомъ издася“. Въ листѣ. 2. 193 и 1 л. (Ундол., 1364).
- 17) Псалтирь съ возслѣдованіемъ 1705 г. 8°. 10. 238; 8. 146 и 18 л. — Книга, какъ значится въ „выходѣ“, перепечатана съ древнѣйшихъ Московскихъ изводовъ, по миѣнію библиографовъ, для старообрядцевъ. Печать слишкомъ дурна. — (Ундол., 1380).

- 18) Псалтирь 1710 г. 4°. Известно только по указанію Сопикова (Опытъ опис. старопеч. кн. I. 969). Онъ замѣчаетъ, что книга напечатана старообрядцами съ древняго Московскаго изданія.
- 19) Часовникъ 1713 г. 4°. 307 и 3. (Унд., 1511). Въ выходѣ: „Сія святая и богодохновенная книга, часовникъ, съ переводу печатаннаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7154 мѣсяца іюля въ 25 день, въ немъ же обрѣтается на всякъ день моленіе въ честь и славу и похвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, въ Троицѣ единому Богу, и пречистѣй Богородицѣ, и Ангелу Хранителю и молебное поминовеніе за душу умершаго, и святцы съ тропари и съ кондаки, и четыре десятница, и пятидесятница, Пасхалія зрячая и Лунное теченіе, и вся прочая обрѣтающаяся. Тупомъ издавъ, въ тупографіи богоспасаемаго града Могилева, при церкви братской Богоявленія Господня, въ лѣто отъ мірозданія 7221“.
- 20) Апологія въ утоленіе печали, соч. Св. Димитрія Ростовскаго. 1716 г. 4°. (Унд., 1555).
- 21) Акаенсты 1728 г. 8°. 2. 226 и 23 л. (Унд., 1770).
- 22) „Октоихъ сѣричь Осмогласникъ. Твореніе преподобнаго отца Іоанна Дамаскина и прочихъ святыхъ отецъ. Въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ въ Друкарни Братства Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа изыдадеса року 1730 мѣсяца февруарія дня 20“. 4°. 2. 326 и 2 л. (Унд., 1784).
- 23) Правило ко св. Причащенію 1736 г. 4°. (Унд., 1837). Въ первый разъ издано въ Черниговѣ въ 1714 г. (см. Пекарскій: Наука и литер. т. II, № 242 ср. № 431).
- 24) Псалтирь 1738 г. 4°. 2 и 192 л. (Унд., 1857).
- 25) Молитвословъ 1743 г. 24°. 2 и 270 л. (Унд., 1977).
- 26) Псалтирь 1743 г. — Единственный известныи экземпляръ хранится въ музеѣ при Киевской духовной Академіи; поступилъ туда изъ библ. Шодуаровъ.
- 27) Ирмолой 1747 г. 12°. Въ неспитыхъ листахъ хранится въ братскомъ монастырѣ.
- 28) „Трѣфологіонъ или Цвѣтословъ. Избранныя службы: Со Всенощными: на Господскія Праздники, Богородичны, Святыхъ нарочитыхъ. Въ Богоспасаемымъ Градѣ Могилевѣ въ Друкарни Братства Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа изыдадеса Року 1748 мѣсяца Февруарія 27“. 4°. 4 и 390 л.

На об. послѣдняго листа: „Аще кая обрящутся погрѣшенія, всяко молимъ покрыти скудоуміе и невѣжество наше исправить, и прощению насъ туждающихся сподобити: да и сами тожде прощение отъ Христа Бога получите, въ День послѣдняго возданія Аминь“. Книга эта не указана въ „Очеркѣ“ Ундольскаго. Экземпляры ея есть въ братскомъ монастырѣ и въ библиотекѣ Могилевской духовной семинаріи.

29) Трифологіонъ 1754 г. 4°. Въ неспитыхъ листахъ хранится въ братскомъ монастырѣ.

30) „Октоихъ сиречь Осмогласникъ. Твореніе Преподобнаго отца Іоанна Дамаскина и прочихъ Святыхъ отецъ. Въ Богоспасаемомъ Градѣ Могилевѣ въ Друкарни Братства Богоявленія Господа Бога нашего Иисуса Христа издадеся. Року 1754 мѣсяца Іануарія дня 15“. 4°. 2. 326 и 2 л. Унд. 2210. Экземпляръ есть въ библиотекѣ Могилевской духовной семинаріи.

31) Часословъ 1762 г. Въ неспитыхъ листахъ хранится въ братскомъ монастырѣ.

32) Часословъ, безъ года. Два экземпляра въ братскомъ монастырѣ. Въ прихода-расходной вѣдомости по братской типографіи подъ 1771 г. говорится: „Заложили робить часословъ съ червоными литерами“.

33) Акаѣсты 1798. 4°. 316 л. (Унд., 3124).

Книги, вышедшія изъ типографіи Георгія Конисскаго.

1) „Катехизмъ или краткое начальное христіанское ученіе въ ползу и Спасеніе юношамъ купно же и старымъ ненаученнымъ въ трехъ бесѣдахъ. Написанный и въ Богоспасаемомъ Градѣ Могилевѣ бѣлорускомъ Напечатанъ отъ Рождества Христова 1757 года“. 8°. 128. (Унд., 2261).

Это — катихизисъ Теофана Прокоповича, изложенный Георгіемъ Конисскимъ на языкѣ, болѣе понятномъ для простаго народа бѣлорусскаго. Языкъ этотъ такой же, какъ и въ проповѣдяхъ Георгія, т. е. представляетъ смѣсь церковно-славянскаго и бѣлорусскаго. Нужда въ подобной передѣлкѣ катихизиса чувствовалась въ Могилевской епархіи давно и съ рѣшительностію была заявлена епископомъ Іеронимомъ Волчанскимъ въ перепискѣ съ Св. Синодомъ: „видится, говорилъ онъ, весьма полезнѣе было бы церкви святой,

когда бы оный же катихизисъ (т. е. присылаемый изъ Св. Синода) съ высокихъ славянскихъ словъ, индѣ неудобовразумительныхъ, Св. Синодъ повелѣлъ перевести простымъ нарѣчіемъ и напечатать образцомъ букваря, понеже въ немъ рѣчи высокія богословскія не всякому внятны, паче же ненаученнымъ и простымъ, потому и читать многіе не охотятся, не разумѣя высокаго и темнаго діалекту, найпаче здѣ, для помѣпательства языка русскаго съ польскимъ¹⁾. Осуществленіе этихъ желаній епископа Іеронима и представляетъ данная книга. Она была разослана по приходскимъ церквамъ при особой грамотѣ Конисскаго. Скоро понадобилось и другое изданіе этого катихизиса.

2) „Катехизмъ или Краткое начальное ученіе христіанское въ ползу и Спасеніе юношамъ равно же и старымъ ненаученнымъ въ трехъ бесѣдахъ. Написанный и въ Богоспасаемомъ Градѣ Могилевѣ Бѣлорускомъ второе Напечатанъ въ Лѣто отъ Рождества Христова 1761“. 8°. 1, 128 и 7. (Унд., 2334). Отъ изданнаго въ 1757 г. отличается тѣмъ, что въ концѣ имѣеть 7 лишнихъ листовъ, на которыхъ помѣщены оглавленіе и молитва Господня „со изясненіемъ“; послѣдняя „положена“ потому, что „имѣли остатись праздни листы“. Экземпляръ этого изданія есть въ библиотекѣ Могилевской духовной семинаріи.

3) Слова Георгія Конисскаго 1761. 4°. (Унд., 2333).

4) De Arte Poëtica libri III ad usum et institutionem Studiosae juventutis Roxolanae. Dictati Kioviae in Orthodoxa Academia Mohyleana. Anno Domini 1705. Mohiloviae. In Privilegiata a sua Imperatoria Majestate Typographia Illustrissimi, Excellentissimi ac Reverendissimi Domini, Domini Archi-Episcopi Mohiloviensis. Anno Domini 1786.

БРАТСКІЙ ШПИТАЛЬ.

Вышняя судьба братскаго и другихъ Могилевскихъ шпиталей. — Внутреннее устройство ихъ. — Замѣчаніе о нѣкоторыхъ филантропическихъ обычаяхъ братства.

Въ Западной Россіи для призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ существовали особаго рода богадѣльни, усвоившія себѣ названіе шпиталей (отъ лат. hospitale, польск. szpital). Шпитали возникали боль-

¹⁾ Чистовичъ, Очеркъ з.-р. ц., т. II стр. 266.

шею частью по частному почину благотворителей и получали нѣкоторыя права отъ государства, дававшія имъ прочное юридическое положеніе въ немъ. Правительство польское, напр., снабжало шпитали привилегіями на записываемые на нихъ фондуши, ограждало цѣлостъ ихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній и т. п. На этихъ-то учрежденіяхъ и сосредоточили свои благотворительныя заботы западно-русскія братства.

Въ Могилевѣ шпитали существовали съ давнихъ поръ. Первые историческія указанія на нихъ восходятъ къ концу XVI в. Эти данныя и показываютъ, что Могилевскіе шпитали пользовались особеннымъ покровительствомъ тамошнихъ братствъ. Такъ, извѣстное намъ братство скорняковъ на своихъ сходкахъ между прочимъ имѣло разсужденія и о „потребахъ шпитальныхъ“ и назначало для содержанія богадѣленъ часть изъ доходовъ отъ складчинныхъ пировъ¹⁾. Спасо-Богоявленское братство также съ самаго начала своего существованія помощь шпиталямъ считало одной изъ важныхъ формъ своей дѣятельности. Въ уставѣ 1597 г.²⁾ оно обѣщалось давать милостыню по шпиталямъ два раза въ годъ—въ Рождество Христова и Св. Пасху. Изъ словъ этого устава не видно, чтобы у братства былъ свой шпиталь, и былъ ли у него таковой, пока оно находилось при Спасскомъ монастырѣ, сказать опредѣленно нельзя. Но когда братство перешло въ Богоявленскій монастырь и широко развернуло свою дѣятельность, оно озаботилось устройствомъ своего собственнаго шпитала. Построеніе его должно относить къ концу 30-хъ годовъ XVII в. По крайней мѣрѣ по одной записи 1535 г. видно, что при братствѣ въ скоромъ времени послѣ 1635 г. будетъ открытъ шпиталь для содержанія убогихъ³⁾. Со времени своего построенія онъ черезъ весь XVII-й и большую часть XVIII в. не прекращалъ своего существованія и упоминается въ документахъ на ряду съ другими шпиталами, число которыхъ было довольно значительно. Полное перечисленіе всѣхъ Могилевскихъ шпиталей имѣемъ въ заведеніи братчика Гуторовича отъ 1702 г. Здѣсь упоминаются шпитали: братскій (противъ іезуитовъ, каменный), Спасскій, Покровскихъ два подъ Олейной брамой, Никольскій, два Вашковскіе, Тро-

¹⁾ Арх. Ю и З. Р. т. I № 189.

²⁾ А. З. Р. т. IV. № 119.

³⁾ Созоновъ, Ист.-юр. мат. т. IX, стр. 214—216.

ицкій, Ильинскій, Пречистенскій, Глѣбо-Борисовскій, Ближне-Воскресенскій и Дальне-Воскресенскій (каменный)¹⁾. Когда Екатерина II посѣтила Могилевъ, она нашла здѣсь болѣе сорока благотворительныхъ учреждений; вѣроятно, въ числѣ ихъ были и шпитали. Существующія въ Могилевѣ въ настоящее время около церквей Успенской, Никольской (съ послѣдняго времени здѣсь церковно-приходская школа) и Воскресенской (при спускѣ на Виленскую улицу) богадѣлни должно считать остатками старыхъ шпиталей.

Относительно внутренняго устройства Могилевскихъ шпиталей знаемъ не много. Въ 1621 г. Могилевскій магистратъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя ненормальныя явленія въ шпитальной жизни и издалъ постановленія о надзорѣ за нищими, живущими въ шпиталяхъ и о правилахъ поступленія въ эти богадѣлни. Ненормальныя явленія шпиталей заключались въ слѣдующемъ. Въ шпитали поступали лица, у которыхъ нищенство служило средствомъ легко добывать кусокъ хлѣба. Призрѣваемые въ богадѣльняхъ, напр., высылали своихъ дѣтей на улицу, якобы сиротъ, за сборомъ подаяній, и собранный хлѣбъ перепекали и продавали на рынкахъ. Иногда принимаемые въ шпитали безъ всякаго разбора и контроля приносили съ собою въ городъ заразные болѣзни. Въ виду этихъ ненормальностей магистратъ установилъ должность особыхъ надзирателей надъ нищими, поступающими въ шпитали. Изъ среды ихъ самихъ избирались особые „калѣцкіе старосты“, числомъ четыре (вѣроятно, на одинъ шпиталь), а надъ ними назначался еще „дозорца“ изъ присяжныхъ магистратскихъ слугъ. Староста обязанъ былъ смотрѣть за поступающими въ шпиталь. О всякомъ убогомъ, явившемся въ первый разъ въ городъ, онъ даетъ знать магистрату. Магистратъ осматриваетъ убогаго и отъ него зависитъ принять его въ шпиталь или отказать. Такъ, если магистратъ найдетъ, что нищій зараженъ повѣтріемъ или имѣетъ „яки трондъ и трутвицу“, то такой не допускается въ шпиталь. Если же препятствій къ приему не встрѣтится, то нищій, по приказанію магистрата, записывается „калѣцкимъ старостой“ въ „реестръ ихъ калѣцкій“ и пользуется всѣми правами шпитальныхъ жильцовъ. „Дозорца“, назначаемый изъ присяжныхъ слугъ магистратскихъ, обязанъ былъ знать о всѣхъ источникахъ и средствахъ содержанія нищихъ и добываетъ

¹⁾ Тамъ же, т. XI, стр. 202.

момъ ими разными способами пропитанія и обо всемъ какъ старостѣ, такъ и магистрату сообщать. Какъ привилось это устройство къ Могилевскимъ шпиталямъ, данныхъ имъ, въ шпиталяхъ, по крайней мѣрѣ лучше обеспеченныхъ материально, къ каковымъ безъ сомнѣнія принадлежалъ братскій, при-зрѣваемымъ давалось все необходимое (пища, одежка и т. п.) натурою. Такъ, въ 1702 г. бурмистръ и братчикъ Гуторовичъ завѣщатель на братскій шпиталь 1500 злотыхъ и на всѣ остальные Могилевскіе шпитали около 5000 зл. съ тѣмъ, чтобы „квота“ т. е. проценты съ этого капитала шли на покушку кожуховъ и полотна для рубашекъ бѣднымъ; кромѣ того завѣщатель назначилъ 2000 зл. на „труны“ (гробы) для убогихъ. Кромѣ содержанія натурою шпитальные жильцы получали и деньги. Такъ, мы уже видѣли, что Спасское братство въ самомъ началѣ своего существованія опредѣлило давать „ялмужну“ (милостыню) по шпиталямъ два раза въ годъ. Разные благотворители, преимущественно изъ братчиковъ, также отчисляли немалую сумму для поручной раздачи лицамъ, живущимъ въ шпиталяхъ и просящимъ подаенія по улицамъ. Тотъ же Гуторовичъ оставилъ 4000 злотыхъ для раздачи нищимъ послѣ поздней обѣдни по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и во время большихъ процессій. Игуменъ братскій Сильвестръ Волчанскій завѣщатель, чтобы его душеприказчикъ „по шпиталяхъ Могилевскихъ на убожество и на людей убогихъ мизерныхъ, по улицахъ скитающихся, роздалъ 100 зл.“¹⁾ Судя по этимъ щедрымъ жертвамъ на шпитали, положеніе ихъ было хорошо.

Кромѣ призрѣнія въ шпиталяхъ нищихъ и больныхъ, благотворительность братства проявлялась и въ другихъ формахъ. Такъ, оно не забывало тѣхъ несчастныхъ, которые не могли понасть въ богадѣльни и принуждены были скитаться по улицамъ, а также и лицъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ. Въ уставѣ 1597 г. этимъ страдальцамъ постановлено было давать милостыню два раза въ годъ²⁾. Можно полагать, что съ усиленіемъ братства выдавалась милостыня и чаще. Было обращено вниманіе братчиковъ и на взаимную самопомощь. Этого рода благотворительность, имѣя въ своей основѣ

¹⁾ Созоновъ, Истор.-юр. мат. т. X. Завѣщаніе Волчанскаго.

²⁾ А. З. Р. т. IV, № 119.

принципъ братской любви, долженствовавшій направлять всю жизнь братства, вызывалась еще и тѣми стѣсненіями мѣщанъ въ экономическомъ отношеніи, къ которымъ весьма и весьма часто прибѣгала католическая партія съ цѣлію достиженія своихъ намѣреній относительно православныхъ. Западно-русское мѣщанство подвергалось особенно рѣзкимъ ограниченіямъ въ торговой и промышленной дѣятельности. Стѣсненія эти сосредоточивались главнымъ образомъ около цеховъ. Такъ какъ по польскому законодательству цехи считались учрежденіями религіознаго характера, то въ ихъ дѣла постоянно вмѣшивались духовныя католическія и униатскія власти. Онѣ старались вытѣснить православныхъ изъ цеховъ, добывая большія права ремесленникамъ-католикамъ; стѣсненія эти доходили иногда до того, что православнымъ мѣщанамъ запрещались всякія ремесленные занятія „до наименьшой иглы и шилца, чѣмъ бы только человекъ живъ быти могъ“ (слова Львовскаго братства; Сводная Галицкая лѣтопись т. I, сбор. 403). Въ частности Могилевскіе цеховые мѣщане стѣснены были тѣмъ, что хотя громадное большинство изъ нихъ состояло въ православіи, однако короли, утверждая цехи своими грамотами, обязывали ихъ (цехи) совершать разныя религіозныя цеховыя церемоніи въ католическихъ костелахъ и туда же отдавать воскъ и всякій доходъ отъ медовъ. Конечно, для православныхъ было это тяжело, и они просто, насколько позволяли обстоятельства, не исполняли постановленій королевскихъ. Многіе изъ цеховъ приписывались къ братству, отправляли свои обряды въ братской церкви и ей же отдавали воскъ отъ медовыхъ складчинъ на свѣчи. Такъ, въ 1634 „мечники“, „слесари“, „ковали“ и „котляры“ постановили: имѣть себѣ алтарь „для хвалы Божой и молитвы товарищества цеху нашего въ церкви упривелеванной и процессью тамже отпраговати“ и воскъ отъ двухъ складовъ въ эту же церковь отдавать¹⁾. Но на стражѣ королевскихъ узаконеній относительно цеховъ находило выгоднымъ стоять католическое духовенство, и Могилевскіе цехи постоянно обвинялись ксендзами. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVII ст. ксендзь Жваленко велъ продолжительную тяжбу съ цехами по поводу неотдачи ими воску на костель. Не меньшимъ стѣсненіямъ подвергались и торговые люди. Въ 1623 г. Могилевскіе купцы „предста-

¹⁾ Созоновъ, Ист.-юр. матер., т. VIII, стр. 509.

вили (въ магистратъ) обиду свою и жалобу на то, что когда бывають они по торговымъ дѣламъ въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ, то имъ несносныя обиды отъ разныхъ лицъ чинятся и, въ противность узаконеній его королевскаго величества, невинно грабятъ ихъ и задерживаютъ, отъ каковыхъ де обидъ и грабежей они купцы, жители Могилевскіе, проходятъ въ бѣдность“. Естественно, что противъ такихъ стѣсненій мѣщанство могло выставить только силу своихъ ассоціацій. Такъ оно и дѣйствовало. Купцы Могилевскіе, напр., просили королевскаго позволенія взимать платежъ въ особую братскую купеческую кружку (do skrzynki osobliwey brackiey kurieckiey¹⁾), чтобы имѣть возможность поддерживать свою корпорацію. И наше церковное братство, въ большинствѣ своихъ членовъ состоявшее изъ мѣщанъ цеховыхъ и купцовъ, также вызывалось на необходимость особенно позаботиться о самопомощи. Потому-то оно и внесло въ свой уставъ такой пунктъ: „еслибы тежъ который кольвесъ братъ уписный, съ допущенія Божого, съ пригоды на маетности упаль: тогда такому, съ повинности христіанской, зъ скрынки брацкое водлѣ преможенія братского подпоженье чинити будемъ; также и въ хоробѣ брату уписному убогому, яко на ратунокъ здоровья, такъ и на выживенье часу тяжкости его, водлѣ преможенія братского дадимъ и всякими потребами опатровати будемъ. А кгда тежъ на которого брата уписного убогого Панъ Богъ смерть допустити рачитъ, а не было бы маетности его, чимъ тѣла поховати: тогда вся братья братства церковного накладомъ своимъ зъ скрынки братской погребъ ему чините будемъ, водлугъ звычайу христіанского, яко добрая воля и помощность наша будетъ“²⁾.

О. Жудро.

¹⁾ Вѣл. Арх. № 33.

²⁾ А. З. Р. т. IV, № 119.

Изъ „Могилев. Епарх. Вѣд.“ №№ 29, 30—31, 34—35 за 1889 г. и 1—2, 3—4, 5, 10—11, 14—15, 16, 17—18 и 19 за 1890 г.

Дозв. ценз. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1 іюля 1890 г. Цензоръ, Протоіерей *І. Митай*.

Типо-Литографія Ш. Фридланда въ Могилевѣ губ.